

Аркадий Тимофеевич Аверченко

**Рассказы для
выздоравливающих**

Аркадий Аверченко

Рассказы для выздоравливающих

«Public Domain»

2010

УДК 821.161.1

Аверченко А. Т.

Рассказы для выздоравливающих / А. Т. Аверченко — «Public Domain», 2010

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) – русский писатель, журналист, редактор журнала «Сатирикон», один из самых известных сатириков начала XX века. В книгу вошел авторский сборник «Рассказы для выздоравливающих», наполненный «шумом, весельем, беззаботностью, бодростью и молодой дерзновенной силой».

УДК 821.161.1

Содержание

Предисловие	6
Сердечные дела Филимона Бузыкина	7
I	7
II	9
Преступление актрисы Марыськиной	11
Человек, у которого были идеи	15
I	15
II	17
III	18
IV	19
Три визита	20
I. Женщина из Ряжска	21
II. Человек с испорченными часами	24
III. Господин с полужакрытыми глазами	26
Зеркальная душа	30
Сердце под скальпелем	33
Глава I Замечательный попутчик	33
Глава II На практике	37
Глава III Номер седьмой	40
Сильные и слабые	41
I	41
II	43
III	45
IV	46
Русалка	47
Руководство для лентяев	52
Ложное самолюбие	55
Душа общества	59
Слепцы	62
I	62
II	64
III	65
Я в свете	66
I	66
II	68
III	71
Одураченный хиромант	72
Волчья шуба	76
I	77
II	79
III	80
IV	81
Последний	82
I	82
II	83
III	85

IV	86
Разумная экономия	87
Медицина	90
Мотыльки на свечке	94
Дьявольские козни	98
I	98
II	101
По влечению сердца	103
I. Французский рассказ	103
II. Английский рассказ	104
III. Немецкий рассказ	105
IV. Австралийский рассказ	106
Конец графа Звенигородцева	107
Опора порядка	110
I	110
II	113
Купальщик	115

Аверченко Аркадий Тимофеевич

Рассказы для выздоравливающих

Предисловие

Очень, очень трудно писать предисловия. Всегда почти содержание предисловия сбивается на извинение «простите, мол, меня, что я выпускаю книжку. Выпускаю я ее потому-то и потому-то, и больше не буду». Я в своем предисловии к этой книжке постараюсь быть оригинальным – извиняться и оправдываться не буду. «Да, выпустил книжку. Что ж из этого? Чуткий человек всегда поймет меня и оправдает».

Почему я выпустил эту книгу?

Обратили ли вы внимание, читатель, что у нас вся современная литература резко разделяется на две категории:

- а) Книги для здоровых и
- б) Книги для больных.

Для первой категории писали раньше, для второй пишут теперь. Но нет ни одной книги, которая обслуживала бы третью категорию: выздоравливающих. А это самая прекрасная, самая симпатичная категория.

Когда человек после долгой, тяжелой болезни раскроет впервые глаза и почувствует, что из открытого окна вместе с запахом сирени и гамом бодрого города в него чудесной вольной струей врывается новая жизнь и силы, – такому больному хочется всего помногу. Он хочет много есть, много пить, слушать много музыки и много смеяться. Рожденный снова на свет со свежими, обостренными чувствами, он жадно и весело впитывает в себя, как губка, все, что окружает его. Все должно сверкать, шуметь, искриться, всего должно быть помногу – много яичницы, много бифштексов, много укрепляющего красного вина.

И если он захочет читать – книга должна быть такая же, в ней он ищет много шуму, веселья, беззаботности, бодрости и молодой дерзновенной силы.

И вот я хочу своей книгой по мере сил послужить чудесному, прекрасному народу – выздоравливающим.

Да не подумает наивный читатель, что только для человека в больничном халате, с исхудалым лицом и сверкающими глазами написана эта книга. Недоставало бы в таком случае к книге приклеить этикетку с сакраментальной надписью: «Перед употреблением взбалтывать!»

Нет! Автор размахивается шире: вся Россия была больна и вся Россия выздоравливает – что бы там ни говорили бескровные нытики и рахитичные слизняки с испуганными лицами, поверженные в прах обыкновенным городовым с ближайшего перекрестка...

Свежая кровь со свежей энергией переливается в освеженных жилах – да здравствуют выздоравливающие!

Вот почему, для чего и для кого я написал эту книгу. Больше я этого никогда не сде... Впрочем, однако, я собирался быть оригинальным...

Как трудно писать предисловия!

Аркадий Аверченко

Сердечные дела Филимона Бузыкина

I

Вышеназванный молодой человек восхищал меня тем, что его внутренние свойства строго гармонировали с его наружностью. Ввиду этого, я полагаю, будет достаточно одного наружного осмотра этого увлекательного малого, чтобы составить себе мнение о его духовной стороне.

Маленькое толстое туловище с трудом поддерживалось тонкими ногами, которые, изнемогая от наваленного на них груза, покривились и образовали нечто вроде овальной рамки для зеркала; носки сапог не отворачивались друг от друга с пренебрежением, как у других людей, а, наоборот, стремились дружески сблизиться, подавая тем благой пример враждующим пяткам... Руки хотя и казались короткими, но зато кисти их были так красны, что это могло утешить самого взыскательного человека. Круглая жирная голова, украшенная парой повисших ушей – двух печальных флагов в дождливую погоду, – плотно и несокрушимо сидела на массивных плечах. Лицо заплыло целым морем жира, и несчастные маленькие глазки захлебывались и тонули в этом море, несмотря на то, что сердобольная рука окулиста бросала им пару спасательных кругов – громадные черные очки.

Таков Филимон Бузыкин – оптовый торговец кишками и бычачьими шкурами. Наше странное знакомство началось с деловых встреч в конторе транспортного общества, через которое он отправлял за границу бочки с кишками, а я в качестве конторщика этого общества писал ему коносаменты и накладные.

Я привык видеть его озабоченным, деловым, вечно клянчащим каких-нибудь уступок и послаблений и поэтому был однажды чрезвычайно удивлен его легкомысленным неделовым видом. Он явился ко мне домой в воскресенье в отвратительном сюртуке и сером галстуке, который больше походил на петлю удавленника.

– Что это вы?! – спросил я.

– Да вот к вам. Вы, вероятно, сведущи в этих делах – так я и пришел... Хи-хи.

– В каких делах?

– В этих...

Он встал, подошел ко мне и неуклюже пощекотал пальцем у меня под мышкой.

– Что вам нужно? – с легкой тревогой спросил я.

– Видите ли что, мой друг...

Губы его раздвинулись в широкую улыбку, жир выступил из берегов и совершенно затопил глазные участки; глазки захлебнулись и пошли ко дну, хотя два черных спасательных круга и плавали на поверхности лица.

– Видите ли что... Я знаю, вы сведущи в этих делах...

– В каких же?!

– В любовных. Нужно вам сказать, что я до сих пор занимался только делом. Дело, и только дело! – таков мой девиз. Но, знаете, сердце, в конце концов, просит другого, и я вздумал немного пошалить с бабёночками.

– Дело хорошее! – серьезно сказал я.

– Не так ли?! Я хотя делишек с женщинами не имел, но повадку их знаю. Ведь стоит только подмигнуть хорошенько бабе – она и побежит за вами.

– Да уж... женщин на это взять.

– Говорят, некоторые женщины добродетельны, но я в это не верю. А?

– Сказки! – горячо сказал я. – Все они хороши до первой интрижки.

– О, неужели все? И даже самые интеллигентные?

– Да при чем тут интеллигентность?

– Это, положим, верно.

Бузыкин повеселел.

– Хе-хе... Выходит, значит, что всякую женщину можно при желании соблазнить.

– Всякую, – твердо сказал я.

– И я так думаю. Вот только насчет способов, как говорится, я слаб. Практики не было.

Вот – хи-хи – и зашел к вам...

– Какие там способы, – пожал я плечами. – С ними ведь очень простое обхождение: понравилась – сейчас хватай за руку, потом за талию, пара горячих поцелуев – и она ваша.

– Вот это по-моему. Ну, а если она обидится?

– На одного обидится, а на другого и не обидится.

Он задумчиво вытянул губы и потом, с трудом прищурясь, спросил:

– А на меня... как вы полагаете? Хе-хе! Не обидится?

– На вас? Конечно, нет. Да чего ей и нужно: молодой, красивый.

– Тридцать два года! – отрывисто сказал Бузыкин. – Все зубы, хороший цвет лица. Когда прохожу по улице – все оборачиваются.

– Да и неудивительно, – согласился я. – На примете есть кто-нибудь?

– Из бабенок?

– Да!

– Есть тут одна – жена адвоката Медляева, может знаете?

– Ого! Вы, однако, молодец! Она, говорят, красавица. Так и надо: уж если заниматься этим делом, так брать самое лучшее!

– А вы как же думаете? Хи-хи. Филимон Бузыкин еще себя покажет. Я, миленький мой, тоже не дурак.

– Вот женщины таких и любят – смелых, решительных... Вы составили себе какой-нибудь план?

– За этим-то я и пришел. Дело в том, что она каждое утро до обеда прогуливается в городском саду. Вот через полчаса она уже придет. Но как к ней подъехать – вот вопрос. Главное – начать, потом-то я пойду как по маслу.

– И вы еще раздумываете! – всплеснул я руками. – Молодой, интересный, кровь с молоком, знающий женщин как свои пять пальцев! Да просто подходите, берите за руку – и готово.

– И она не удивится, не испугается?

– Ни капельки. Оне к этому привыкли.

– О? Ну и проклятое бабье. Вот-то мужьям, я думаю, обидно?

– А вам-то что? Не думаете же вы жениться?

Он захохотал.

– Ни-ни. На мой век бабья и так хватит.

– Лихой вы парень, – любезно сказал я. – Когда думаете «подъехать» к вашей избраннице? Сегодня?

– Я думаю, не стоит откладывать этого дела в долгий ящик. Вы свободны? Поедем в городской сад.

– С вами – хоть к дьяволу на рога.

II

Мы уселись на скамью у киоска минеральных вод и стали рассеянно глядеть на возившихся в песке детишек.

– А что, если у нее от меня дети будут? – озабоченно спросил Бузыкин.

– Да вам-то что? Не вы же их кормить будете.

– Хи-хи... Я думаю! Вот она! Вот.

По дорожке в задумчивости шагала красивая высокая дама. Мысли ее, очевидно, витали где-то далеко.

– О любовниках думает, – шепнул мне продавец бычачьих кож.

– Да уж у них других мыслей и нет. Ну, не робейте! Действуйте! Куйте железо, пока горячо!

– А вы не находите, – спросил Бузыкин, – что у нее лицо какое-то такое... угрюмое?

– Э, милый мой... Маска! Светский прием. Эх! Я бы и сам не прочь подойти.

– Э, нет! Это нечестно – отбивать у приятелей. Я ее нашел, а не вы. Глядите! Она пошла в левую аллею.

– Вот вам счастливый случай! Не зевайте!

Бузыкин встал, затянул потуже галстук и бросился в погоню за задумчивой красавицей.....

Не прошло и двух минут, как он вынырнул из липовой аллеи и поспешно вернулся ко мне, переваливаясь на кривых ногах и наступая сам себе на носки.

– Ну что?

– Слушайте... она... дерется!

– Как дерется?! Что вы!

– Да так. Я взял ее за руки, а она меня как хватит!

– Неужели?!

– Уверяю вас.

– Гм... Тут что-нибудь не так... Какой рукой ударила?

– Э, черт... Не все ли равно? По лицу.

– Да вы как сделали?

– Как вы и говорили... Я ж не знаю. Подошел сзади, схватил ее за руку, говорю: «Едем, милочка!» Она даже не спросила куда, не поинтересовалась... дерется!

– А вы знаете что... Я думаю, вы на нее все-таки некоторое впечатление произвели.

– Вы думаете?

– Я в этом уверен. Молодой, интересный... Просто ей было неловко с вами по саду идти на глазах у публики – все-таки замужняя, – она и отказалась.

– Так зачем же драться?

– Да у них это все вместе: и колотушки, и поцелуи. Да, может быть, она вас просто потрепала по щеке?

– Нет... ударила. Хотя... гм!.. Может быть... Что ж теперь делать? Вы ведь в этом мастак.

– Она сюда пешком приходит?

– Нет, в автомобиле. Ее автомобиль у входа ждет.

– Так очень просто. Засядьте сейчас потихоньку от шофера в автомобиль, а когда она войдет – бросайтесь смело на приступ. Вы не можете себе представить, как темнота и тайна делают женщину доступной.

– Ну? Хи-хи... А вы, я вижу, тоже дока.

Так он и сделал. Шофер о чем-то дружески беседовал с извозчиками и не заметил шаловливой проделки моего друга, который влез потихоньку в автомобиль и сейчас же послал мне из окошечка дождь поцелуев и кивков головой.

Через пять минут госпожа Медляева вышла из сада, через пять с половиной, открыв дверку, влезла в автомобиль, а через шесть минут влюбленный Филимон в ужасе и смущении вылетел на тротуар.

Дама высунула голову и сказала шоферу, который держал Бузыкина за шиворот:

– Не надо драки – отпустите этого идиота. Как я жалею, что муж в отъезде – он расправился бы с ним как следует. Садитесь, Павел. Домой!

Когда автомобиль умчался, я приблизился к изумленному Филимону Бузыкину и сказал радостно:

– Поздравляю! Ваше дело наполовину выиграно!

– Что вы! Вы видели, как она меня шваркнула?

– «Шваркнула» она вас по заслугам! Она, кроме того, назвала вас идиотом – и тоже по заслугам! Как можно было не догадаться спустить шторы на окнах. Ведь со всех сторон было видно и вас, и ее. Не могла же она себя компрометировать!

– Но зачем же ей драться?! Опять ударила, вытолкнула из автомобиля.

– Милый мой! Ведь она рисковала репутацией! Развратные-то оне все развратные, но репутацию свою берегут. Впрочем, ваше дело идет на лад.

Мой друг молча, вопросительно взглянул на меня.

– Конечно! – горячо сказал я. – Вы заметили – фраза «как я жалею, что мой муж в отъезде» сказана для вас. Вас она хотела предупредить, что путь сейчас свободен. И вы не теряйте времени, потому что для вас же сказана и вторая фраза: «Павел, домой!» Этим вам показано, что ваша очаровательница отправляется прямо домой, где, конечно, вас будут ждать.

– Ну? Вы думаете? Как бы чего не вышло... А?

– Чепуха! Раз первое знакомство сделано – остальное пустяки. Сейчас же и поезжайте! Если и теперь ничего не добьетесь – значит, вы не мужчина...

– Вы думаете? Хи-хи... А ведь это верно... гм... Зачем бы ей иначе о муже было сообщать?..

Притаившись за углом, я терпеливо ждал появления моего предприимчивого друга из подъезда дома Медляева.

Ждать пришлось недолго: дверь распахнулась, вылетел сначала котелок, потом палка, потом Бузыкин. Споткнувшись, он упал... Сидя на земле, надел котелок, почистился, опираясь на палку, встал и тихо побрел...

Я высунулся из-за угла и уверенно сказал:

– Добились? По лицу вижу, что экспедиция удачна. Молодцом! Я иначе и не предполагал.

– Да... – нерешительно промямлил он. – Она... этого... согласилась... Только сейчас, говорит, занята... Чем-то, уж не знаю... В другое время.

– Ага! Так, так... Целовались?

– Да-а... Гм... Четыре раза.

Когда мы ехали домой, я оживленно говорил:

– С этим бабьем, как вы верно изволили выразиться, так и надо поступать! Стоит только подмигнуть – и готово. Так вот, на людях они все тихони и неприступные, а дома всякая неприступность к черту. А если разобрать, замужняя, незамужняя, интеллигентная, неинтеллигентная – это вздор! Все одним миром мазаны!

Преступление актрисы Марыськиной

Раздавая роли, режиссер прежде всего протянул толстую, увесистую тетрадь премьерше Любарской.

– Ого! – сказала премьерша.

Потом режиссер дал другую такую же тетрадь любовнику Закатову.

– Боже! – с ужасом в глазах вздохнул любовник. – Здесь фунта два! Не успею. Фунта полтора я бы еще выучил, а два фунта – не выучу.

«Дурак ты, дурак!» – подумала выходная актриса Марыськина.

– Это не роль, а Библия! – вскричала Любарская и сделала вид, что сгибается под тяжестью полученной тетрадки.

«Дура ты, дура, – подумала Марыськина. – Оторвала бы для меня листков десять – я бы вам показала!»

Потом получили роли: старуха Ковригина, комик Лучинин-Кавказский, второй актер Талиев и вторая актриса Макдональдова.

Марыськина с аппетитом проглотила слюну и спросила, сдерживая рыдания:

– А мне?

– Есть и тебе, милочка, – улыбнулся режиссер. – Вот тебе ролька – пальчики проглотишь. Между двумя его пальцами виднелась какая-то крохотная, измятая бумажка.

– Это такая роль?

– Такая.

– Да где она?

– Вот.

– Я ее и не вижу, – обиженно сказала Марыськина.

– Ничего, – вздохнул режиссер, – она маловата, но зато дает громадный материал для игры. Подумай, ты богатая купчиха, гостья – во втором акте.

– А что я говорю?

– Вот что: «... в числе других гостей входит купчиха Полуянова. Целуется с хозяйкой... («с ней» – указал режиссер на Любарскую)... говорит: «Наконец-то собралась к вам, милые мои...» Солнцева: «Очень рада, садитесь». – «Сяду и даже чашечку чаю выпью». – «Сделайте одолжение!» Полуянова садится, пьет чай».

– И это все? – с отвращением спросила Марыськина. – Хоть бы две странички дали...

– Миленькая! Да ведь тут игры масса! Погляди, быту сколько: «Наконец-то собралась к вам, милые мои...» Ведь это живое лицо! Купчиха во весь рост! А потом: «...сяду и даже чашечку чаю выпью!» Заметь, ей еще и не предлагали чай, а она уже сама заявляет – «выпью»! Вот оно где, темное купеческое царство гениального Островского: сяду, говорит, и даже чаю выпью. Ведь это тип! Это сама жизнь, перенесенная на подмостки! Я понимаю, если бы хозяйка там предложила ей: «Выпейте чаю, госпожа Полуянова». А то ведь нет! Этакая бесцеремонность: «Сяду и даже чаю выпью». Хе-хе! Ты бесцеремонность-то подчеркни!

Марыськина с болезненной гримасой прочла еще раз роль и сказала:

– А мне тип Полуяновой рисуется иначе: эта женщина хотя и выросла в купеческой среде, но она рвется к свету, рвется в другой мир... У нее есть идеалы, она даже влюблена в одного писателя, но муж ее угнетает и давит своей злостью и ревностью. И она, нежная, тонко чувствующая, рвется куда-то.

– Ладно, – равнодушно кивнул головой режиссер. – Пусть рвется. Это не важно. Тебе виднее...

– Я ее буду толковать немного экзальтированной, истеричкой...

– Толкуй! Дальше... «Роль слуги Дамиана!» Это вам, Аполлонов. «Горничная Катерина» – Рабынина-Вольская!

Марыськина отошла в угол в задумчивости...

* * *

...Начался второй акт. Сцена изображала гостиную в доме Солнцевой (Любарская). Собираются гости, приходит комик Матадоров (Лучинин-Кавказский), с которым хозяйка ведет напряженный разговор, так как она ожидает появления своего любовника Тиходумова (Закаатов), изменившего ей с баронессой. Должна произойти сцена, полная глубокого драматизма. Объяснение на первом плане; в глубине сцены – тихий разговор ничего не подозревающих гостей...

Когда поднялся занавес, на сцене была одна Солнцева. Она ходила по сцене, ломала руки и, читая какую-то записку, шептала:

– Неужели? О, негодяй!

В это время в гостиную вошла группа гостей, и Солнцева, согнав с лица страдальческое выражение, приветливо встретила пришедших.

Она поклонилась молчаливым гостям, поцеловалась с купчихой Полуяновой (Марыськиной), и, когда суфлер сказал: «Ах, это вы... вот приятный сюрприз!» – хозяйка тоже обрадовалась и покорно повторила:

– Ах, неужели же это вы! Вот так приятный сюрприз!

Марыськина посмотрела вдаль и печально прошептала:

– Наконец-то собралась к вам, милые мои!

– Очень рада, – приветливо сказал суфлер. – Садитесь.

Хозяйка дома вполне согласилась с ним:

– Очень рада! Чрезвычайно. Отчего же вы не садитесь? Садитесь!

Марыськина истерически засмеялась и, теребя платок, сказала:

– Сяду и даже чашечку чаю выпью!

Она опустила на диван, и сердце ее больно сжалось.

«Все... – подумала она. – Все! Вот она и роль!..»

И неожиданно сказала вслух:

– Да... что-то жажда меня томит, с самого утра. Ну, думаю, приеду к Солнцевым – там и напьюсь.

Солнцева недоумевающе взглянула на купчиху.

– Сделайте одолжение, – согласился гостеприимный суфлер.

– Пожалуйста! Сделайте одолжение... Я очень рада, – преувеличила Солнцева.

– Да... – сказала Марыськина. – Ничто так не удовлетворяет жажду, как чай. А за границей, говорят, он не в ходу.

– Замолчите! – прошептал суфлер, меняя обращение с купчихой Полуяновой. – «Солнцева отходит к другим гостям».

– Что это вы, милая моя, такая бледная? – спросила вдруг Марыськина. – Неприятности?

– Да... – пролепетала Солнцева.

От приветливости суфлера не осталось и следа.

– Молчите! Почему вы, черт вас дерит, говорите слова, которых нет? «Солнцева отходит к другим гостям!» Солнцева! Отходите!

Солнцева, смотревшая на Марыськину с неммым ужасом, напрягла свои творческие способности и сочинила:

– Извините, мне надо поздороваться с другими. Вам сейчас подадут чай.

– Успеете поздороваться, – печально прошептала Марыськина. – Ах, если бы вы знали, душечка... Я так несчастна! Мой муж – это грубое животное без сердца и нервов!

Марыськина приложила платок к глазам и истерически крикнула:

– Лучше смерть, чем жизнь с этим человеком.

– Замолчишь ли ты, черт тебя возьми! – прошептал энергично суфлер. – Оштрафует тебя Николай Алексеич – будешь знать!

– Передо мной рисуется другая жизнь, – сказала Марыськина, ломая руки. – Я рвусь к свету! Я хочу пойти на курсы. О доля, доля женская! Кто тебя выдумал?!

– Успокойтесь! – сказала Солнцева и повернула к публике свое бледное, искаженное ужасом лицо. – Извините... Я пойду к другим гостям.

Марыськина схватилась за голову.

– К другим гостям? А кто они такие, эти гости? Жалкие паразиты и лгуны. Агриппина Николаевна! Здесь перед вами страдает живой человек, и вы хотите променять его на каких-то пошляков... О бож-же, как тяжело... Все знают только – ха-ха! – богатую купчиху Полуянову, а душу ее, ее разбитое сердце никто не хочет знать... Господи! Какое мучение!

– Она с ума сошла! – сказал вслух суфлер и, сложив книгу, в отчаянии провалился вниз.

– Пусть я не святая! – вскричала Марыськина, подходя к рампе. – Я женщина, и я люблю... Пусть! И знаете кого?

Она схватила Солнцеву за руку, нагнула к ней искаженное лицо и прошипела с громадным драматическим подъемом:

– Я люблю вашего любовника, которого вы ждете! Он мой, и я никому его не отдам. Вам написали насчет баронессы – ложь! Я его люблю! Что, мадам, кусаете губы? Ха-ха! Купчиха Полуянова никого не стесняется – да! Я имею любовника, и фамилия его – Тиходумов.

– Вон со сцены! – прорезал из-за кулис режиссер.

«Истерику бы, – подумала Марыськина. – Если уж чем выдвинуться, то истерикой».

Она закрыла лицо руками, опустилась на диван, и плечи ее задрожали... Плач перемешался с хохотом, и из уст вырывались отрывочные слова:

– Пусть! Пусть... Я его вам... не отдам. Ты у меня его не возьмешь... змея!

Никогда зрителям не приходилось видеть более жалких, растерянных лиц, чем у актеров на сцене в этот момент. Все так привыкли говорить только по тетрадкам весом в два фунта, в фунт и четверть фунта, что самые простые слова, вырывающиеся у присутствующих при истерике, никому не приходили в голову.

И в то время, когда купчиха Полуянова билась в истерике, два гостя рассматривали картину, и один говорил другому вызубренные наизусть слова:

– А эта Солнцева богато живет... У нее шикарно!

– Говорят, у нее что-то есть с Тиходумовым.

– Кто говорит? Я об этом ничего не слышал...

Никому не пришло в голову даже предложить воды плачущей купчихе. Нахотавшись и наплакавшись вдоволь, она встала и, пошатываясь, сделала прощальный жест по направлению к Солнцевой:

– Прощай, низкая интриганка! Теперь я понимаю, почему ты предлагала мне чаю! Я видела через дверь, как твой сообщник сыпал мне в чашку белый порошок. Ха-ха! Купчиха Полуянова только сама, собственной рукой, перережет нить своей жизни! Не вам, червям, бороться с ней! Прощайте и вы, пошлые манекены, и ты прощай, жалкий, хихикающий Матадоров! Туда! Туда иду я, к светлой, лучезарной жизни!

Марыськина вышла... и гром аплодисментов, низринувшись с галерки, разбился внизу, прокатился по партеру и замер в снисходительно похлопавших первых рядах...

* * *

Усталая, опустошенная, прошла Марыськина за кулисы, повернула в уборную и наткнулась на режиссера, который бежал прямо к ней.

– Вот твои вещи – их уже уложили. Тебе следовало двадцать восемь рублей, минус двадцать пять штрафа – три! На.

– Ладно, – сказала устало Марыськина. – Пусть... вещи на извозчика.

– Никифор! Выброси на извозчика ее вещи.

– Прощайте.

– Вон!

Сверх платья купчихи Полуяновой Марыськина натянула дряхлое, истасканное пальто, размазала рукой по лицу грим и с непроницаемым видом вышла, споткнувшись о порог.

Человек, у которого были идеи

Посвящается Н.А. Тэффи

I

Его звали Калакуцкий – он сам сказал мне это. Называю его фамилию для того, чтобы всякий знал, кто такой Калакуцкий, если Калакуцкий появится на горизонте. Если появится на горизонте человек с озабоченным выражением лица, маленький, крепкий, худой, черноволосый, с энергичными жестами и бодрым взглядом на будущее, человек в потертом костюме, но имеющий в одном из его карманов ключ к богатству, – если он появится, то это и будет Калакуцкий.

Он и ко мне пришел – этот Калакуцкий, – человек с усталым, но энергичным и озабоченным выражением лица, носивший, вероятно, еще недавно глубокий траур по одному из своих родственников и снявший на днях этот траур со всего себя, кроме одного места – ногтей, вид которых доказывал, что обладатель их никак не мог утешиться, потеряв родственника.

– Давно собираюсь к вам, – сказал он, – да все был занят. Я – Калакуцкий. Много слышал о вас как о способном человеке и поэтому пришел к вам, ибо такой человек должен оценить меня.

Он сделал передышку.

– Я могу быть вам очень полезен.

– Да? Чем?

– А видите ли, я с ног до головы набит различными идеями; я, так сказать, ящик Пандоры, с тою лишь разницей, что содержимое ящика Пандоры было – змеи, а я – вместилище идей.

– Чего же вы хотите?

– Поделиться с вами. Вдвоем мы сможем завоевать весь мир.

– Это идея, – усмехнулся я.

Он энергично потер ладони одну о другую.

– Видите – первая идея уже дана. Но серьезно, когда вы увидите, что я за человек, вы должны меня прямо с руками оторвать.

– От чего?

– Как это так – от чего?

– От чего оторвать? Вы к чему-нибудь прикреплены?

– Увы, теперь нет. Служил в контроле сборов, но ушел, потому что *служить* где-нибудь *мне* – равносильно, как если бы алмазом резать кисель. И вот теперь я свободен – пользуйтесь.

– Гм... Ну, давайте-ка на пробу какую-нибудь идею...

– Идею? Попролам, конечно?.. Слушайте! Прежде всего журнал! Мы должны издавать журнал совершенно нового типа и новых задач. Такого журнала, ручаюсь вам, еще не было и, держу пари, – не будет. Были журналы для актеров, для художников, даже для каких-то резчиков по металлу и текстильных рабочих... А такого не было.

– Для кого же будет ваш журнал?

Калакуцкий сложил руки на груди и, глядя на меня в упор, отчеканил:

– Журнал специально для потерпевших кораблекрушение!

Я вскочил с места.

– Ага! Вы поражены... Не удивительно ли, что до этого никто до сих пор не додумался. В самом деле, посмотрите-ка – кто больше всего нуждается в своем органе, как не эти заброшенные люди, для которых мой журнал будет другом, советчиком и помощником. Я думаю заве-

сти такие отделы: легкое чтение. В долгие томительные вечера, когда ветер шумит и свистит между прибрежных скал, а океан поет свою вечную песню, – это чтение даст бедняге отдых и успокоение... Затем отдел второй – практические советы. Как построить себе хижину, как находить съедобные сорта растений, а также способы охоты за животными. Третий отдел – почтовый ящик. Ответы на читательские вопросы по поводу...

– Один вопрос, – перебил я. – Где предполагается местопребывание ваших будущих подписчиков? Я полагаю, на необитаемом острове?

Он осторожно спросил:

– Почему именно на необитаемом?

– Да потому, что на обитаемых ему ваш журнал не нужен. Он найдет там все – от жилища до журналов – и без вас. Значит, остров необитаемый? Хорошо. Теперь предположим, человек путешествует на корабле; пока он не потерпел кораблекрушения – он и думать не будет о вашем журнале; пока этот журнал абсолютно не для него. Теперь: если он потерпел кораблекрушение – как он подпишется на этот журнал? Поймает птицу, привяжет к ней подписной билет и деньги и пустит ее лететь в вашу редакцию? А вдруг она не долетит? Вдруг ее убьют? Или ограбят любители чужого? Ну, скажем, она долетела по адресу. Как же вы будете рассылать ваш журнал по назначению?

– Я уже думал об этом, – сказал с легким беспокойством Калакуцкий. – Можно соорудить такие маленькие пакетботы, которые развозили бы...

– Да поймите вы, что если такой пакетбот пристанет к острову, то самое простое не вручать подписчику вашего журнала, а просто забрать беднягу на борт и привезти в Европу.....

II

Калакуцкий, огорченный, долго молчал.

– Пожалуй, вы и правы. Ну да ведь я вам сказал идею этого журнала к примеру. Математически она все-таки хороша и проста. Вот только практически... Гм!..

Он согнал со своего лица задумчивость, встрепенулся и бодро сказал:

– Хотите, я вам скажу настоящую идею? Я долго ее вынашивал и обдумал, так что, как говорится, комар носу не подточит. Конечно, я надеюсь на вашу порядочность, и если мы, скажем, в условиях не сойдемся, то вы даете мне слово, что не воспользуетесь моей идеей без меня?

– Даю. Конечно, даю.

– Вы задавали себе вопрос: почему наши извозчики бедствуют? Очень просто – их разоряет лошадь. Ее нужно сначала приобрести, потом кормить, иметь для нее конюшню, подковырять и тратиться на ремонт сбруи. О кнуте я уже не говорю. Что же делаю я? Лошадь – к черту! Оглобли – к черту! Просто я приделаю впереди большое колесо, педали для ног извозчика, как на велосипеде, – и мой извозчик начинает, ничтоже сумняшеся, ездить без лошади, овса и сбруи. О кнуте я уже и не говорю.

– Позвольте, – подумав, возразил я. – О кнуте вы уже и не говорите... При наличии двух седоков общий вес будет пудов шестнадцать – семнадцать. Одному человеку не сдвинуть этого, хоть вы приделайте десять колес.

– Я уже думал об этом. Если даже это и так – оно неважно. Важен принцип. Математически он прост и осуществим. А движение?.. Если извозчиковы ноги не годятся, ведь можно сделать и механический двигатель. Паром, там, или электричеством.

– Да, да, – подхватил я. – Поставить бензиновый двигатель – и конец.

– Ну конечно! – радостно согласился Калакуцкий. – Вот вы меня и поняли.

– А для управления приделать руль!

– Ну да! Верно!!

– А двигатель сделать посильнее, да и устроить экипаж на четырех пассажиров.

– Да! Ей-богу!

– И тогда... (я злорадно помедлил) и тогда вы будете иметь обыкновенный автомобиль, изобретенный несколько лет тому назад и который вы можете видеть на улицах в числе нескольких тысяч экземпляров.

III

Если бы кто-нибудь хотел видеть человека, раздавленного в лепешку, – ему нужно было бы посмотреть на Калакуцкого.

Свесь голову, он тяжело дышал. Лицо его было изборождено страдальческими морщинами, как у человека, который неожиданно увидел свою заветную мечту разрушенной и втоптанной в грязь. Он вздыхал и вертел головой. Он чуть не плакал.

– А ведь как было математически просто... – скорбно сказал он.

Я спросил его:

– Больше у вас ничего нет?

– Ах, конечно же есть. Я сверху донизу, как колбаса, набит разными идеями. У вас есть издатель?

– Есть.

– Не купите ли вы в компании с ним у меня одну книжку? Можно хорошо нажитья.

– Какую книжку?

– Мою. Стихи. Я издал месяц тому назад книжку, ухлопал на нее все денежки, а так как у меня нет охоты возиться с ней, то я бы уступил ее за полцены. Около десяти тысяч книжек.

– Что вы! Когда же стихи печатались в таком количестве?!

– Почему же? Тут уж наверное мой способ математически прост и осуществим... Я рассчитывал так: чем больше я напечатаю книжек, тем больше можно заработать.

– А если книжка не пойдет?

– Почему же ей не пойти? Слава богу, стихи, кажется, хорошие. Повторяю – мой расчет математически прост: за один месяц я продал двести книг. Значит, в год я продам (или вы продадите) две тысячи четыреста, а в четыре года и два месяца – все, до последней книжечки.

Я встал с кресла:

– Довольно! Еще два слова, и мы закончим наш разговор. Я вам приведу другой расчет – он так же «математически прост и осуществим». Если человек в две минуты съедает одну котлету, то в час он, значит, съест тридцать котлет? А в рабочий восьмичасовой день 240 котлет? Отвечайте, черт возьми!

– Почему вы это говорите? – растерялся Калакуцкий.

– Потому что можно съесть две котлеты, можно купить двести книжек, но не больше! Слышите вы – не больше!

– Однако же раз двести покупателей нашлось, почему же не найтись еще несколькими тысячам?

– Почему? Да потому, что нет такой самой скверной, самой ледашей книжонки, которая бы не продалась в этом фатальном количестве – «двести экземпляров». Это издательское правило. Кто эти двести покупателей, двести чудаков? Неизвестно. Их никто не видал. Брюнеты они, блондины или рыжие, бородатые или бритые – бог весть. Их никто не знает. Я бы дорого дал, чтобы лично взглянуть хоть на одного из этой таинственной секты «двухсот». Чем они занимаются? Домовладельцы ли, антрепренеры, библиотекари или конокрады? Это не узнано и, вероятно, никогда не узнается. Но они неуклонно продолжают свое нелепое дело, эти двести безумцев, – и своими деяниями сбивают с толку таких простаков, как вы.

IV

Калакуцкий выслушал меня, встал, стер ладонью пот со лба и сказал:

– В таком случае я у вас попрошу маленького одолжения. Мне нужно немножко денег, так рублей пятьдесят... для одного дела. Через две недели я вам отдам хоть сто.

Он был бледен и худ от голода.

Призадумавшись немного, я кивнул головой и предложил этому человеку, набитому с ног до головы идеями, свою идею.

– Знаете что? Я вам не дам пятидесяти рублей с условием получения обратно ста, а я предложу вам десять рублей, но зато без всякого возврата.

Очевидно, он нашел мою идею «математически простой и легко осуществимой», потому что взял золотую монету. И ушел.

Я думаю, что ушел он от меня довольный мною.

Человеку, потерпевшему кораблекрушение, так приятно встретить на необитаемом острове другого человека.

Три визита

Как жутко и сладостно-весело находиться у самого края того кратера, где кипит и бурлит расплавленная лава, называемая человеческою жизнью. Перевесишься через край, заглянешь в бушующую стихию, и голова закружится.

Моя профессия (я писатель и редактор журнала) дает мне возможность частенько проделывать это, потому что в моем кабинете в приемные часы толчется много странных разнообразных диковинных людей.

Недавно на одну из моих пятниц пришлось три визита – как на подбор странных и удивительных.

І. Женщина из Ряжска

Это была скромно одетая дама, с величаво-медлительными движениями рук и выражением лица, в достаточной мере скорбным.

Впрочем, вначале она была очень спокойна и даже оживлена.

Когда я усадил ее, она неторопливо вынула из ридикюля какую-то сложенную вчетверо бумагу и, помахивая ею, спросила:

– Вы знаете нашего члена управы Голоротова?

– Гм!.. Пожалуй, что и не знаю. То есть я даже наверное могу сказать, что он мне не знаком.

Дама значительно сжала губы и веско сказала:

– Он мерзавец!

– Да?

– Мерзавец, каких мало. И он думает, что на него в Ряжске не найдется управы. Нет-с, миленький... На всякого человека в конце концов есть палка. И эта палка – ваш журнал!

– Палка? Журнал?

– Да. Вы его должны распечь хорошенько, этого мерзавца. Вот, я привезла вам стихотворение – тут все штучки Голоротова выведены на чистую воду, – и если вы это напечатаете, он издохнет от злости.

Я сделал шаблонное лицо и сказал шаблонным тоном:

– Хорошо. Оставьте. Ответ через две недели.

– Две недели? – воскликнула чрезвычайно удивленная дама. – Но я не могу ждать две недели. Я приехала всего дня на два, на три.

– О господи! – нервно засмеялся я. – Ведь не ради же этого стихотворения о Голоротове приехали вы в Петербург.

Посетительница из Ряжска спокойно взглянула на меня и сказала:

– Именно из-за этого стихотворения я и приехала в Петербург.

– Боже ты мой! Неужели вы не могли послать его по почте?

– Что вы! Это слишком опасно посылать такие... вещи по почте. Если бы там оно попало кое-кому в руки... Да, кстати! Я вас умоляю, ни под каким видом не открывать фамилии автора. Просто как там подписано: «Ряжский Мефистофель» – так и печатайте. Если откроется, что это писал мой сын, – мы погибли! Вы не можете себе представить, на что способен Голоротов. Я должна сказать откровенно: он и вам может сделать большие неприятности. Это ужасный человек.

– Знаете что, – задумчиво сказал я, желая сплавить даму и отделаться поскорее от ее стихотворения. – Вы уезжайте-ка обратно в Ряжск, а я вам денька через два напишу... Гм... Сообщу, как говорится, результаты. А?

– В таком случае, – сказала дама, – я лучше подожду здесь... Два-три денька мне многого не будут стоить. Если уж поднялась с места, двинулась, то хоть доведу свое дело до конца.

– Позвольте стихотворение, – со вздохом попросил я. – Гм... Что это такое?

РЯЖСКИЙ МАЛЮТА СКУРАТОВ

Пусть всяк из вас догадается,
Как этот фрукт прозывается.
Я ж про все его проступки
Расскажу вам без охулки.
Вот утром на службу Малюта идет,

Где взятки он часто берет.
На того же, кто взятку ему не дает,
Он председателю управы Мразичу донесет.
А прежде всего расскажу я вам всем,
Как вдову Х. сжил он со свету совсем.

– Позвольте, – спохватился я, прочтя начало. – Да ведь ваше стихотворение очень большое!

– Да, не маленькое, – с горделивой усмешкой и тайным восхищением перед талантом сына подтвердила приезжая из Ряжска.

– В нем строк 200?

– Да уж... не меньше! Хе-хе. Если не больше.

– Ну, вот видите. А наш журнал таких длинных стихов не печатает.

Дама побледнела.

– Ну что вы такое говорите. Почему ж его не напечатать?

– Именно потому, что оно очень длинное. Не касаясь его литературных достоинств, мы не можем просто его напечатать вследствие размера.

Какая-то внутренняя борьба отразилась на лице посетительницы. Она встала и решительно сказала:

– Ну, хорошо! В таком случае печатайте без гонорара.

– Сударыня! Дело не в гонораре. За все то, что напечатано, мы платим... Но ваша... эта вещь... просто не подходит.

Лицо ее исказилось ужасом, и на глазах выдавилась пара слезинок.

– Господин редактор! Ради бога... умоляю вас – напечатайте. Вы увидите, какой это будет иметь успех. В Ряжске этот номер журнала прямо-таки расхватывают...

– Но уверяю вас, что нам это безразлично... Для журнала, обслуживающего Россию, эфемерный успех в Ряжске...

– Вот что... Я подписываюсь на ваш журнал на целый год! Могу даже сейчас внести деньги... А?

– Я не знаю, как мне уверить вас, что это нам безразлично, что это не имеет для нас никакого значения...

– Не имеет значения? Ну, а если я, скажем, покупаю у вас сразу сто номеров журнала с этими стихами...

– Да черт возьми! – злобно сказал я. – При чем тут сто номеров, когда у нас десятки тысяч идут каждую неделю! Можете вы понять или не можете, что просто ваши стихи не нужны. Хоть вы тысячу номеров купите, хоть все издание! И ответьте вы мне: почему вы так хотите всучить их нам? Кому, в конце концов, интересен ваш Голоротов, который чем-то вас там обидел и которому вы хотите насолить?

Дама утерла слезы, с достоинством взглянула на меня и сказала:

– Я не насолить хочу, а стремлюсь к тому, чтобы негодяй хоть каким-нибудь образом понес заслуженное наказание... Суд с ним, конечно, ничего поделать не может. Пусть хоть печатать. Приехала, стратилась...

– А знаете что? Напечатайте это в ряжской газете... – посоветовал я.

– О, там-то уж наверно не напечатают. Побоятся... Нет, я уж прямо ехала к вам. Была уверена, и вдруг!.. А? Приехала, стратилась...

Она призадумалась, притихла. Потом положила свою руку на мою и попросила:

– Разве вот что: вы их немного сократите, а? Там можно будет выбросить то место, где сказано о его проделке с дровами для городской столовой. И еще насчет его поступка с бонной. Вот это место:

Все тихо спит. Не спит жена.
Лишь тихо крадется она.
И, видя мужа своего
У бонны в комнате, стыдит его...

– Нет, – решительно сказал я. – Тут уж сокращать не стоит. Все стихотворение не подходит.

Она поднялась, убитая горем; на ее лице была написана такая тоска, такая безысходная мука, что мое суровое, ожесточившееся в стычках с начинающими авторами сердце дрогнуло. И я не мог найти в себе мужества сказать то, что следовало: что стихи никуда не годятся, что их нигде не возьмут и что самое лучшее – сейчас же выбросить их на улицу, купить билет и уехать обратно в Ряжск.

– Неужели я даром проехала? – скорбно прошептала посетительница. – Думала как, мечтала. Собралась, приехала, страгилась... На тебе! Скажите – ну, если не в ваш журнал, то куда их можно пристроить?

По скверной петербургской манере я обрадовался возможности сплавить ее с рук на руки и поэтому, не задумываясь, сказал:

– Я думаю, в газете вам будет легче пристроить эти стихи. Это, так сказать, газетная тема. Голос из провинции... Зайдите в «Вестник жизни» или «Ежедневное обозрение». Они нуждаются в материале и гм... того...

Она неторопливо свернула рукопись, с благодарностью пожала мне руку и направилась к дверям...

Вдруг вернулась и снова приблизилась ко мне, причем на губах ее сияла улыбка, а в глазах сверкали искорки:

– Вы можете себе представить, что делается с этим вором, с этим негодяем, когда он увидит воздаяние себе по заслугам!.. О, тогда мы с сыном можем спокойно заснуть, потому что послужили не только себе, но и ряжскому обществу!..

II. Человек с испорченными часами

Усевшись поудобнее в кресло, он осмотрел меня и, удовлетворенный, сказал:

– Вот вы какой!

– Да, – скромно улыбнулся я.

– Давно пишете?

– Четыре года.

– Ого! А я тоже думаю: дай-ка что-нибудь напишу!

– Написали? – любопытствовал я.

– Написал. Принес. Хочу у вас напечатать.

– Раньше писали?

– Нет. Другим была голова занята. А нынче с делами управился, жену в имение отослал, ну, знаете ли, скучно. Эх, думаю, попробую-ка что-нибудь написать. Вот написал и притащил – хе-хе! Печатайте новоявленного Байрона.

– Хорошо-с. Одну минутку... кончу корректуру и тогда к вашим услугам.

Это был длинноносый немолодой человек, в черном сюртуке и с бриллиантом на худом узловатом пальце.

Он осмотрел свои ногти и, улыбнувшись, сказал:

– А приятно, когда везет.

– Кому?

– Да вот, например, вам. Пишете, зарабатываете деньги, вас читают.

– Трудно писать, – рассеянно сказал я.

– Ну, как вам сказать. Я, например, сел, и у меня это как-то сразу вышло.

Я отодвинул неоконченную корректуру и сказал:

– Где ваша рукопись?

– Вот она. Условия: пятнадцать копеек строка. А следующие вещицы – по соглашению.

За дебют можно и подешевле...

– Ладно. Ответ через две недели.

Я бросил косой взгляд на начало лежавшей передо мной рукописи и сказал:

– Кстати, нельзя писать: «Солнце сияло на закате небосклона».

– Ну, ничего, – добродушно усмехнулся он. – Исправите. Это первые шаги. Ну – я пойду.

Не буду отнимать у себя и у вас драгоценное время.

Он вынул часы, взглянул на них и сказал с досадой:

– Вот анафемские! Опять стали.

– Испортились? – спросил я.

– Да. Давал чинить – ничего не выходит.

– Да, уж эти часовые мастера! Позвольте, я посмотрю их. Может быть, что-нибудь можно с ними сделать.

Он удивленно посмотрел на меня.

– А вы и часы можете починить?

– Отчего же... Пустяки!

Я взял протянутые им часы, открыл заднюю крышку и стал внимательно разглядывать сложную комбинацию колесиков и пружин.

– Ну-с... попробуем.

Я взял перочинный ножик и ковырнул механизм. Два колесика отскочили и упали на письменный стол.

– Ага! – удовлетворенно сказал я. – Ишь ты подлые.

Нащупав пальцем тонкую, как паутина, спираль, я подцепил ее ногтем и, размотав, вытащил. Заодно выпали и два каких-то молоточка, соединенных дужкой.

– Ну что? – спросил писатель, с недоумением следя за моей работой.

– Да что ж, – пожал я плечами, выковыривая из футляра последние остатки механизма. –

Часы как часы. Тут столько всякого напутано, что сам черт не поймет.

Он вскочил, бросил растерянный взгляд на выпотрошенные часы и вскричал:

– Да вы-то сами... понимаете что-нибудь в часах?

– Как вам сказать... Скорей не понимаю, чем понимаю.

– И вы никогда не занимались часовым делом?

– Откровенно-то говоря – нет. Вот сейчас только... немножко.

Он заревел, собирая в опустевшие часы все свои колесишки, пружины и молоточки:

– Так какого же дьявола, ни черта не смысля, вы беретесь не за свое дело?!

Заревел и я:

– А вы-то тоже! Какого вы дьявола взялись за литературу, ни черта в ней не смысля?! Что ж, по-вашему, починять часы труднее, чем написать хорошее литературное произведение?

Потом мы оба сразу остыли. Он засмеялся и сказал:

– Ну, черт с вами. Если эта моя вещица не подойдет – принесу другую.

– Ладно, – согласился я. – Если еще будут у вас часики, притащите и их. Может быть, мы оба в конце концов научимся...

III. Господин с полузакрытыми глазами

Я не люблю и осуждаю тех авторов, у которых в несложном арсенале их творчества только и существует для создания гнетущего настроения два средства: «дождь плакал за окном холодными слезами» и «где-то вдали уныло завывала шарманка».

Некоторые писатели так и пробродили весь свой век по жизненному полю с этой шарманкой за плечами, упорно вертя ее ручку под обильными струями «плачущего за окном» дождя.

Если отобрать у такого писателя шарманку – он расплачется не хуже дождя, потому что без шарманки, уныло завывающей вдали, настроение рассказа исчезает, фонтан творчества иссякает и писателю приходит конец.

Эти строки написались сейчас потому, что третий визит ко мне совпал с очень скверной петербургской погодой, когда дождь плакал за окном холодными слезами и где-то вдали уныло завывала шарманка. Однако надо признаться, что если бы даже за окном сияло лучезарное солнце и откуда-то издали доносились мелодичные звуки штраусовского вальса (вторая форма настроения – «бодрое»), то и тогда бы третий визит произвел на меня крайне отталкивающее впечатление.

На внешности вошедшего ко мне человека не мешает остановиться подробнее: громадный лысый лоб его украшался по бокам двумя густыми кустарниками рыжих волос, которые в своей стремительности выбегали даже на щеки, расстилаясь у углов губ мелкой травкой. Губы были бледные, бескровные, безмолвно шевелившиеся даже в то время, когда посетитель слушал кого-нибудь. Глаза были быстрые, беспокойные, сомневающиеся в чем-то и чего-то боящиеся. *Полузакрытые веками*, они глубоко запали, уйдя в темные впадины, будто в овраг, одна сторона которого густо поросла желтым растрепанным кустарником – бровями.

Да и вообще вся физиономия пришельца чрезвычайно напоминала странный пейзаж. Лоб, например, показался мне чрезвычайно похожим на проезжую дорогу, изборожденную глубочайшими продольными колеями – морщинами. Долго, вероятно, нужно было тяжелой колеснице времени ездить по этой дороге, чтобы оставить такие глубокие, нестирающиеся следы.

Ноги незнакомца были очень тонки и в коленях не сгибались; опираясь он на очень толстую палку, и так как она тоже не сгибалась, то можно было подумать, что человек пришел на трех ногах.

Голос у него был противный, мерно скрипучий, с легким, не вынужденным необходимостью покашливанием, интонация раздражающая, тон рассудительный.

– По редакционному делу? – отрывисто спросил я, рассмотрев его.

– Если хотите – да, если хотите – нет.

Он сел, расставив острые углы колен и опершись руками и подбородком на палку.

– Скорее нет, чем да. Скажите, вы не отказываетесь от того, что вами был устроен десятого числа текущего месяца благотворительный вечер?

– Чего ж тут отказываться? Кажется, всему Петербургу было известно... Афиши были...

– Ага! Так, так. Не отказываетесь? Хорошо. В таком случае, мы быстро столкнемся. Итак, значит, пока что мы можем установить бесспорный факт: благотворительный вечер 10-го числа был действительно вами устроен? Да? Признаетесь?

– Ну, конечно, господа...

– Ага! – вскричал посетитель таким торжествующим тоном, будто бы он поймал меня в расставленную им хитроумную ловушку. – Ага! Вот это-то мне и надо. В таком случае – уплатите же мне восемьсот рублей!

– Какие восемьсот?

– Те самые, – сказал посетитель хладнокровно, с сознанием своего права. – Те, которые мною утрачены на вашем вечере.

– Как... утрачены?

– Очень просто. Кто-то вынул их у меня из кармана.

Я удивился.

– При чем же тут мы? Вы должны были бы заявить полиции.

– И не подумаю, – пожал он плечами. – Вы ведь устраивали вечер 10-го?

– Устраивал.

– Деньги у меня похитили на этом вечере?

– Ну, предположим.

– Значит – кто должен вернуть их мне?

– Я думаю, вор не вернет, – улыбнулся я.

– Конечно. Поэтому должны вернуть вы.

– Да почему же? При чем тут я?

– Вы при том, что устраивали вечер. Вы печатаете, что вы ответственный распорядитель.

Понимаете – *ответственный распорядитель*.

– Да что ж я – ворами там распоряжался, что ли?

– Там – ворами или не ворами – это не мое дело. А то что мне следует, позвольте получить.

– Да что вам следует? Вам ничего не следует!

Посетитель прищурился, будто взрослый, который терпеливо беседует с бестолковым ребенком:

– Ни-че-го? А восемьсот-то рублей? Мне мои денежки подайте. Я не какой-нибудь там Ротшильд, чтобы швыряться сотнями. Слава богу – денежки не маленькие.

– Ну, так вот что, – нетерпеливо сказал я. – Никаких денег я вам не дам, так как ничего не должен!

– Почему?

Я вспыхнул.

– Да кто вы такой: человек или дерево? Русским вам языком говорят – я ни при чем. Какое мне дело, что где-то, у кого-то, у какого-то разини вытащили из кармана деньги.

Посетитель язвительно засмеялся.

– Это называется «где-то». На его же вечере, который он устраивал, у посетителя пропадают деньги, а он говорит «где-то»...

– Ну, хорошо: а если бы, скажем, вы шли по городской улице и у вас вытащили деньги. С кого бы вы требовали? С городского управления?

– То улица, а то – концертный зал, – сказал он с глупейшей рассудительностью. – Громадная разница.

– Знаете что? Подайте-ка в суд: посмотрим, что вам там запоют. Вас засмеяли бы там с вашим нелепым иском.

– Да? Вы так думаете? А по-моему, дело мое настолько верное, что его даже смешно доводить до суда. Я думал, мы покончим миром.

Я потер горячую голову.

– Ну, хотите – спросим сейчас какого-нибудь свежего человека, что он об этом думает?

– О, пожалуйста. Я уверен, всякий скажет одно и то же.

Я открыл дверь в соседнюю комнату и крикнул:

– Георгий Александрович! Пожалуйста-ка сюда. Вот – это наш секретарь. Спросите у него.

Секретарь внимательно выслушал, вздернул плечами и заявил:

– Никогда мне не случалось сталкиваться с более глупым шантажом. Я на вашем месте не разговаривал бы, а просто посоветовал обратиться в суд. Стоит ли понапрасну время терять...

– Вам же будет хуже, если я обращусь в суд, – сказал посетитель, положив подбородок на руки, покоившиеся на палке. – Придется платить судебные издержки.

– За что-о?! – заревел рассерженный секретарь. – Полно вам дурака валять... У него кто-то вытащил деньги, а мы за это отвечаем. Я еще понимаю, если бы вы сдали их нам на хранение. А разве мы можем ручаться за всех посетителей вечера? Ведь могла явиться добрая половина жуликов всего города – и мы ничего не могли бы поделать.

Посетитель с гадкой, хитрой улыбочкой погрозил нам пальцем.

– Вы, конечно, тут человек служащий и поэтому должны держать руку хозяина. А в глубине души вы ведь чувствуете, что мое дело верное? А?

– А, будьте вы прокляты, – вскричал секретарь, не владея собой. – Эй, кто там есть в конторе? Бухгалтер! Кассир! Кто-нибудь из посторонних есть? Подписчик? Зовите, пригласите его сюда.

Пять человек вошли в мой кабинет, заинтересованные шумом.

– Вот! – сказал секретарь, потрясая кулаками.

– Вот... сей муж говорит, что устроитель благотворительного вечера должен ему вернуть восемьсот рублей, вытасканные у него каким-то жуликом.

– Вытасканные *на этом вечере*, добавьте, – солидно вставил посетитель, раскачиваясь в кресле.

– На этом ли, на том вечере – один дьявол! Вечер был публичный! Никто не может отвечать за контингент посетителей!!!

– Никто? Да-с? Вы так думаете? А ответственный распорядитель должен отвечать?

– Ну, вот что... – сказал я. – Эти люди все наши служащие, и вы можете упрекнуть их в пристрастности. Но вот человек посторонний. Случайный подписчик – спросите его! Что он скажет?!

– Чепуха! – сказал подписчик. – Ничего вы получить не можете. Заявите просто полиции о краже.

– Да ведь не полиция у меня украла, чего же я ей буду заявлять, – возразил посетитель с наружной рассудительностью.

– Подавайте в суд! – резко сказал я. – А пока, извините, прошу не отнимать у меня времени – я занят.

– А восемьсот-то рублей!

– Ни копейки!

Посетитель поднялся с кресла.

– Хорошо-с. В таком случае вы мне заплатите втрое.

– Да? Это на каком же основании? – подхватил подписчик.

– По закону. За находку полагается третья часть, а за пропажу – втрое. Я хотел с вами миром уладить, но если вы упрямитесь...

Секретарь схватил его за костлявые плечи, заглянул ему в глаза и, трясая, злобно сказал:

– В своем ли вы уме, что та...

Он вдруг закричал пронзительным голосом, оттолкнул упрямого незнакомца и выбежал в другую комнату.

Я, встревоженный, последовал за ним, нашел его лежащим в углу на диване и нервно дрожащим, чуть не в истерике.

– Что такое? Почему?

– О господи! Глаза, глаза!.. Как же вы не догадались раньше заглянуть ему в глаза: ох, какие это страшные, душу холодящие глаза! Ведь он сумасшедший!

Я вернулся в кабинет. Посетитель холодно прощался со всеми, затянув свои безумные глаза холодными непроницаемыми пленками век. Со мной холодно раскланялся и сказал:

– А так как я на эти деньги собирался открыть фабрику нарезных гаек, то вам и за это придется заплатить. Считаю в год по три тысячи, за десять лет – тридцать тысяч!

Зеркальная душа (Святочный рассказ)

Сначала кто-то долго пытался нашарить ключом замочную скважину.

Человек, пытавшийся сделать это, применял такой способ: откачнувшись, он падал на дверь, с приставленным к животу ключом, в надежде, что ключ случайно проскользнет в замочную скважину.

Но это было похоже на лотерею-аллегри, где на сто пустых билетов – только один выигрышный: общая площадь двери была громадная, а замочная скважина маленькая.

Но случай – великое дело; на сорок седьмой попытке ключ попал в замочную скважину, при тихом торжествующем смехе хозяина квартиры.

Он повернул ключ в замке, но сейчас же забыл об этом и, когда после его толчка дверь распахнулась, удивился: как это он с утра оставил дверь открытой.

– Может быть, пришел ко мне кто-нибудь? – нерешительно подумал он.

Предположение его оказалось справедливым: когда он зажег электричество – в большом зеркале, вделанном в стену и украшенном драпировкой, отразилась чья-то фигура в шубе и шапке, нерешительно на него поглядывавшая.

Он тоже бросил на неизвестного человека робкий взгляд, шаркнул ногой, притопнул и поклонился.

Неизвестный ответил вежливым поклоном.

– Здрасс...те! – сказал хозяин квартиры. – Какими судьбами? А я, представьте, так и догадался: смотрю – дверь открыта, ну, значит, кто-нибудь... на огонек. Раздевайтесь!

Хозяин снял шубу, бросил ее на диван; потом повернулся к гостю, чтобы помочь ему разоблачиться, но гость был уже без пальто.

– Садитесь! – сказал хозяин. – Очень рад, что вссс... помнили! Хе-хе. Сядьте.

Гость, однако, стоял, ухмыляясь.

– Ну, право, сядьте. Наверное, устали, взбираясь по лестнице. Садитесь! Не хотите?.. Вот чудак! Хе-хе... Вырасти хотите? Да? Ну, я сам покажу пример, хотя это, мила-ай мой, со стороны хозяина и невежливо. Веррно?

Хозяин опустил на стул; тогда и гость последовал его примеру.

– Веселое нынче Рождество, не так ли? – спросил хозяин, помолчав.

Гость ответил легким помахиванием руки.

Хозяин, в сущности, не знал, о чем и как беседовать с неразговорчивым гостем, но правила гостеприимства, которые он твердо помнил, несмотря на отуманенную, отягченную вином голову, заставляли его поддерживать пустой бессодержательный разговор.

– Морозы! Да?

Гость ответил неопределенным жестом руки.

– Уж-жа-сные! Представьте, вышел я на улицу, а калоши – трах! Моментально примерзли к тротуару. Хочу поднять одну ногу – не могу! Хочу другую – не могу! Хочу треть... Гм! Да... Очень сильные морозы.

Помолчали.

– Это очень хорошо, что вы пришли. Нужно, знаете ли... духовное общение... Подъем!..

Хозяин сочувственно взглянул на гостя; вглядевшись попристальнее, он заметил в одежде гостя беспорядок: галстук был развязан и воротничок, петля которого оборвалась, торчал одним концом у самого уха.

– Что это, голубчик, с вами? Воротничок-то подгулял, а? Хе-хе.

Оба долго смеялись, плутовски подмигивая друг другу.

Потом тема разговора иссякла.

– Сильные морозы, а? Пре-же-сто-кие. Во!

Гость сжал руку в кулак с таким видом, будто хотел иллюстрировать крепость мороза, но ничего не сказал.

– Да... Очень, очень большие морозы. Вот вы заметьте – летом не бывает морозов – почему? Потому что – смешно! В июне снег! В июле – мороз! Как так? Засмеют!! Ей-богу. Дико!

Снова собеседники замолчали, неприязненно поглядывая друг на друга.

– Пришел и молчит, – подумал хозяин. – И еще – одну калашу снял, а другую не снял. Как не стыдно, право... Свиньи, а не люди! Черт с ним! Закурю лучше...

Он полез в карман, вынул портсигар, взял одну папиросу и протянул портсигар гостю, но тот тоже достал портсигар и уже протягивал его хозяину.

– Благодарю вас! Свои курю, – сухо сказал хозяин. – Позвольте прикурить только.

Он вытянул голову, прикоснулся папиросой к папиросе гостя и затянулся.

– Кой черт! Ведь у вас не горит. Чего же вы даете мне закуривать?.. Эх вы! Сейчас!

Хозяин встал, нашел спички, зажег папиросу, дал закурить от своей папиросы гостю, и оба они, окружив себя облаками табачного дыма, погрузились в молчание.

– Да, – сказал хозяин. – Очень большие морозы...

Гость иронически промолчал, очевидно, недовольный однообразием темы разговора и будто выжидая, не скажет ли хозяин что-нибудь более интересное...

– Свирепые. Я на одном доме нынче видел – градусник к стене примерз. Чессн... слово.

Гость дипломатично промолчал.

– Может, коньяку выпьете, – неожиданно предложил хозяин. – Чрезвычайный коньяк есть! Совсем забыл за этими разговорами. Хе-хе.

Хозяин оживился и заметил, что при упоминании о коньяке оживился и гость.

– Любит, наверно, дрызнуть, – с легким укором подумал хозяин. – Ишь, как глазки сразу заблестели...

Он вышел в столовую, наткаясь на стулья и тихонько посмеиваясь. Достал бутылку коньяку, рюмку и, вернувшись, сказал:

– Вот коньячок и две рюмочки. Ни-ни – и не отказывайтесь! Дело праздничное...

Гость облизнулся и потер руки.

– Любишь, каналья, – с ласковой укоризной подумал про себя хозяин.

Он наполнил единственную рюмку, отодвинул горлышко бутылки на вершок влево, налил немного вина на скатерть и подмигнул гостю:

– Ну... ваше здоровье! Выпьте, может, развеселитесь...

В руках гостя уже была рюмка. Оба звонко чокнулись и, опрокинув головы, выпили.

– Ну, как дома у вас... все благополучно? – спросил хозяин, снова садясь на стул.

Гость ни слова не ответил на этот простой вопрос.

– Слушайте! Вы! Я вас спрашиваю, – с легким раздражением возвысил голос хозяин. – Вы все время молчите – нельзя же так! Я могу это счесть за нас... мешку! За презрение к хозяину дома! Или – хе-хе – вы уже так набрались, что и говорить не можете?

Гость усмехнулся, но по-прежнему остался безмолвен, как дерево.

Хозяин горько засмеялся.

– Конечно! Мы люди маленькие... Разве нас удостоят разговором эти большие господа... Они нас, видите ли, презирают... Нисходят до нас! А в наш дом, – крикнул он, – они приходят! Наш коньяк пьют! Зачем тогда было приходить – шли бы к себе домой...

Голос хозяина принял оттенок язвительности.

– А знаете что? Наплевать мне и на вас и на ваши разговоры! Идите домой и – надеюсь – никогда не встречусь с вами. Тоже... гость!.. Пришел, когда хозяина дома нет, – это разве

можно! А может, я тебя не желаю принять? «Илья Чепцов нынче болен и никого не желает принимать!» Слышишь! А ты лезешь. Потрудитесь уйти, я спать хочу – вот что-с!

Но гость и не думал об уходе; наоборот, он развалился в кресле и бросал на хозяина вызывающие взгляды.

– Слушш... Уходите отсюда! Довольно-с. Пора спать, милоссс... государь! А то я поговорю с вами иначе!

Ярости и возмущению хозяина не было границ, когда гость вдруг ни с того ни с сего погрозил хозяину кулаком и уперся руками в бока.

Хозяин, дрожа от злости, встал со стула... Встал и гость.

Чувствовалось, что сейчас произойдет что-то ужасное.

– Вон! – крикнул хозяин, размахнулся и – получил сильнейший удар по своему сжатому кулаку.

– А-а, – слабо улыбаясь, сказал бледный хозяин. – Драться? Да? Пришел в гости и дерется?

Рука его горела от удара, а обида на сердце скопилась в целое бушующее море...

– Его коньяком угощаешь, разговар... как с порядочным человеком, а он – драться!..

Было жалко себя, своей загубленной молодости, сердце щемила обида и унижение.

– Хоррошо! – неожиданно сказал хозяин. – Черт с тобой... Ты не уйдешь – уйду я. Ха-ха-ха! Видали, люди добрые? Хозяина выгоняют из его же собственного дома... Прекрасно! Я уйду, милый... Уйду... Пусть! Человечество меня гонит, у меня нет крова – пойду и усну, как собака бездомная под забором. Замерзну... (он заплакал). И кто будет виноват? Ты! Что ж... Мало ли нас, бездомных странников... умирает... под забором. Эх! Доехали... Доехали Илью Чепцова!

Он поднял с полу свою шубу, надел ее, нахлобучил на уши шапку и, не глядя на грубого человека, оскорбившего его, ушел с великой тоской в растоптанной душе...

Сердце под скальпелем

Глава I Замечательный попутчик

Стройная красивая дама вошла на остановке в наше купе, положила на диван небольшой ручной сак и сейчас же вышла, – вероятно, с целью проститься с провожавшими ее друзьями.

Мой сосед кивнул в мою сторону с плутовской улыбкой и сказал:

– Занятная штучка. Я думаю, на номер четвертый ее можно было бы поймать.

Я не знал этого человека – мы с ним только что познакомились. Наружность его была самая ординарная и незначительная. Никто не мог бы предположить в нем удивительной, оригинальной натуры: среднего роста, худощавый, с черными, опущенными книзу усиками и лицом, темным, будто от загара; глаза быстрые, искательные.

Я, признаться, не понял сразу – что это за номер четвертый, на который, по словам моего соседа, «можно поймать» даму.

Такой термин мог быть у коммивояжера – торговца дамскими вещами, у сыщика охранного отделения или, еще проще, у вора, милого добродушного экземпляра, почему-либо принявшего меня за одного из своих.

– Вы говорите, четвертый номер? – неопределенно спросил я.

– Да. А вы не согласны? Не думаете же вы, что с ней можно обойтись первым или вторым номером – это слишком для нее примитивно!

Надеясь что-нибудь выведать у него, я спросил, заинтересованный:

– Второй номер – работа без инструментов?

– О господи! Все номера – работа без инструментов. Какие там, к черту, инструменты!

– Так вы больше склоняетесь к четвертому номеру?

– К четвертому. Э, чертова работа! Да вы, вероятно, не знаете четвертого номера?

Я не знал ни одного номера – от первого до последнего, и мог признаться в этом с чистой совестью.

Но, не желая показать себя неопытным простаком, заявил:

– Четвертого, действительно, я как будто не знаю.

Незнакомец заговорил монотонным деловым тоном:

– Исключительная заботливость и предупредительность. Подчеркивается, что вы знаете обычаи света, и если берете ее за руку после десяти фраз и целуете, то это якобы простая фамильярность, в дороге допустимая. Номер четвертый основан на том, что все ваши подходы и любезности как будто кем-то где-то уже установлены и против них нельзя возражать, боясь прослыть смешной и синим чулком. Тем более что предыдущая заботливость и предупредительность обязывает к снисходительности. К номеру четвертому существует небесполезное примечание: «Полезно при первой встрече принять вид человека, ошолобеневшего от удивления и восторга перед красотой обрабатываемого объекта. Можно быть даже неловким от смущения в первый момент – это всегда прощается».

– Это что же... – спросил я, ошеломленный. – Нечто вроде «Кодекса волокитства»?

– Ну конечно. Я же Волокита и есть.

Он это сказал таким тоном, каким говорят: «Я инженер путей сообщения» или: «Я служащий кредитного общества».

– Кто же выработал этот... гм... любопытный кодекс?

– Кто выработал! Жизнь выработала! Я его только анализировал, систематизировал научным путем и стал применять в обработанном, очищенном от ненужного виде. Согласны вы, что номер первый, как примитив, восхитителен?

Как всякий ученый, он думал, что весь мир знаком с его трудами и знает их наизусть.

– Первый номер? Не можете ли вы, во избежание путаницы, освежить эти номера в моей памяти по порядку.

Он пожал плечами и с готовностью начал тем же деловым, немного однообразным тоном:

– *Номер первый.* Это не тонкая столярная работа, а если можно так выразиться – грубая, плотничья. Говорится просто: «Сударыня! Жизнь так прекрасна, надо торопиться. Второй раз молодости уже не будет. Надо ловить момент! Мы оба молоды и прекрасны – пойдемте ко мне на квартиру». Если она скажет, что это «грех», можно возразить самым небрежным тоном: «Какой там, к черту, грех, все пустяки и трын-трава, а рая никакого и нет!» После чего других возражений уже не предвидится. Но повторяю: номер первый – это базарный грубый номер для первых встречных дурочек.

Номер второй. Ошеломляющая грубость. Вы говорите: «Послушайте, ну что там ломаться, ведь я знаю, что я вам нравлюсь. Вы сейчас же должны меня поцеловать, слышите?» Тут даже уместен переход на «ты». «Мы, маленькая, я вижу, одного поля ягоды, а если ты будешь кочевряжиться, то мне недолго тебя и придушить. Иди же сюда, пока я не оттрепал тебя хорошенько!» Это так называемая работа «под апаша», и ее может недурно провести самый благомыслящий почтенный человек, который в другое время мухи не обидит. Увы! Женщина чаще, чем думают, любит свирепые страсти.

Номер третий. Равнодушие, смешанное с пренебрежением. Вы стараетесь говорить женщине все время колкости и вообще подчеркиваете, что она самая ординарная натура, которых вы видывали сотнями. Ничто так не разжигает женщину, как это. Она в слепой злобе сейчас же захочет показать, что она не такая, захочет покорить под ноzi своя такого строптивного мужчину, такая победа кажется ей сладкой – и вот уже она бьется, бедненькая, в расставленных вами сетях.

Номер четвертый вы уже знаете, а номер пятый, действие на ревность, – так уже избит, что его не нужно и комментировать. Приемы, старые как мир. Вы или делаете вид, что разговариваете с кем-нибудь по телефону, или, якобы случайно, роняете на пол какое-нибудь письмо от женщины, схватываете и рвете на мелкие кусочки. Нужно только остерегаться проделывать этот прием со счетами от портных и обойщиков, потому что на одном из подобранных впоследствии клочков может оказаться кусок гербовой марки...

С шестого номера начинается уже более тонкая, деликатная работа. Прием с «чем-то роковым, что предопределено», требует известной интеллигентности и чутья. Подходить нужно издалека. Вы спрашиваете: «Послушайте, вам не кажется странным, что нас судьба свела вместе?» – «Почему же странно? Мало ли кто с кем знакомится?» – «О нет, вы знаете, что такое Ананке?» – «Не знаю». Вы молчите долго, долго, а потом начинаете говорить каким-то глухим, надтреснутым голосом, будто издалека: «Все на свете предопределено роком, и ни один человек не избежит его. Если человеку что и дано в этом случае – так только *знать иногда заранее* об этом роковом предопределении... дано чувствовать неизбывную силу руки Ананке»... Тут вы наклоняетесь к самому ее лицу и шепчете с горящими таинственным светом глазами: «И вот я чувствую всеми своими фибрами, что эта встреча для нас не окончится простым знакомством, что мы предназначены друг другу. Может быть, вы будете бороться, будете стараться убежать, но – ха! – ха! – ха! – это бесполезно. От Ананке еще никто не убежал. Понимаете – это уже решено там где-то! Сопротивляться? О, неужели вы не слышите таинственно гудящего сверху рокового колокола: поздно! поздно! поздно! К чему же тогда борьба? Ха-ха-ха! С Ананке не борются!!» Ну, конечно, бедняжка, видя, что раз уж так где-то решено и что борьба бесполезна, сама заражается духом мистического начала и подходит к вожделенному концу. Ловко?

– Скажите! – спросил я потрясенный. – Откуда же вы все это так хорошо знаете?

Мой спутник скромно вздохнул и покачал головой.

– Откуда? О господи! Посмотрите на какого-нибудь ученого, отыскивающего чудодейственное средство для пользы человечества... Он делает сотни лабораторных и практических опытов, натывается на неудачи, разочарования, и опять ищет и ищет. Сегодня у этого фанатика ничего не вышло, завтра не вышло, послезавтра у него взорвало колбу и опалило руки, – там, гляди, невежественная толпа, заподозрив в нем колдуна, избил ученого, там от него отказалась семья и сбежала жена – и все-таки в конце концов этот фанатик, этот апостол науки добивается света во тьме своих изысканий и выносит ослепленной восторгом толпе чудодейственное перо Жар-птицы! Забыты разочарования, забыта взорвавшаяся и опалившая руки колба.

– А скажите, – деликатно спросил я. – До того, как вы обрели настоящее перо Жар-птицы, у вас часто... гм... взрывались колбы?

Под гнетом воспоминаний он опустил голову.

– Бывало! Ой, бывало. Самая ужасная колба разорвалась в моих руках в Ростове: муж нанес мне ножом две раны в шею, облил кипятком и сбросил в пролет лестницы. Сколько ошибок, сколько разочарований! В Москве какой-то дрянью обливали, к счастью, неудачно, в Армавире полтора часа под балконом на зацепившемся пиджаке провисел, пока проходивший водонос не снял... Моя жизнь – это сплошной дневник происшествий: чем-то обливали, чем-то колотили, откуда-то сбрасывали и из чего-то стреляли. Впрочем, я не ожесточился. Дубленая кожа всегда мягче. И, кроме того, я всегда вхожу в положение обманутого мужа – конечно, ему обидно. Ведь он, чудак, не знает, что за женой все равно не усмотреть. Так-то, молодой человек...

Меня удивлял и восхищал этот скромный господин, с таким незначительным лицом и вялыми движениями. И, однако, несмотря на скромность, в его словах, когда он говорил о своей жизни, горела неподдельная энергия и неукротимый дух подлинного апостола.

– Ко всякому незнакомому городу я подъезжаю со странным чувством: «Что-то здесь мне предстоит? Что будет?» И если рассчитываю прожить побольше, то первым долгом разбиваю мысленно город на участки и начинаю работу планомерно, от участка к участку, не спеша, не суетясь, но и без лишней потери драгоценного времени.

Помолчав, я осведомился:

– У вас только шесть номеров и есть?

– Главных? Нет, семь. Седьмого я вам еще не досказал... Это самый гениальный, самый паразитный номер! Бывало, там, где уже нужно бы прийти в отчаяние, где руки совершенно опускались, я хватался за этот драгоценный номер, за эту жемчужину моей коллекции – и через полчаса неприступная недотрога уже склоняла голову на мое плечо. Неудивительно, что прием номера седьмого действует почти на всех. Схема номера седьмого чрезвычайно проста и портагивна, как все гениальное...

– Надеюсь, вы мне сообщите ее, – перебил я, дернув головой от неожиданной остановки поезда.

– Конечно! С удовольствием. «Седьмой номер»!.. Вы... Э, черт! Поезд, кажется, остановился? Какая это станция?

– Разбишаки, поезд стоит 3 минуты.

– О дьявол! Да ведь мне здесь сходить нужно. Чуть не прозевал. Прощайте! До приятного свидания, спасибо за компанию.

Он схватил свой чемодан и, наскоро пожав мне руку, выскочил. Звонок зазвенел. Поезд засвистал и двинулся.

Я принялся ругать сам себя за то, что, отвлекши внимание Волокиты разными расспросами, так и не узнал номера седьмого, но в этот момент в вагон вошла та самая дама, с которой, по предложению Волокиты, «надо было работать номером четвертым».

Я вскочил с места и, основываясь на примечании к номеру четвертому, застыл перед ней с бессмысленно изумленным видом, опершись, как будто в полубморочном состоянии, на спинку дивана.

Глава II На практике

Я полагаю, что в выражении моего лица было больше бессмысленности, чем изумления; не думаю, чтобы даже самая красивая женщина в мире произвела именно такое впечатление. Своим видом я скорее напоминал деревенского мальчишку, увидавшего впервые в зоологическом саду жирафа.

Отделавшись кое-как от «примечания к номеру четвертому», я занялся разработкой этого номера: сбросил с полки ручной сак незнакомки и, подхватив его на лету, протянул ей.

– Что это такое? – удивилась она. – Зачем это?

Я смущенно отскочил от нее, ударился плечом о косяк двери (насколько помнится, маленькая неловкость и мешковатость даже поощрялась четвертым номером) и, краснея, пролепетал:

– Может, вам отсюда что-нибудь нужно вынуть... книжку или какую-нибудь там пудру, помаду. Дело, знаете, дорожное.

И с самым общительным видом я снисходительно махнул рукой.

– Ничего мне не нужно. Положите сак обратно.

– Слушаю-с. Может, окошечко открыть?

– Оно открыто.

– Тогда не закрыть ли?

– Не надо.

– Может, лимонаду хотите?

– Спасибо, не хочу.

– Я бы достал. Скушать, может, что-нибудь желаете – рябчик, ветчина, отбивные котлеты – на первой же станции сбегая.

– Не надо.

– А то бы сходил.

– Говорят вам – не хочу!

Я счел, что лед в отношениях до некоторой степени пробит. Теперь только оставалось, по теории Волокиты, подчеркнуть свое знакомство с обычаями света, а затем – поцелуй руки и остальное.

– Знаете, – заметил я. – Есть люди, которые закуривают папиросу, не спросив даже разрешения у дамы. Вот уж никогда бы себе этого не позволил!

– Вы это ставите себе в заслугу? – спросила она с любопытством.

– Нет, чего там! А я одного такого субъекта знал; полнейшее отсутствие умения вращаться в обществе; недавно заезжаю к нему и, не застав дома, оставляю карточку с загнутым углом. На другой день встречаю его, а он и говорит: «Ты это что же мне поломанные, мятые карточки оставляешь? Не было целой?» Я чуть не помер со смеху.

Подготовив таким образом почву, я с некоторой фамильярностью, обыкновенно в дороге допускаемой, взял руку своей соседки и поднес ее к губам.

– Это еще что такое? – вскричала она, вырывая руку.

– Красивая ручка, – заметил я, принимая тупо-самодовольное выражение, хотя втайне был совершенно обескуражен. «Сейчас видно, – подумал я, – что она не знает номера четвертого».

– Красивая? – нахмурилась незнакомка. – А вы знаете, как называется тот человек, который, не познакомившись даже как следует, лезет целовать руки?

– Душой общества? – высказал я догадку.

– Нахалом он называется – вот как.

«Пожалуй, Волокита ошибся, – подумал я. – Четвертым номером с ней ничего не сделаешь. Очевидно, это тонкий, культурный интеллект, который поддастся разве только на номер шестой».

– Послушайте, – спросил я, глядя вдаль загадочным взором. – Вам не кажется странным, что судьба свела нас вместе?

Она пожала плечами:

– О господи! Мало ли с кем приходится ехать в пути.

– Нет, нет! – возразил я глухим голосом. – Вы знаете, что такое Ананке?

– Станция?

– Нет-с, не станция. Это – судьба, рок. По-гречески. Ни один человек не избежит Ананке. И вот, знаете ли вы (наклонившись к ней, я пронзительно заглянул ей в лицо), знаете ли вы, что у меня есть способность прозревать будущее: Ананке свела нас, и эта встреча будет для вас очень важной... Да-с. Решающей на всю жизнь. Сопротивляться? Бежать? Ха-ха-ха! Не поможет! Не-ет-с, голубушка, не отвертитесь...

– Послушайте!..

– Нет, вы послушайте. Слышите, как наверху гудит таинственный колокол: поздно! поздно!

– Что вы такое там болтаете, навязчивый человек? – вскричала она с заметным нетерпением. – Предупреждаю, что, если вы позволите что-нибудь лишнее, я вас так отделаю, что долго не забудете.

«Какой трудный случай», – подумал я. И досада охватила мое сердце. «Если ты способна на драку, то и первый номер для тебя хорош», – решил я, мужественно бросаясь в атаку.

– Сударыня! – сказал я. – Жизнь прекрасна, пока мы молоды. Нужно торопиться ловить моменты счастья и вообще... гм!.. Мы оба молоды, прекрасны – почему бы нам и не быть счастливыми? Вы скажете – «это грех!» Какой там грех, ведь рая-то нет, а жизнь-то, она не ждет!

– Вы просто глупый, развязный нахал и больше ничего, – неожиданно сказала дама и злобно отвернулась к окну.

Тут и меня разобрала злость. «Видно, матушка, – подумал я, – тебе захотелось попробовать номера второго?!»

Я сбросил с себя маску галантного человека, засунул руки в карманы, откинулся на спинку дивана, положил ногу на ногу и, прищурившись, процедил:

– Ну, довольно, миленькая моя! Терпеть не могу, когда ломаются. Покуражилась, и довольно! Ведь вы на нашего брата, мужчину, летите – ха-ха! – как мухи на мед. Кажется, я тебя раскусил – мы с тобой одного поля ягоды! Поцелуй-ка меня, пока я тебя не поколотил как следует! А если что, так ведь я придушить тебя могу. Го-го! Не впервой.

– Не думаю, чтобы вы были сумасшедший или пьяный, – сказала она, с поразительным хладнокровием осматривая мою цинично изогнувшуюся на диване фигуру. – Просто вы мелкий наглец, пользующийся тем, что женщина одна и никто из присутствующих не может за нее заступиться. Но все-таки даю слово – я вас ни капельки не боюсь... Вы мне просто жалки.

Я постепенно согнал со своего лица залихватское апашское выражение, расправил морщины цинично прищуренного глаза и, покраснев, как вишня, потупил голову.

В это время мне подвернулся под руку «третий номер» своеобразного кодекса, преподанного Волокитой.

– Извините, – сказал я. – Я просто хотел вас испытать. Вы, однако, оказались самой ординарной натурой, которые мне приходилось встречать сотнями.

– А что же вы думали: я сейчас же и повисну у вас на шее?

Я пренебрежительно пожал одним плечом.

– На шее? О, некоторые женщины думают, что это для мужчины верх удовольствия. Боже мой! Как трудно встретить оригинальную, своеобразную натуру...

– Если вы ее ищете таким способом, то...

– Да? Вы так уверены, что я именно искал такую оригинальную натуру в вас? Правда, личико у вас довольно милостивое, свежий цвет лица, но ведь у тысяч женщин можно найти это. Неужели вы серьезно думаете...

– Оставьте меня в покое. Ничего я не думаю! Если вы не перестанете болтать, я перейду в другое купе.

Мы замолчали.

«Пожалуй, – подумал я, – мне не следовало обрушивать на нее сразу все номера. Я, как неопытный слесарь, которому поручили открыть замок, сразу растерялся и стал хвататься за все инструменты, ни один не попробовав толком. Я ее запугал этим водопадом противоположностей... Может быть, если бы я обратил большее внимание на номер четвертый, все было бы благополучно... Ба! Впрочем, у меня есть еще в запасе номер пятый. Говорят, некоторые женщины ревнивы до сумасшествия».

– Сейчас, – вслух сказал я, – на станции мне удалось видеть прехорошенькую барышню. Она на меня посмотрела довольно жгуче, а когда я, проходя, нечаянно толкнул ее плечом, она засмеялась.

Моя спутница промолчала.

«Молчишь! Подожди же!»

Я сделал вид, что вынимаю из жилетного кармана часы, и вместе с часами вынул сложенное вчетверо письмо, которое сейчас же упало на пол.

– Ах, – сконфуженно сказал я. – Письмо! Ради бога, не дотрагивайтесь до него. Его нельзя читать... Гм! Уверяю вас, что я этой женщины не знаю. Мало ли кто и что захочет мне писать. Если бы это писал я, а за других я не отвечаю. Нет, ни за что я не дам вам его прочесть!

Я схватил письмо и изорвал, хотя дама не выражала никакого поползновения «ревниво схватить и прочесть оброненное письмо».

Наоборот, она медленно встала и потянулась за своим саком, приговаривая:

– О господи, какой кретин! Какое невероятное дерево!

– Позвольте, я вам помогу!

– Не надо!

– Еще раз спрашиваю вас: знаете, что такое Ананке? Уходите? Сударыня, жизнь коротка, и нужно ловить... Нет, ты меня поцелуешь, или удар ножом образумит тебя, негод...

В отчаянии я пустил в ход все номера сразу; но она взяла свой сак и, оттолкнув меня, выскочила из купе.

«Счастье твое, моя милая, – подумал я, – что я не успел узнать номера седьмого. Повертелась бы ты тогда... Проклятый Волокита! Сообщил мне разную мелкую, а главную-то и не сказал!...»

Глава III Номер седьмой

Если судьба столкнула двух людей один раз, то она обязательно столкнет их и второй. То, что называется Ананке.

Вторая моя встреча с Волокитой была еще молниеноснее первой...

Именно: мой поезд должен был через пять минут отойти на север, а Волокитин через полминуты – на юг. Оба поезда стояли рядышком, и, когда я выглянул в окно, первое, что мне бросилось в глаза, – это Волокита, высунувшийся из окна вагона своего поезда.

– А, здравствуйте, – сказал он.

– Слушайте! – отчаянно крикнул я. – Ради всего святого! Вы мне тогда обещали сообщить самый главный номер, седьмой, да так и сбежали, не сказав.

– Сделайте одолжение! Дело в том...

Но в это время Волокитин поезд свистнул, вздрогнул и двинулся.

– Ради бога! Умоляю! – взревел я, высовываясь чуть не по пояс из окна. – В двух словах!

Однако он не успел сказать мне и одного слова. Наоборот, откинулся в глубь вагона, и только рука его, высунувшись из окна, завертелась во все стороны.

Я всмотрелся: между большим и указательным пальцем Волокитиной руки была зажата какая-то вещичка, очень похожая на золотую монету.

Сильные и слабые

I

Однажды в саду на даче я возился и бегал с крошечной девочкой лет четырех.

Ее маленькие ножки не знали устали – она носилась по дорожкам, как вихрь, а я, большой, сильный, здоровый человек, запыхался и, опустившись на зеленую скамейку, решил не двигаться с места, какие бы соблазны мне ни сулили.

– Слушай! – сказала девочка, раскачивая мою бессильно свисшую руку. – Пойдем...

– Куда?

– Туда... К старой калитке. Где много деревьев.

– Зачем?

– Там веревка висит.

– Так что ж из этого?

– Ты поднимешь меня до веревки, а я буду ее дергать.

Она не любила сложных игр. Примитивная «игра с веревкой», сочиненная ею полчаса тому назад, приводила ее в восторг.

– Подумаешь, как весело! – скептически проворчал я.

– Да пойдем!

– Не хочу.

– Да пойте-е-ем!

– Ни за что.

– Да почему?

– Боюсь.

– Чего?

Я подумал немного и лениво сказал:

– Разбойников.

– Ничего. Пойдем.

– Ишь ты, какая ловкая – «пойдем». А что, если разбойники выскочат из кустов да начнут нас убивать?

– Не бойся. Может, не убьют.

Я опустился со скамейки на песок, спрятал голову в руки и захныкал:

– Бою-юсь! Они меня убьют...

Глубокая нежность засветилась в ее взгляде. Она долго гладила меня крошечной, неуверенной ручонкой по голове, потом потрепала по плечу и покровительственно сказала:

– Ничего, пойдем! Я тебя спасу.

В это время она, вероятно, очень меня любила своим детским сердечком – большого, трусливого, беспомощного... Она думала, что ее рука – единственная для меня опора в этом жестоком свете. И был, вероятно, в ее чувстве ко мне легкий оттенок презрения – презрения культурного, уверенного в безопасности человека к пугливому суеверному дикарю.

Ниже я скажу, по какому случаю вспомнился мне этот пустяковый разговор с четырехлетней девочкой...

Сидя в обществе четырех человек, я среди разговора сообщил:

– Я еду в Крым.

Елена Николаевна сказала:

– Неужели? Я тоже еду в Крым. Вы когда?

– В конце этой недели.

– Боже мой! Но ведь я то же самое! Вы через Одессу или прямо?

– Мне все равно. Могу через Одессу.

– Прекрасно. Поедем вместе. Будет веселее. А то путешествовать женщине одной – это такой ужас...

Я поклонился:

– С удовольствием. Считайте меня своим спутником!

Мой друг Переплетов заерзал на месте, с участием взглянул на меня и, встав с места, сделал мне незаметный знак, чтобы я последовал за ним.

– Что такое? – спросил я, когда мы вышли.

– Милый мой! Да ты с ума сошел... Зачем ты навязал себе на шею эту бабу?

– А ведь прехорошенькая, не правда ли?

– Тем хуже! Путешествие с хорошенькой женщиной?!

Голос его звучал пророчески:

– Отныне ты не будешь знать ни дня, ни часа! Ты будешь ее лакеем, горничной, носильщиком, кормильцем и поильцем. Ты будешь отвечать за все забытые ею вещи, за опоздание на поезд, за отсутствие свободных мест, за то, что дует из окна, или за то, что жарко. Рано утром ты должен разыскивать для нее мыло и зубной порошок, который она забыла, и бегать на станцию за чаем. Ночью ты должен будешь сторожить, чтобы никто не вошел в купе, а также поправлять ей плед, которым она покрыта и который сползает у нее ежеминутно. В 4 часа утра у нее разболются зубы и ты побежишь за лекарством... О вещах ты должен заботиться – о ее и о своих, номер в гостинице должен искать для нее и для себя, составлять меню обедов для нее и для себя... Нет, ты форменный глупец.

Я вздохнул, улыбнулся, и на моем лице разлилось выражение кротости (я видел это в зеркале...).

– Ничего... Что ж делать!.. Ей-богу, это не так страшно.

– Да? Ну, посмотрим...

Голос его звучал сухо, зловеще.

Сговорились ехать в субботу, в 11 часов вечера.

II

До отхода поезда осталось двадцать минут. Я приехал с чемоданом, сунул его под диван в буфете первого класса, а сам отправился бродить по огромному залу третьего класса.

– Боже мой! Вот он где, – раздался сзади меня знакомый голос. – А я-то вас ищущу-ищу – весь вокзал обегала.

– А-а, здравствуйте. Как поживаете?

– Почему вы здесь? Что вы тут делаете?

– А не знаю... Вижу какое-то помещение – дай, думаю, зайду сюда.

– Билеты-то вы взяли?

– Какие билеты? – удивился я.

– Да позвольте... Что ж мы поедем по метрическому свидетельству, что ли?

– Положим, верно, – согласился я после небольшого раздумья, – билеты-то взять бы не мешало...

– Так возьмите!!..

– Да где же их взять? Я не знаю, где касса.

– Вот еще дитя беспомощное! Скажите носильщику – он и купит!

– А если он убежит с деньгами?

– А номер его для чего же?

– Но-номер? А кто мне поручится, что я через минуту не забуду номера. Признаться, память у меня возмутительная.

– Если плохая память – запишите!!

– Вот-то жалость! У меня нет карандаша.

– О боже! Честное слово, мы рискуем опоздать.

– Да, знаете ли... Ничего нет легче этого. Да вот, кажется, и первый звонок...

Она всплеснула руками и метнулась в сторону.

– Стойте здесь! Носильщика уже поздно... сама возьму!

– Ладно. А я пока буду следить за звонками.

Принятые мною на себя обязанности не утомили меня. Я лениво глазел на бешено несущуюся публику и нетерпеливо ждал свою спутницу.

– Опять зазевались! Ну, бежим скорее... Сейчас будет второй звонок.

Она побежала вперед, я за ней.

– А где ваши вещи?

– Я засунул их под диван в буфетной. Я думаю, после можно их будет достать.

– Когда после? Сию секунду бегите... Да не туда, не в ту сторону! Буфет – здесь!

– А как же я... вас потом найду?

– Да что вы... трехлетнее дитя, что ли? Однако компаньона я себе нашла... Ну, бегите скорей в буфет – я вас тут подожду...

– Только вы ж не уходите отсюда... а то я...

– Ради бога, скорее!

Я схватил чемодан, и мы понеслись на перрон.

– Где наш поезд? – спросила она, переводя дух.

– Я думаю, этот. Ай-я-яй, какой маленький...

– Это отцепленный вагон, глупый вы человек. А нам нужен поезд! Вот и мой носильщик, кстати. Где поезд в Одессу?

– Пожалуйста!

Впереди шла Елена Николаевна, отыскивая наш вагон, за ней обремененный коробками и саквояжами носильщик, а сзади – я, беззаботно помахивая своим чемоданчиком.

Сели вовремя – через минуту поезд двинулся.

Елена Николаевна обмахнула платком разгоряченное лицо и, улыбнувшись, спросила:

– Как вы думаете, если бы не я – уехали бы мы сегодня?

– Ни за что, – уверенно сказал я. – Я удивляюсь, как вы так хорошо разбираетесь в этих железнодорожных штучках.

– В каких штучках?

– Вот в этих билетах, носильщиках, поездах... тут сам черт ногу сломит.

III

Полчаса прошло в дружеском разговоре. Я сказал:

– А мне хочется есть.

– О чем же вы раньше думали, на вокзале?

– Забыл.

– Эх вы! Впрочем, вероятно, скоро будет буфетная станция... Посмотрите путеводитель.

– Да у меня его нет...

– У меня есть. Берите.

Я взял в руки путеводитель и повертел его в руках.

– Ого, какой толстый... Воображаю, сколько тут буфетных станций!

Развернул, стал перелистывать, вздохнул.

– В три часа утра будет станция. Не дожидаться...

– Какая станция?

– Териоки...

– Что-о? Вы какую дорогу смотрите?

– Вот... желтые такие листочки...

– Ах ты господи! Вам няньку нужно... В путеводителе не можете разобраться!

– Хотел бы я видеть человека, который в нем разбирается! – недоверчиво сказал я.

– Подумаешь, трудность. Дайте-ка мне... Вот! Через сорок минут вы можете закусить...

Поезд стоит восемь минут.

– Не успею... Я всегда запутываюсь в этих минутах.

– Ну, ладно... Выйдем вместе.

Я подпер рукой подбородок и принял сиротливую позу. Елена Николаевна участливо взглянула на меня.

– Как же вы вообще живете, большое дитя, если ничего не понимаете, всюду опаздываете и теряетесь в самых пустых случаях?

– Да и плохо живу, – прошептал я со скрытым страданием в голосе. – Папа у меня умер, мама далеко... А тут всюду какие-то номера, звонки, все кричат, бегут... Хорошо, что я с вами поехал...

– Ну, ничего, – успокоительно сказала она. – Ничего, мой большой ребеночек. Как-нибудь доедем. Вы где предпочитаете спать: на верхней койке или на нижней? Надеюсь, уступите мне нижнюю?

– Уступлю, конечно. Только я уж извиняюсь, что ночью разбужу вас...

– Чем?

– Упаду. Я ночью всегда ворочаюсь с боку на бок и, разметавшись, обязательно падаю.

– Гм... Ну, ладно... Спице внизу. Как-нибудь устроимся... Ах вы, беспомощное существо!

Она шуточно погладила меня по голове, и в голосе ее прозвучала материнская нежность и снисходительность к слабому.

IV

Никогда мне не приходилось путешествовать с таким комфортом и спокойствием, как в этот раз.

Я чувствовал себя маленьким любимым ребенком, о котором всегда позаботятся, которого не дадут в обиду, накормят, убаюкают и приласкают. Мой большой рост, густой голос и широкие плечи не служили препятствием этому.

Моя спутница укладывала меня спать, поправляла сползавший плед, гасила свет, когда я засыпал, и будила утром, когда была остановка на большой станции, чтобы я мог выпить кофе, который она разыскивала с помощью проводника вагона.

Ее тешило, когда я, просыпаясь, тер кулаками глаза, потягивался, как ребенок, и щурился от сильного света.

– А-а, – покровительственно говорила она. – Бэбэ проснулось? А для бэбэ уже готов кофе.

Я был рад, что разбудил в ней материнские инстинкты. Мой чемодан потихоньку приютился около ее вещей, и его всегда на пересадках переносили вместе с картонками и саквояжами, а я шел сзади и насвистывал, поглядывая по сторонам.

Озабоченная Елена Николаевна шагала впереди, изредка оглядывалась и с беспокойством говорила:

– Вы тут? Смотрите не потеряйтесь. Я пойду купить вам апельсинов, а вы постоитесь тут и никуда не отходите, как вчера, когда я чуть не опоздала из-за вас на поезд.

– Куда я там отойду, – капризно возражал я.

– Знаю, знаю. За вами, как за малюткой нужно.

В Одессе она сама отыскала гостиницу, заказала для меня ванну и составила меню превкусного ужина.

А на пароходе, когда мы ехали в Севастополь, она, укладывая меня спать и поправляя одеяло, потрепала меня по щеке и незаметно перекрестила...

Когда мы возвращались в Петербург, я телеграфировал Переплетову, чтобы он нас встретил.

Было так: едва поезд остановился, я выскочил из вагона и бросился в объятия Переплетова.

– Пальто! – закричала встревоженная Елена Николаевна, выглядывая из окна. – Я вовсе не хочу, чтобы вы простудились... Наденьте пальто! Кстати, какой номер вашего домашнего телефона? Я буду с вокзала звонить к себе, кстати позвоню и к вам, чтобы приготовили вам закусить – вы с утра почти ничего не ели.

Изумленный взгляд Переплетова очень потешил меня.

Елена Николаевна вышла вслед за носильщиком, груженная двумя картонками. Спросила, поправляя мне галстук:

– Ничего не забыли? Вторая шляпа в чемодане?

– Да...

– Книжки взяли? Палку захватили?

– Да, да...

– Ну, значит, все. Пока прощайте.

– А... вещи? – спросил сбитый с толку Переплетов. – Где твои вещи? Чемодан?

– Он у меня, – улынулась Елена Николаевна. – Да где ему там самому с вещами возиться – сущий ребенок... он их еще потеряет. Я пришлю их к нему на квартиру с прислугой...

Переплетов сказал:

– Я сошел с ума.

Русалка

- Вы кашляете? – учтиво спросил поэта Пеликанова художник Кранц.
- Да, – вздохнул бледный поэт. – И кроме того, у меня насморк.
- Где же это вы его схватили?
- На реке. Вчера всю ночь на берегу просидел. И нога, кроме того, ломит.
- Так, так, – кивнул головой третий из компании – угрюмый Дерягин. – Рыбу ловили, с ума сошли или просто так?
- Просто так. Думал.
- Просто так? Думал? О чем же вы думали?
- Пеликанов встал и закинул длинные светлые волосы за уши.
- О чем я думал? Я думал о них... о прекрасных, загадочных, которые всплывают в ночной тиши на поверхность посеребренной луной реки и плещутся там между купами задумчивой осоки, напевая свои странные, чарующие, хватающие за душу песенки и расчесывая гребнями длинные волосы, в которых запутались водоросли... Бледные, прекрасные, круглые руки поднимаются из воды и в безмолвной мольбе протягиваются к луне... Большие печальные глаза сияют между ветвей, как звезды... Жутко и сладостно увидеть их в эту пору.
- Это кто ж такие будут? – спросил Дерягин. – Русалки, что ли?
- Да... Русалки.
- И вы их надеетесь увидеть?
- О, если бы я надеялся! Я только мечтаю об этом...
- Рассчитываете дождаться?
- Полжизни я готов просидеть, чтобы...
- Дерягин в бешенстве вскочил с кресла:
- Будьте вы прокляты, идиоты, с вашими дурацкими бреднями. Встречаюсь я с вами уже несколько лет, разговаривал с вами, как с порядочным, нормальным человеком, и вдруг – нате, здравствуйте! Этот человек бродит по ночам по берегу реки! Зачем, спрашивается? Русалок ищет, изволите ли видеть! Бесстыдник.
- Вы не понимаете прекрасного! – сказал, свесив голову на грудь и покашливая, Пеликанов.
- Да ведь их нет! Понимаете, это чепуха, мечта! Их не существует.
- Поэт улыбнулся.
- Для вас, может быть, нет. А для меня они существуют.
- Кранц! Кранц! Скажи ему, что он бредит, что он с ума сошел! Каких таких он русалок ищет?
- Художник Кранц улыбнулся, но промолчал.
- Нет! С вами тут с ума сойдешь. Пойду я домой. Возьму ванну, поужинаю хорошенько и завалюсь спать. А ты, Кранц?
- Мне спать рано. Я поеду к одной знакомой даме, которая хорошо поет. Заставлю ее петь, а сам лягу на диван и, слушая, буду тянуть шартрез из маленькой-маленькой рюмочки. Хорошо-о-о!
- Сибарит! А вы, Пеликанов?
- Пеликанов грустно усмехнулся:
- Вы, конечно, будете ругаться... Но я... пойду сейчас к реке, побродить... прислушаться к всплескам волн, помечтать где-нибудь под темными кустами осоки о прекрасных, печальных глазах... о руках, смутно белеющих на черном фоне спящей реки...
- Кранц! – завопил Дерягин, завертевшись как ужаленный. – Да скажи ты ему, этому жалкому человечешке, что его проклятых русалок не существует!..

Кранц подумал немного и потом пожал плечами:

– Как же я ему скажу это, когда русалки существуют.

– Если ты так говоришь, значит, ты дурак.

– Может быть, – усмехнулся Кранц. – Но я был знаком с одной русалкой.

– Боже! – всплеснул руками Дерягин. – Сейчас начнется скучища – розовая водица и нудьга! Кранц нам сейчас расскажет историю о том, как он встретился с женщиной, у которой были зеленые русалочьи глаза и русалочий смех, и как она завлекла его в жизненную пучину, и как погубила. Кранц! Сколько вам заплатить, чтобы вы не рассказывали этой истории?

– Подите вы, – нахмурился Кранц. – Эта была настоящая, подлинная речная русалка.

Встретился я с ней случайно и расстался тоже как-то странно.

Пеликанов жадными руками вцепился в плечи Кранца.

– Вы правду говорите?! Да? Вы действительно видели настоящую русалку?

– Что же тут удивительного? Ведь вы же сами утверждаете, что они должны быть...

– И вы ее ясно видели? Вот так, как меня? Да?

– Не волнуйтесь, юноша... Если это и кажется немного чудесным, то... мало ли что на свете бывает! Я уже человек немолодой и за свою шумную, бурную, богатую приключениями жизнь видел много такого, о чем вам и не снилось.

– Кранц! Вы... видели русалку?!

– Видел. Если это вас так интересует – могу рассказать. Только потребуйте вина побольше.

– Эй! Вина!

– Только побольше.

– Побольше! Кранц! О русалке!

– Слушайте... Однажды летом я охотился... Собственно, охота какая? Так, бродил с ружьем. Люблю одиночество. И вот, бродя таким образом, набрел я в один теплый летний вечер на заброшенный рыбацкий домик на берегу реки. Не знаю, утонули ли эти рыбаки во время одной из своих экспедиций или просто, повыловив в этой реке всю рыбу, перебрались на другое место, – только этот домик был совершенно пуст. Я пришел в восторг от такого прекрасного безмолвия, запустения и одиночества; съездил в город, привез припасов, походную кровать и поселился в домике.

Днем охотился, ловил рыбу, купался, а вечером валялся в кровати и при свете керосиновой лампочки читал Шиллера, Пушкина и Достоевского.

Об этом времени я вспоминаю с умилением...

Ну, вот.

Как-то в душную, грозовую ночь мне не спалось. Жара, тяжесть какая-то – сил нет дышать. Вышел я на берег – мутная луна светит, ивы склонили печальные головы, осока замерла в духоте. Вода тяжелая, черная, как густые чернила.

– Искупаюсь, – решил я. – Все-таки прохладнее.

Но и вода не давала прохлады: свинцовая, теплая – она расступилась передо мной и опять сомкнулась, даже не волнуясь около моего тела.

Я стал болтать руками, плескаться и петь песни, потому что кругом были жуть и тишина невероятная. Нервы у меня вообще как канаты, но тут воздушное электричество, что ли, так их взвинтило, что я готов был расплакаться, точно барышня.

И вот, когда я уже хотел выкарабкаться на берег, у меня, около плеча, что-то такое как всплеснет! Я думал – рыба. Протягиваю инстинктивно руку, наталкиваюсь на что-то длинное, скользкое, хватаю... Сердце так и заныло... На ощупь – человеческая рука. Ну, думаю, утопленник. Вдруг это неизвестное тело затрепетало, забилося и стало вырываться... показалась голова... прекрасная женская голова с печальными молящими глазами... Две белые круглые руки беспомощно взметнулись над водой...

И странно, я сразу же успокоился, как только увидел, с кем имею дело. Случай был редкий, исключительный, и я моментально решил не упускать его. Руки мои крепко обвилась вокруг ее стройной, гибкой талии, и через минуту она уже билась на песке у моих ног, испуская тихие стоны.

Я успокоил ее несколькими ласковыми словами, погладил ее мокрые волнистые волосы и, бережно подняв на руки, перенес в домик. Она притихла и молча следила за мной своими печальными глазами, в которых светился ужас.

При свете лампы я подробнее рассмотрел мою пленницу. Она была точно такого типа, как рисуют художники: белое мраморное тело, гибкие стройные руки и красивые плечи, по которым разметались волосы удивительного, странного, зеленоватого цвета. Вместо ног у нее был длинный чешуйчатый хвост, раздвоенный на конце, как у рыбы.

Признаться ли? Эта часть тела не произвела на меня приятного впечатления.

Но в общем передо мной лежало преаппетитное создание, и я благословлял Провидение, что оно послало такое утешение одинокому бродяге и забулдыге.

Она лежала на моей постели, блестя влажным телом, закинув руки за голову и молча поглядывая на меня глазами, в которых сквозил тупой животный страх.

– Не бойся! – ласково сказал я. – Старина Кранц не сделает тебе зла.

И я прильнул губами к ее полуоткрытым розовым губкам.

Гм... Признаться ли вам: многих женщин мне приходилось целовать на своем веку, но никогда я не чувствовал такого запаха рыбы, как в данном случае. Я люблю запах рыбы – он отдает морем, солью и здоровьем, но я никогда бы не стал целоваться с окунем или карасем.

– Я думаю, – спросил я, нерешительно обнимая ее за талию, – вы питаетесь главным образом рыбой?

– Рыбы... – пролепетала она, щуря свои прекрасные печальные глаза. – Дай мне рыбы.

– Ты проголодалась, бедняжка? Сейчас, моя малютка, я принесу тебе...

Я достал из ящика, служившего мне буфетом, кусок холодной жареной рыбы и подал ей.

– Ай, – закричала она плаксиво. – Это не рыба. Рыбы-ы... Дай рыбы.

– Милая! – ужаснулся. – Неужели ты ешь сырую рыбу?.. Фи, какая гадость...

Тем не менее пришлось с большими усилиями достать ей живой рыбы... Как сейчас помню: это были карась и два маленьких пескаря. Она кивнула головой, схватила привычной рукой карася и, откусив ему голову, выплюнула, как обыкновенная женщина – косточку персика. Тело же карасиное моментально захрустело на ее зубах. Вы морщитесь, господа, но должен сказать правду: пескарей она съела целиком, с головой и внутренностями... Такой уж, видно, у них обычай.

– Воды, – прошептала она своими коралловыми губами. – Воды...

«Беднягу томит жажда», – подумал я.

Принес ей большую глиняную кружку, наполненную водой, и приставил заботливо ко рту.

Но она схватила кружку и, приподнявшись, с видимым удовольствием окатила себя с хвоста до головы водой, после чего рухнула обратно на постель и завизжала от удовольствия.

– Милая, – сухо сказал я. – Нельзя ли без этого? Ты мне испортила всю постель. Как я лягу?

– Воды! – капризно крикнула она.

– Обойдешься и так! Вон вода ручьями течет с постели. Как не стыдно, право.

Действительно, одеяло и подушка были мокрые, хоть выжми, и вода при каждом движении пленницы хлюпала в постели.

– Воды!!

– А чтоб тебя, – прошептал я. – На воду. Мокни! Только уж извини, голубушка... Я рядом с тобой не лягу... Мне вовсе не интересно схватить насморк.

Второй ковш воды успокоил ее. Она улыбнулась, кивнула мне головой и начала шарить в зеленых волосах своими прекрасными круглыми руками.

– Что вы ищете? – спросил я.

Но она уже нашла – гребень. Это был просто обломок рыбьего хребта с костями в виде зубьев гребня, причем на этих зубьях кое-где рыбье мясо еще не было объедено.

– Неужели ты будешь причесываться этой дрянью? – поморщился я.

Она промолчала и стала причесываться, напевая тихую, жалобную песенку.

Я долго сидел у ее хвоста, слушая странную, тягучую мелодию без слов, потом встал и сказал:

– Песенка хорошая, но мне пора спать. Спокойной ночи.

Лежа навзничь, она смотрела своими печальными глазами в потолок, а ее губки продолжали тянуть одну и ту же несложную мелодию.

Я лег в углу на разостланном пальто и пролежал так с полчаса с открытыми глазами. Она все пела.

– Замолчи же, милая, – ласково сказал я. – Довольно. Мне спать хочется. Попела – и будет.

Она тянула, будто не слыша моей просьбы. Это делалось скучным.

– Замолчишь ли ты, черт возьми?! – вскипел я. – Что это за безобразие?! Покоя от тебя нет!!

Услышав мой крик, она обернулась, посмотрела на меня внимательно испуганными глазами и вдруг крикнула своими коралловыми губками:

– Куда тащишь, черт лысый, Михеич? Держи влево! Ох, дьявол! Опять сеть порвал!

Я ахнул:

– Это что такое? Откуда это?!

Ее коралловые губки продолжали без всякого смысла:

– Лаврушка, черт! Это ты водку вылопал? Тебе не рыбачить, а сундуки взламывать, песокаянный...

Очевидно, это был весь лексикон слов, которые она выучила, подслушав у рыбаков.

Долго она еще выкрикивала разные упреки неизвестному мне Лаврушке, перемежая это приказаниями и нецензурными рыбацкими ругательствами.

Забылся я сном лишь перед рассветом.

Яркое солнце разбудило меня. Я лежал на разостланном пальто, а в кровати спала моя пленница, разметав руки, которые при дневном свете оказались тоже зеленоватыми. Волосы были светло-зеленые, похожие на водоросли, и так как влага на них высохла, пряди их стали ломаться. Кожа, которая была в воде такой гладкой и нежной, теперь стала шероховатой, сморщенной. Грудь тяжело дышала, а хвост колотился о спинку кровати так сильно, что чешуя летела клочьями.

Услышав шум моих шагов, пленница открыла зеленые глаза и прохрипела огрубевшим голосом:

– Воды! Воды, проклятый Лаврушка, чтобы ты подох! Нету на тебя пропасти!

Поморщившись, я пошел на реку за водой, принес ковш, и, только войдя в комнату, почувствовал, как тяжел и удушлив воздух в комнате: едкий рыбный запах, казалось, пропитал все...

Хрипло бормоча что-то, она стала окачиваться водой, а я сел на пальто и стал размышлять, хорошо ли, что я связался с этим нелепым существом: она ела рыбу, как щука, орала всю ночь нецензурные слова, как матрос, от нее несло рыбой, как от рыночной селедочницы.

– Знаете что... – нерешительно сказал я, подходя к ней. – Не лучше ли вам на реку обратно... а? Идите себе с Богом. И вам лучше, и мне покойнее.

– Тащи невод, Лаврушка! – крикнула она. – Если веревка лопнет – уши оборву!

– Ну и словечки, – укоризненно сказал я. – Будто пьяный мужик. Ну... довольно-с!

Преодолевая отвращение от сильного рыбного запаха, я взял ее на руки, потащил к реке и, бросив на песок, столкнул в воду. Она мелькнула в последний раз своими противными зелеными волосами и скрылась. Больше я ее не видел.

* * *

История с русалкой была выслушана в полном молчании.

Кранц поднялся и стал искать шапку. Собрался уходить и Дерягин.

– А вы куда? – спросил он поэта Пеликанова. – На реку?

– Пожалуй, я пойду домой, – нерешительно сказал поэт. – Нынче что-то сыровато...

Руководство для лентяев

– Заказное письмо – штука опасная, а с простым я всегда справлюсь.

– Как же ты справишься?

– А это смотря по тому: если мне его посылают или если я?

– Ну, если ты?

– Ага... Видишь ли: я его совсем не посылаю. Ты ведь знаешь – нет ничего труднее, как написать письмо. Ты можешь несколько часов потерять на чтение глупейшей книжонки, можешь ночь проиграть в шахматы; наконец, можешь просто, сидя в кресле и уставившись бессмысленным взором в ковер, размышлять целый час – есть ли рифма к слову «барышня»? Но у тебя никогда не найдется двадцати минут, чтобы ответить на письмо. В манере отвечать на письма есть какая-то особая психология: получив письмо, ты думаешь: «Эге, уж на это-то письмо я отвечу. Обязательно нужно немедля написать!» И вот, если ты не присел сейчас же, сию минуту, сию секунду к письменному столу – ты на это письмо *никогда* не ответишь. Никогда! Конечно, тебе и в голову не придет – отвечать в ту же минуту... Ты думаешь: «успеется завтра!» И кладешь письмо в боковой карман, где уже лежат несколько сиротливых «безответных» писем, края которых истерлись и бумага на сгибах разваливается. «Положу, – думаешь ты, – поближе, чтобы завтра вспомнить». Но у «завтра» есть свой рок. У всякого «завтра» есть свое «завтра» – такое уютное, спокойное, отодвигающее на один день проклятую каторжную работу писания ответа на письмо. Проходит три-четыре «завтра», и тебя начинают грызть упреки совести. Они могут тебя грызть, как тигры, но письма ты все-таки не напишешь. Почему? Какое проклятие сидит в этом правиле? Постепенно ты начинаешь ненавидеть письмо, которое причиняет такие муки твоей совести... Перебирая завалывшуюся в кармане пачку, перемешанную со сбившимися в комок шерстинками твоего суконного пиджака, ты думаешь: «Отвечать на это проклятое письмо уже поздно... Выброшу-ка я его, чтобы оно не смущало моей душеньки». Письмо вместе с другими, уже отслужившими свою странную службу – мучить адресата укорами совести, – выбрасывается, и пустой карман пиджака жадно раскрывает свою пасть для новой серии безответных писем.

– Как же ты оправдываешься перед человеком, пославшим письмо?

– Заказное или простое?

– Все равно...

– Э, нет! Тут целая пропасть. Заказное письмо – вещь предательская, пославший его всегда спокоен, если у него в кармане имеется расписка. Правда, расписки эти иногда теряются, но на это рассчитывать рискованно. А тут еще завели моду посылать важные письма с обратными расписками. От такого письма никак не отопрешься.

– А от простого?

– Сколько угодно. Встречаешься ты спустя три-четыре месяца со своим корреспондентом. Развязно радуешься: «А, здравствуйте! Как поживаете? Что это о вас ни слуху ни духу?» Он смотрит на тебя с негодованием и сурово говорит: «Свинья вы, свинья! Я вам три письма послал и хоть бы на одно был ответ! Простая вежливость должна бы...» Ты моментально делаешь лицо человека, не могущего в себя прийти от изумления и ужаса: «Вы?! Мне?! Три письма?!» – «Да-с. Я. Вам. Три письма». Тут требуется, чтобы в голосе твоём дрожала обида: «Слушайте... Вы, конечно, знаете, как я люблю своего покойного отца. Так вот – клянусь вам его жизнью, что ни одного вашего письма не получал!» – «Но этого не может быть! – говорит пораженный протак. – Я ведь три письма послал!..» Горькая улыбка старого либерала искажает твои черты: «Ах, русский почтамт... Вы же знаете... Разве на него можно положиться. Вообще, наш режим...» Яд сомнения уже влит в его душу. Он думает: «Черт его знает – может быть, в самом деле, на почте крадут. Человек отцом клянется, что не получал, да и физионо-

мия у него честная». Лед сломан... Вы дружески садитесь на диван и принимаетесь взапуски ругать русские почтовые порядки.

– Ну, да. Это понятно. Ну а как же ты поступаешь, если тебе не ответ нужно было кому-нибудь написать, а просто этакое какое-нибудь важное извещение или справки, которые ты клятвенно обещал выслать уезжающему человеку через три дня.

– Как я поступаю? Я собираюсь их ему выслать, потому что я честный человек и люблю держать слово... Но в первый день я не высылаю, потому что есть второй и третий день, на второй день у меня есть в запасе третий, третий распадается на утро, день и вечер, а вечер распадается, в свою очередь, на две части: когда еще можно послать письмо, но я не успеваю, и когда уже нельзя послать письмо, – и я его поэтому не посылаю. Вот почему мой адресат не получает письма.

– Понимаю; когда он возвращается из поездки, ты начинаешь прятаться, избегать встречи...

– Наоборот! Я еду прямо к нему и, смело глядя ему в глаза, первым долгом бросаю саркастическое: «Нечего сказать! Хорошо... Очень хорошо!» Конечно, он уже приготовился обрушиться на меня целой тучей упреков и брани, но мой тон сбивает его с толку. «В чем дело, – беспокойно говорит он, – что такое «хорошо»? – «Да вы-то... Хоть бы открыточку забросили мне с благодарностью за исполненное поручение...» Негодованию его нет пределов. «Вам? Благодарность? За то, что вы проманежили меня зря несколько дней, справок не выслали, данных не сообщили и вообще подвели меня самым жестоким образом?» Тут уж вскипаю и я: «Как? Вы осмелитесь утверждать, что не получили моего письма с подробными справками? Голубенького конверта в четверть листа с письмом, написанным на бумаге, окаймленной сиреневым бордюром? Еще у меня не было семикопеечной марки и я наклеил несколько копеечных...» Эти подробности ошеломляют его: «Вы говорите, голубенький конверт и копеечные марки?..» – «Ну да. Желтенькие такие. Зубчики по краям». Бьете себя в грудь. «Ну, ей-богу же, не получал! Честное слово». Я немного успокаиваюсь: «Вы даете честное слово, что не получали?» – «Даю!» – «В таком случае, ничего не понимаю. Сам написал, отнес, не доверяя прислуге, и опустил в почтовый ящик. Еще желтые такие ящики... Правда?» – «Ну да, желтые», – устало говорит он. «Ну, вот видите! Ох, эта наша российская почта! Вот оно, всеобщее разгильдяйство и неуважение к чужой собственности. Вы подумайте: из-за того, что какой-нибудь там почтальон, зайдя в трактир, забыл под столом сумку с письмами, – я должен волноваться, подозревать вас в том, что вы скрыли из каких-то целей получение письма... Прямо холодный ужас!..» После этого ему уже не до укоров и нападок на меня – впору хоть самому оправдаться и извиниться передо мной.

– Гм... да! Я вижу, это целая наука. И ты со всеми письмами так делаешь?

– Увы!

– Вот оно что! Теперь я понимаю, куда пропало письмо, которое ты, по твоим словам, писал мне в прошлом году.

– Ей-богу, писал! Уж тебе-то я, брат, написал. Я честный человек и даром честного слова не дам. Других – это верно, надувал, но тебе как раз написал. И если уж оно пропало, то в этом не в шутку, а самым серьезным образом виновата почта. Правда, это было не год тому назад, а четырнадцать месяцев. Еще, помню, бумага не подходила к конверту и пришлось край бумаги срезать. Да вот тебе смешная подробность, которая до сих пор у меня в памяти: срезывая край бумаги, я отрезал и несколько слов письма, так что получилась курьезная фраза: «Прижимаю тебя»... а «к груди» – отрезано. Хи-хи. И еще помню, чтобы подшутить над тобой, я в адресе на конверте написал: «Его превосходительству». Нет уж, это письмо, брат, верное. Обещал написать и написал.

Человек, упрекавший своего друга в том, что он обманул его, как и других, с помощью своей системы, посмотрел на этого друга, улыбнулся и сказал:

– Ну, успокойся. Ты мне никакого письма не обещал написать год тому назад и о пропаже его мне не говорил. Я это сейчас только придумал...

Ложное самолюбие

– Вы г. А?

– Да. Чем могу быть полезен?

– Я представитель фирмы «Дирк и Голлинс». Конечно, слышали?

Конечно, я не слышал. Но терпеть не могу признаваться в подобных вещах. Наоборот, в таких случаях моя система – полная осведомленность.

– А-а... Как же! Как же!! Ну, как поживает старина Дирк? Попрыгивает?

– О, его уже нет и на свете. Двадцать лет тому назад умер.

– Ну, что вы! Воображаю, как круто приходится теперь несчастному Голлинсу... Наверное, от былой жизнерадостности не осталось и следа?

– Никакого следа, совершенно верно. Двадцать четыре года тому назад он скончался, г. Голлинс.

Я был раздосадован.

– Э, черт возьми! Что же тогда осталось от этой знаменитой фирмы?! От «Дирка и Голлинса»? Вероятно, один только союз «и»...

– Осталась фирма, – внушительно сказал посетитель.

Это был худощавый детина с синими вялыми щеками и такими редкими волосами на голове, что голова эта напоминала подушку для булавок. Глаза его были сухи, руки сухи и обращение сухо-деловое. Нельзя было представить себе этого человека пляшущим, обнимающим женщину или играющим в лапту.

Сюртук висел на его плечах угрюмо-деловыми складками.

– Какое же вы ко мне имеете дело?

Он склонил набок свою розовую подушку для булавок и сказал, пережевывая губами какое-то таинственное съестное:

– Я хочу предложить вам приобрести у нас ротационную машину¹.

– Вот как! – удивился я. – Что же вас натолкнуло на эту мысль?

– Как что? Вы печатаете несколько журналов, у вас издательство – вам стыдно не иметь ротационной машины!

Вчера один лошадиный барышник при помощи этих же самых доводов убеждал меня купить пару лошадей:

– У вас несколько журналов, вы имеете издательство – вам стыдно не иметь лошадей.

Но вчерашнее предложение было ясно – мне предлагали лошадей, я от лошадей отказался. Отказался от известных мне домашних животных, четвероногих, однокопытных, служащих человеку для перевозки тяжестей и для катанья. Я знал, что делал.

«Ротационная машина» – я был в совершенном недоумении, – что это за машина и для каких целей служит она человечеству?

– Да... – сказал я. – Я уже давно подумывал об этой машине, но меня берет сомнение: удастся ли мне получить машину хорошего качества?

– Лучше наших машин не найдете!

– Ах, господи! – печально возразил я. – Это все так говорят... А доведись до дела – с этой машиной наплачешься.

– Помилуйте! У нас модель 1902 года!

Я умилился.

¹ Ротационной машиной называется большая скоропечатная типографская машина, дающая около 5000–6000 оттисков в час. Употребляется для газет и больших журналов, имеющих высокий тираж. Бумага наматывается на громадные катушки и идет в машину непрерывной лентой. – *Примеч. ментрантажа.*

- Совсем молоденькая. А как размер... большая она?
- Помилуйте – обыкновенная.
- Так, так...

Я встал, подошел к шкафу, в котором лежал энциклопедический словарь, и стал шарить «рот». «Рот» не было. Сам же я на днях и стащил домой «рот» для выяснения спора с женой о происхождении Ротшильдов.

Вернувшись к столу, я сказал:

– Не изложите ли вы мне преимущества вашего... вашей этой машины. Какова, например, ее работа?

- То есть в час?
- Ну да, в час. Не в год же, в самом деле.
- Она делает в час около 5000.

Меня тянуло спросить: «чего?» – но я не спросил из присущего всем нам ложного самолюбия.

«Не служит ли эта проклятая машина для катанья? – пришло мне в голову. – Вероятно так, если она делает в час столько-то».

Я солидно сказал:

– Вы говорите, что ваша машина делает в час около 5000. Цифра порядочная. Но это – во всякую погоду?

– Помилуйте, – пожал плечами представитель «Дирка и Голлинса». – Вы преувеличенного мнения о нежности наших машин. Погода для нее абсолютно безразлична.

– Вы говорите, она делает 5000 в час в любую погоду. И это при любой дороге?

Ужас и изумление отпечатлелись на его деловом лице. Мне даже показалось, что редкие волосы на его голове, похожие на булавки, воткнутые в подушку, зашевелились.

– Любая дорога? О какой дороге вы толкуете?

– Может быть, я не совсем по-русски выразился, – развязно возразил я. – Мне бы следовало вместо «дороги» сказать «пути». Она дает эти 5000 при любом пути эксплуатации, избранном ее владельцем?

Посетитель, казалось мне, стал терять равновесие.

– При чем тут «любой путь». Я думаю, для ротационной машины путь один! Не будете же вы на ней шить себе платье или рубить котлеты.

(Слава богу! По крайней мере, теперь я знаю, что таинственная машина не предназначена ни для рубки котлет, ни для портняжных работ.)

– Ну-с... Что же вы еще желаете узнать о нашей машине?

Я барахтался в океане растерянности и недоумения. Я тонул и, как всякий утопающий, схватился за первое, что мне пришло в голову.

– Сколько человек она может выдержать? – в отчаянии крикнул я.

– Вы странный покупатель. Никто из наших прежних покупателей не интересовался ротационной машиной с этой стороны.

– Конечно, – язвительно рассмеялся я. – Ваши предыдущие покупатели принадлежали, вероятно, к тому сорту людей, который покупает кота в мешке. Я не таков, милостивый государь. Я спрашиваю: скольких людей ваша машина выдерживает?

– Но, бог мой! – отчаянно вращая глазами, вскричал представитель машин. – Не будете же вы с вашими друзьями ездить на ротационной машине?

– И не думал, – обидчиво сказал я. – Если я в своем выражении допустил некоторую неточность, красивую аллегорию...

– Виноват, может быть, вы хотите спросить – скольких людей требует наша машина?

– Ну да, конечно! Хотя это не совсем точно, – срезал я его. – Машина не может «требовать».

– Ну, другими словами, за ней требуется уход трех-четыре человек.

– Тремя обойдусь! – нахально заявил я. – Только меня одно смущает: нет ли в вашей машине таких дефектов, которые лишали бы возможности быть ею довольным.

– Вы говорите о ленте? Будьте покойны, главное достоинство наших машин – они почти не рвут ленты.

Я мог перечислить в тот момент десятки предметов, которые во всю мою жизнь не перервали ни одной ленты – и никто не ставил им этого в особую заслугу. Стоило только креслу, или этажерке, или телефонному аппарату не перервать ни одной ленты – и мой собеседник отзывался бы о поведении этих бездушных предметов восторженно. Не было ничего легче, как заслужить расположение этого человека!..

– «Почти», – критически сощурил я глаз. – Почти!.. Мне нужно, чтобы лента совсем не рвалась.

Он развел руками.

– Этого вы не достигнете! Это недостижимый идеал!

– К идеалам, молодой человек, нужно стремиться, – нравоучительно сказал я.

– Наша фирма и стремится. Например, что вы на это скажете: наша машина дает сразу двухцветную форму!

– Кому дает? – бестолково спросил я.

– Вам же! А то кому еще.

Этот ответ окончательно сокрушил меня. Как! Мне предлагают машину, которая должна дать мне какую-то особую форму, да еще двухцветную. Пусть это будет гимнастический аппарат!.. Но почему он дает двухцветную форму? И притом – сразу! Впрочем, аппарат, делающий 5000 в час... От него можно всего ожидать.

– Вы полагаете, – спросил я, колеблясь, – что я особенно гонюсь за двухцветной формой?

– Конечно, полагаю. К этому все стремятся.

– Да? Представьте себе, что я к этому равнодушен. Милосердный Господь создал нас по образу и по подобию своему, и мы должны такими же и оставаться. Я предпочитаю развивать и совершенствовать свои умственные богатства, а не грубую животную силу!

– Пожалуйста! – раздражительно сказал он, пожевывая губами невидимую пищу. – Но предупреждаю вас – на плоских машинах² далеко не уедете.

– Я вас не пойму, – развел я руками, пораженный. – То вы сомневаетесь, чтобы я мог с друзьями ездить на ротационной машине, а то утверждаете, что на плоских машинах далеко не уедешь. На чем же мне тогда ездить?

– Это дело вашего личного вкуса!.. Но я вижу, что ротационная машина вам не нужна. Прощайте!

– А разве я утверждал противное, – возразил я с тонкой улыбкой. – Всего хорошего. Так старик Дирк отправился к праотцам? Досадно, досадно!

В дверях представитель машин остановился... Обернулся ко мне и сказал:

– Не предложить ли вам хорошенькую «американку»?³

Я вспыхнул до корней волос и принужденно засмеялся.

– Кого?

– «Американку»! Очень хорошая «американка». Вы ее работой будете довольны. Попробуйте, не понравится – заберу обратно.

– Вы и этим делом занимаетесь? – проворчал я, с омерзением глядя на этого разнузданного человека. – Нечего сказать – нравы!

² Плоская машина – обычный тип типографской иллюстрационной машины.

³ «Американка» – маленькая типографская машина для мелких работ – визитных карточек, обложек и пр. – *Примеч. метрпатажа.*

– Что? Может быть, у вас уже есть «американка»? Может быть, и не одна?

– Прощайте, – грубо сказал я. – У меня есть жена, милостивый государь! Нам с вами не о чем больше разговаривать!

Я проклиная свое ложное самолюбие, которое отравляет мне жизнь. Что стоило бы сразу спросить у моего гостя – какой тип гимнастической машины он называет ротационной машиной?.. Тогда не пропал бы у меня час прекрасного рабочего времени, в течение которого можно было бы написать какую-нибудь действительно хорошую вещь...

Душа общества

Когда вошел в столовую маленький Жорж, супруги очень обрадовались.

– Жоржик! – воскликнул Балтахин. – Душа общества! Очень рад вас видеть...

– Миленький Жоржик! – захлопала в ладоши Елена Ивановна. – Вот-то прелесть, что вы пришли...

Неизвестно почему Балтахин назвал Жоржа душой общества... Наоборот, Жоржик был маленький скромный человек, с вечно потупленным взором и застенчивостью в движениях. Весь он был эластичный, мягкий, деликатный, и, если на румяных устах его появлялась изредка улыбка, он сейчас же и гасил ее, пряча в нависших ярко-рыжих усах.

Его все любили за эту мягкость и деликатность.

Он уселся за стол, придвинул к себе стакан чаю, благожелательно взглянул из-под опущенных век на супругов Балтахиных.

– Вот, Жоржик, – сказал Балтахин. – Мы сейчас беседовали с Леной. Она говорит, что я ревнив, а я утверждаю, что не ревнив. Представьте, ее не переспоришь.

– Ай-я-яй, – покачал головой Жоржик. – Как же это так, Елена Ивановна? Неужели вас не переспорить?

– Да ведь мне же скорей со стороны видно – ревнив он или не ревнив, – засмеялась Елена Ивановна.

– Положим, это верно, – мягко сказал Жоржик. – Действительно, со стороны виднее...

– Со стороны? Да позвольте... Если я в себе чувствую отсутствие ревности, если ее нет – вот, понимаете, – нет! Хоть ты что хочешь делай – нет ее, да и только... Как же меня хотят убедить в таком случае, что она есть?

– Да, – сказал Жоржик, обращаясь к Елене Ивановне. – Как же так можно убеждать человека?

– Он просто не отдает себе отчета!

– Да что вы! Это нехорошо. Разве можно не отдавать себе отчета?

– Кто, я? Я не отдаю себе отчета?

– Можно, – сказала Елена Ивановна.

Жоржик подтвердил:

– Можно.

Балтахин пожал плечами.

– Какая чепуха! Это все равно, если бы у меня не болел зуб, а ты бы стала уверять, что у меня зуб болит... Это ведь одно и то же...

– Конечно, одно и то же, – кивнул головой Жоржик.

– Ну, так вот... Значит, вы, Жоржик, согласны со мной, что ревность, как чувство субъективное, скорее всего может чувствоваться мною – ревнующим или неревнующим, – чем другими...

– Понятно, – задумчиво сказал Жоржик. – Это ясно как день.

– Да ведь он, – обратилась Балтахина к Жоржику, – может думать, что ничего не чувствует, а на самом деле в глубине души будет раздираем муками ревности.

– Да что вы? – покачал головой Жоржик. – Неужели он такой?

– Уверяю вас – такой.

– Это нехорошо, – огорчился Жоржик.

– Ну вот поговорите с этой женщиной, – воскликнул Балтахин. – Она больше меня знает: раздирает меня внутри что-нибудь или нет?..

– В самом деле, – сказал Жоржик. – Откуда вы можете это знать?

– Ах! – нетерпеливо махнул рукой Балтахин. – Женщина всегда останется женщиной!

- Да уж... это так. Эти женщины – действительно... женская логика.
- Ну вот! Ты видишь – почему же Жоржик меня понимает, а ты не можешь понять?..
- Почему? – воскликнула обиженная немного жена. – Да потому, что я тебя уже давно раскусила.
- Ага! – сказал Жоржик. – Значит, вас раскусили? Ишь ты... Его раскусили, а он сидит как ни в чем не бывало.
- Ты? Ты?! Меня раскусила? – воскликнул разгоряченный Балтахин. – Ну, знаешь ли...
- Да уж, знаете ли, – возмущенно вздернул плечами Жоржик. – Это действительно...
- Ты?! Меня?!
- Пожалуйста, без патетических восклицаний... Да! Я тебя раскусила. Ха-ха... Подумаешь, какая загадочная натура... Почему же в таком случае ты не отпустил меня на лето в имение к Кандауровым?
- А-а, батенька, – воскликнул Жоржик. – Так вот оно что? Значит, вы ее не отпустили к Кандауровым?
- Да... представьте себе, Жоржик... Я уверена – он не отпустил меня потому, что туда съезжается на лето много молодежи, студентов. Как вам это нравится?
- Возмутительно, – вздернул плечами Жоржик.
- Ну, скажите вы, человек беспристрастный! Если бы вы были женаты, как он, неужели вы бы не отпустили меня на лето куда-нибудь?
- Что вы! – сказал Жоржик. – За кого вы меня считаете. Конечно бы отпустил.
- Вот вы и поговорите с ней! – стукнул кулаком по столу Балтахин. – Она уверена, что я не отпустил ее, потому что *ревнюю* к каким-то молокососам?! Как вам это понравится?
- Кому же это может понравиться? – сочувственно сказал Жоржик. – Нравиться тут нечему.
- Ага! Вот видишь... Это в твоей голове, может быть, студенты занимают какое-нибудь место, а я, матушка моя, человек серьезный!
- Глупо! – раздраженно сказала жена. – Не забывай, что ты говоришь при постороннем человеке.
- Да, действительно... – сказал Жоржик. – Такие вещи при постороннем немножко не того.
- Ну, Жоржик, знаете, если я вижу человека, который говорит идиотские абсурды, – я и при постороннем замечу ему это...
- Спасибо за комплимент, – злобно вскричала Елена Ивановна. – Заслужила... Стоило выходить за такого человека замуж, отдавать ему жизнь...
- А в самом деле? – спросил Жоржик, оживляясь. – Зачем вы это сделали? Охота была...
- Да уж спросите... Клялся меня на руках носить, под золотым колпаком держать...
- Вот тебе... – меланхолично прошептал Жоржик. – То клялся и то и другое сделать, а потом обманул... Ох эти мужья...
- Выслушайте меня, Жоржик, – крикнул муж, цепляясь за его руки. – Ради бога... Вы должны меня понять. Она, эта вот женщина, говорит, что я клялся на руках ее носить... Да! Может быть, это и было... Но если человек мечтал носить на руках всю жизнь любимое существо, а у него потом на руках оказался мешок с отрубями, как он должен поступить?
- Ясное дело – как, – мужественно, не колеблясь, сказал Жоржик.
- Если я мешок с отрубями, – захлебываясь от слез вскричала жена, – то что же ты такое?! Что он такое, Жоржик?
- Он? – презрительно взглянув на мужа, переспросил Жоржик.
- Да, он... Мужчина... Рыцарь! Способны были бы вы, Жоржик, даже не любя женщину, назвать ее мешком с отрубями?..
- Что вы, что вы!

– А способны были бы вы, Жоржик, – воскликнул Балтахин, – жить бок о бок с нелепой женщиной и выслушивать ежедневно ее благоглупости?..

– Трудновато... – ответил Жоржик. – Это уж, знаете, нужно ангельское терпение...

– Ты вот как говоришь? – сверкая глазами и дрожа от возмущения, воскликнула жена. – Почему же ты в таком случае не разведешься со мной?

– А в самом деле, Владимир Васильич?.. Почему бы...

– Ты спрашиваешь, почему я с тобой не разведусь? Ты меня спрашиваешь – почему? Как вам, Жоржик, понравится этот вопрос?

– Да уж... вопросец...

Жена ударила кулаком по сухарнице.

– А я тебе скажу, почему ты со мной не разведешься... Потому, что через полчаса по уходе Жоржика будешь валяться у меня в ногах и просить прощения!..

– Неужели вы это сделаете? – изумился Жоржик.

– Конечно, сделает! Будет уверять в своей любви, плакать, говорить, что жить без меня не может...

– Однако... поступочки, – пожал плечами Жоржик.

– Што-сс? И вы серьезно думаете, Жоржик, что я это сделаю? Так я тебе скажу, кто ты такая: ты психопатка, больная манией величия!! Неужели вы этого не замечаете?

– Подлец! – крикнула жена и, закрыв лицо носовым платком, выбежала в другую комнату.

– Да... – сказал Жоржик. – Действительно, ваше положение тяжелое. Ну, я пойду домой.

До свиданья.

– Всего хорошего, Жоржик. Заходите... Я так рад видеть вас.

– Жо-о-оржик! – донесся из другой комнаты голос Елены Ивановны. – Идите-ка сюда.

– Что прикажете? – спросил Жоржик, входя к ней.

– Ну, Жоржик? Как вы назовете эту жизнь?

– Да как же: ад!

– Можно ужиться с этим слабоумным ипохондриком?

– Ну, уж знаете – это трудно. Не очень-то уживешься тут.

– Могли бы вы поступить так с женой?

– Что вы, что вы, – возразил Жоржик. – Разве можно? Ну, я пойду. Посидел, попил чайку – и баста.

– Заходите, Жоржик! Ради бога. Я так рада вас видеть!!! Вы такой... хороший! Такой сердечный... Вы так откликаетесь.

Слепцы

Посвящается А.Я. Садовской

I

Королевский сад в эту пору дня был открыт, и молодой писатель Аве беспрепятственно вошел туда. Побродив немного по песчаным дорожкам, он лениво опустился на скамью, на которой уже сидел пожилой господин с приветливым лицом.

Пожилой приветливый господин обернулся к Аве и после некоторого колебания спросил:

– Кто вы такой?

– Я? Аве. Писатель.

– Хорошая профессия, – одобрительно улыбнулся незнакомец. – Интересная и почетная.

– А вы кто? – спросил простодушный Аве.

– Я-то? Да король.

– Этой страны?

– Конечно. А то какой же...

В свою очередь, Аве сказал не менее благожелательно:

– Тоже хорошая профессия. Интересная и почетная.

– Ох, и не говорите, – вздохнул король. – Почетная-то она почетная, но интересного в ней ничего нет. Нужно вам сказать, молодой человек, королевствование не такой мед, как многие думают.

Аве всплеснул руками и изумленно вскричал:

– Это даже удивительно! Я не встречал ни одного человека, который был бы доволен своей судьбой.

– А вы довольны? – иронически прищурился король.

– Не совсем. Иногда какой-нибудь критик так выругает, что плакать хочется.

– Вот видите! Для вас существует не более десятка-другого критиков, а у меня критиков миллионы.

– Я бы на вашем месте не боялся никакой критики, – возразил задумчиво Аве и, качнув головой, добавил с осанкой выдавшего вида опытного короля: – Вся штука в том, чтобы сочинять хорошие законы.

Король махнул рукой.

– Ничего не выйдет! Все равно никакого толку.

– Пробовали?

– Пробовал.

– Я бы на вашем месте...

– Э, на моем месте! – нервно вскричал старый король. – Я знал многих королей, которые были сносными писателями, но я не знаю ни одного писателя, который был хотя бы третьесортным, последнего разряда, королем. На моем месте... Посадил бы я вас на недельку, посмотрел бы, что из вас выйдет...

– Куда... посадили бы? – осторожно спросил обстоятельный Аве.

– На свое место!

– А! На свое место... Разве это возможно?

– Отчего же! Хотя бы для того это нужно сделать, чтобы нам, королям, поменьше завидовали... чтобы поменьше и потолковее критиковали нас, королей!

Аве скромно сказал:

– Ну что ж... Я, пожалуй, попробую. Только должен предупредить: мне это случается делать впервые, и если я с непривычки покажусь вам немного... гм... смешным – не осуждайте меня.

– Ничего, – добродушно улыбнулся король. – Не думаю, чтобы за неделю вы наделали особенно много глупостей... Итак – хотите?

– Попробую. Кстати, у меня есть в голове один небольшой, но очень симпатичный закон. Сегодня бы его можно и обнародовать.

– С Богом! – кивнул головой король. – Пойдемте во дворец. А для меня, кстати, это будет неделькой отдыха. Какой же это закон? Не секрет?

– Сегодня, проходя по улице, я видел слепого старика... Он шел, ощупывая руками и палкой дома, и ежеминутно рисковал попасть под колеса экипажей. И никому не было до него дела... Я хотел бы издать закон, по которому в слепых прохожих должна принимать участие городская полиция. Полисмен, заметив идущего слепца, обязан взять его за руки и заботливо проводить до дому, охраняя от экипажей, ям и рытвин. Нравится вам мой закон?

– Вы добрый парень, – устало улыбнулся король. – Да поможет вам Бог. А я пойду спать. – И, уходя, загадочно добавил:

– Бедные слепцы...

II

Уже три дня королевствовал скромный писатель Аве. Нужно отдать ему справедливость – он не пользовался своей властью и преимуществом своего положения. Всякий другой человек на его месте засадил бы критиков и других писателей в тюрьму, а народонаселение обязал бы покупать только свои книги – и не менее одной книги в день, на каждую душу, вместо утренних булок.

Аве поборол соблазн издать такой закон. Дебютировал он, как и обещал королю, «законом о провозании полисменами слепцов и об охране их сих последних от разрушительного действия внешних сил, как-то: экипажи, лошади, ямы и проч.».

Однажды (это было на четвертый день утром) Аве стоял в своем королевском кабинете у окна и рассеянно смотрел на улицу.

Неожиданно внимание его было привлечено страшным зрелищем: два полисмена тащили за шиворот прохожего, а третий пинками ноги подгонял его сзади.

С юношеским проворством выбежал Аве из кабинета, слетел с лестницы и через минуту очутился на улице.

– Куда вы его тащите? За что бьете? Что сделал этот человек? Скольких человек он убил?

– Ничего он не сделал, – отвечал полисмен.

– За что же вы его и куда гоните?

– Да ведь он, ваша милость, слепой. Мы его по закону в участок и волокем.

– По за-ко-ну? Неужели есть такой закон?

– А как же! Три дня тому назад обнародован и вступил в силу.

Аве, потрясенный, схватился за голову и взвизгнул:

– Мой закон?!

Сзади какой-то солидный прохожий пробормотал проклятие и сказал:

– Ну и законы нынче издаются! О чем они только думают? Чего хотят?

– Да уж, – поддержал другой голос, – умный закончик: «Всякого замеченного на улице слепца хватать за шиворот и тащить в участок, награждая по дороге пинками и колотушками». Очень умно! Чрезвычайно добросердечно!! Изумительная заботливость!!

Как вихрь влетел Аве в свой королевский кабинет и крикнул:

– Министра сюда! Разыщите его и сейчас же пригласите в кабинет!! Я должен сам расследовать дело!

III

По расследовании, загадочный случай с законом «Об охране слепцов от внешних сил» разъяснился. Дело обстояло так.

В первый день своего королевствования Ave призвал министра и сказал ему:

– Нужно издать закон «о заботливом отношении полисменов к прохожим слепцам, о провожании их домой и об охране сих последних от разрушительного действия внешних сил, как-то: экипажи, лошади, ямы и проч.».

Министр поклонился и вышел. Сейчас же вызвал к себе начальника города и сказал ему:

– Объявите закон: не допускать слепцов ходить по улицам без провожатых, а если таких нет, то заменять их полисменами, на обязанности которых должна лежать доставка по месту назначения.

Выйдя от министра, начальник города пригласил к себе начальника полиции и распорядился:

– Там слепцы по городу, говорят, ходят без провожатых. Этого не допускать! Пусть ваши полисмены берут одиноких слепцов за руку и ведут куда надо.

– Слушаю-с.

Начальник полиции созвал в тот же день начальников частей и сказал им:

– Вот что, господа. Нам сообщили о новом законе, по которому всякий слепец, замеченный в шатании по улице без провожатого, забирается полицией и доставляется куда следует. Поняли?

– Так точно, господин начальник!

Начальники частей разъехались по своим местам и, созвав полицейских сержантов, сказали:

– Господа! Разъясните полисменам новый закон: «Всякого слепца, который шатается без толку по улице, мешая экипажному и пешему движению, хватать и тащить куда следует».

– Что значит «куда следует»? – спрашивали потом сержанты друг у друга.

– Вероятно, в участок. На выsidку... Куда ж еще...

– Наверно, так.

– Ребята! – говорили сержанты, обходя полисменов. – Если вами будут замечены слепцы, бродящие по улицам, хватайте этих каналий за шиворот и волоките в участок!

– А если они не захотят идти в участок?

– Как не захотят? Пара хороших подзатыльников, затрещина, крепкий пинок сзади – небось побегут!..

Выяснив дело «Об охране слепцов от внешних влияний», Ave сел за свой роскошный королевский стол и заплакал.

Чья-то рука ласково легла ему на голову.

– Ну что? Не сказал ли я, узнав впервые о законе «охранения слепцов»: «Бедные слепцы!» Видите! Во всей этой истории бедные слепцы проиграли, а я выиграл.

– Что вы выиграли? – спросил Ave, отыскивая свою шапку.

– Да как же? Одним моим критиком меньше. Прощайте, милый. Если еще вздумаете провести какую-нибудь реформу – заходите.

«Дождись!» – подумал Ave и, перепрыгивая через десять ступенек роскошной королевской лестницы, убежал.

Я в свете

I

Я спросил:

– Куда ты собрался?

– К одним знакомым. У них званая вечеринка.

– Гм... Досадно. Я пришел провести вечер с тобой.

– Да, жаль. Но ничего не поделаешь. Я уже обещал.

– Что же я теперь буду делать эти несколько часов? – печально спросил я. – Хотел поболтать с тобой... Кто эти твои знакомые?

– Полосухины.

– Полосухины? – обрадовался я. – Скажи, пожалуйста, это не тот ли Полосухин, у которого в прошлом году дача сгорела?

– Да, тот.

– Ну, так как же! Я его знаю! Еще я тогда пожар смотрел и видел этого Полосухина – вот как сейчас тебя вижу... А знаешь что? Не пойти ли нам к Полосухиным вместе?

– Да ведь ты не получал приглашения?

– Ну так что ж такое? Не выгонят же они меня?

– Неудобно.

– Да почему?

– Ну, знаешь... В обществе ведь не принято являться в первый раз в незнакомый дом без приглашения.

– Но ведь я же не один, а с тобой.

– Да и со мной неловко.

– Ну почему?

– В обществе так не принято. Светские люди так не делают.

– Не беспокойся, голубчик, – угрюмо возразил я. – Я не хуже твоего знаю эти все светские штучки, что вот, мол, рыбу нельзя есть ножом и прочее. Но в данном случае все это пустяки – если я не вор, не пьяница, то почему же меня не принять? Что, я не такой же человек, как и ты, что ли?

Плешаков неохотно сказал:

– Как хочешь... Если ты настаиваешь – едем. Только ведь ты в пиджаке. Нужно тебе заехать переодеться.

– Да зачем же? Пиджак почти новенький... А что толку в смокинге?... У другого, может быть, и смокинг есть, да зато портной его день и ночь плачет. Пусть меня судят не по платью, а по моему уму и воспитанию.

– Во всяком случае, – усмехнулся Плешаков, – ты получил довольно оригинальное воспитание...

– Смейся, смейся! Мне хотя не приходилось до сих пор возвращаться в обществе, но во всяком случае я рыбу ножом есть не стану!

Мы сели на извозчика и поехали к Полосухиным. Я предвкушал хороший, веселый вечер и поэтому радовался как ребенок.

Насчет моего первого появления и первых приветствий у меня уже сложилось несколько планов.

Можно, во-первых, сыграть роль чудаковатого парня-рубачи и души нараспашку, игнорирующего светские условности, что придает всем его поступкам странную прелесть. Здесь

допустима небольшая фамильярность, подшучивание над девицами и любезничание с дамами, что должно вызывать общий смех и восклицания: «Ох уж этот Николай Николаич... Для него нет ничего святого! Только попадись ему на язычок!»

Можно также быть печальным, томным, чтобы было видно, что мысли мои витают где-то далеко и весь светский шум не долетает до моих ушей... Или еще можно держать себя очень сдержанно, холодно, но в высшей степени вежливо, как и подобает человеку, явившемуся впервые в дом.

Конечно, в том, другом и третьем случае необходимо соблюдение светских приличий, и одинаковым образом как светскость, так и чудаковатость и меланхоличность должны удерживать меня от употребления ножа при операциях с рыбой и от прочих поступков.

– Ну вот мы и приехали к Полосухиным, – сказал Плешаков, соскакивая с извозчика. – Может, ты раздумал?

– Чего там мне раздумывать, – весело возразил я. – Не звери же они, в самом деле. Не съедят меня. Ты меня только не забудь представить.

Плешаков промолчал, и мы, поднявшись по лестнице, позвонили...

II

После полутемной передней гостиная показалась ослепительной. Я на секунду приостановился, но сейчас же, ободрившись, двинулся вперед.

– Вот это хозяйка, – шепнул мне Плешаков.

– Позвольте представиться! – сказал я, улыбаясь. – Прошу любить да жаловать. Я страшно извиняюсь за немного бестактное, так сказать... Это вторжение очень напоминает человека, который рыбу ест ножом. Впрочем, к чему эти светские условности, не так ли? Ах, сударыня... Все на свете проходит, и через сто лет, вероятно, никого уже из нас не будет на свете...

Тут же я пожалел, что не остановился на какой-нибудь определенной манере держать себя. Начал я «рубахой-парнем», продолжил «светским сдержанным аристократом», а кончил «меланхоликом».

– Ничего, милости просим, – сказала хозяйка. – Неужели вы, однако, такой пессимист, что думаете о смерти?

– Да, – вздохнул я. – Что такое, в сущности, жизнь? Какой-то постоянный двор. Все приходит, уходит. Стоит ли после этого мучиться, страдать...

Лицо хозяйки омрачилось. «Однако, – подумал я. – Пригодна ли меланхоличность для светского вечера, где все должно веселиться?..»

Я надел на себя личину чудака, всеобщего любимца, «рубахи-парня». Прищелкнул пальцами и спросил:

– А где же хозяин сего богоспасаемого домишки?

– Он в карточной комнате.

– А-а, – подмигнул я. – Променял красивую женушку на картишки. Хе-хе. Ох, приударю я за вами – будет он тогда с выигрышем!

– С каким? – бледно улыбнулась хозяйка.

– Кому не везет в любви – везет в картах! А вы будто бы не понимаете? Ох эти женщины!

Я лукаво засмеялся. Лицо хозяйки дома казалось равнодушным. Она отвернулась и посмотрела на какого-то старика, топтавшегося в углу.

«Рубаха-парень» брал свое. Я кивнул головой на старика и сказал:

– Мы как будто во фруктовом саду.

– Почему?

– Да на одном из деревьев уже выросла синяя слива.

Я думал, что она расхохочется, так как нос старика действительно напоминал синюю сливу, но оказалось, что старик приходился ей отцом, и она обиделась.

Пришлось пустить в ход всю свою светскость, чтобы выпутаться из неловкого положения. Я пригласил на помощь «сдержанного аристократа» и сказал:

– Я извиняюсь за эту шутку. Старик мне, откровенно говоря, очень нравится. Кроме того, ведь не написано же у него на лбу, кто он такой.

– Ничего, – сказала хозяйка. – Бывает. Это легко случается, если человек приходит в дом, где он никого не знает.

– Разве он никого не знает? – удивился я.

– Кто?

– Ваш папаша.

– Я говорю не о папаше. Извините, я пойду распорядиться по хозяйству.

«Сдержанный аристократ» поклонился и... сейчас же уступил место «душе нараспашку».

– Господи! Такие прелестные ручки, созданные для ласк, должны хлопотать по хозяйству... Знаете что? Скажу вам откровенно: я познакомился с вами всего несколько минут,

но чувствую себя, как будто знаком десять лет. Ей-богу! Так что вы со мной не стесняйтесь. Хотите, я пойду, помогу вам по хозяйству.

– Что вы! Мне ведь придется заглянуть на кухню...

– Заглянем вместе! Эхма! Ей-богу, нужно быть проще. Вы мною располагайте... Я могу все: ветчину нарезать, бутылки откупорить...

– Да нет, зачем же. Тем более что на кухню нужно проходить мимо детской, а дети спят...

– Как! У вас есть дети, и вы, плутовка этакая, молчите? Да ведь я обожаю детей. Они сразу подружатся с большим дядей. Я им сделаю разные кораблики, бумажные треуголки... Хе-хе! Я сейчас пойду к ним повозиться.

– Извините, но это неудобно. Они уже заснули. Вообще, я думаю, что управлюсь сама...

Она быстро повернулась и ушла. «Рубаха-парень» сжался и, превратившись в «меланхолика», обратился к группе дам, сидевших в углу около пальмы.

Я подошел к ним, опустился на стул и, свесив голову, вздохнул.

– Я вам не помешаю?

Дамы умолкли и взглянули на меня.

Я подпер подбородок рукой и задумался.

Все молчали.

Я провел рукой по волосам, будто отгоняя мучительные мысли, и прошептал:

– Как тяжело!

– Что... тяжело? – спросила участливо одна из дам.

– Это все... Этот блеск и шум... К чему он? В жизни человека на каждом шагу самообман!

Две дамы встали и сказали третьей:

– Пойдем, mesdames. Вы не видели новую картину в кабинете? Пойдем посмотрим.

Я остался с четвертой дамой. Чутье мое подсказывало, что я наделал ряд ложных шагов и поэтому являлась настоятельная необходимость загладить все это...

Выручить должен был «рубаха-парень», но с примесью старческих покровительственных ноток, свойственных пожилому бонвивану, общему любимцу.

– Прыгаете все? – спросил я равнодушно.

– Как... прыгаю?

– Еще не замужем?

– Нет, я девушка.

– А-а... Сердечко-то, наверно, ток-ток делает...

Я засмеялся добрым старческим смешком.

– Женишка вам найти надо. Хе-хе. Буду приходиться детишек нянчить. Да вы не краснейте – мне ведь можно извинить...

– Я замуж не хочу.

– Ах вы, моя козочка! Она не хочет замуж!.. Видели вы такое? Небось, когда этакий, какой-нибудь черноусый паренек прижмет к себе покрепче да поцелует...

– Послушайте! Я не привыкла, чтобы мне так говорили...

– Хе-хе! Глазочки, как мышонки, бегают. Ну да молчу, молчу. Я ведь, мои ангелок, приличия знаю и ничего такого не скажу и не сделаю. Пошутить могу, но уж, например, рыбу с ножа есть не буду!

Читатель, вероятно, заметил, что я уже несколько раз упоминал об этом неумолимом условии, предьявляемом хорошим тоном человеку из общества. Дело в том, что из всего сложного кодекса светских условностей я знал только одну эту условность и, признаться, берег ее до ужина про запас, – чтобы за ужином одним этим приемом исправить все предыдущие ложные и неправильные шаги.

Увидев меня, распоряжающимся рыбой только при помощи вилки, всякий сразу бы понял, что все предыдущие слова и действия были только чудачеством пресыщенного аристократа.

Поэтому я очень обрадовался, когда хозяин вышел из карточной комнаты и пригласил всех к столу.

III

Я сел очень удачно: напротив хозяйки и наискосок от девицы, которая знала меня за добродушного чудаковатого старика.

Я ловил на себе их презрительные, сердитые взгляды и думал: «Ничего, миленькие. Светское воспитание не в том, что я заговорил насчет женихов или там хотел помочь хозяйке по хозяйству! А вот нож для рыбы, хе-хе... Посмотрим, многие ли из вас будут обходиться «без помощи ножа...»

Скажу прямо и откровенно: это был мой единственный ресурс, единственная надежда исправить первое неудачное впечатление, которое я иногда произвожу на людей.

От закуски я отказался и, напустив на себя манеру № 3 (сдержанный аристократизм), стал ожидать рыбы.

После закуски подали какую-то зелень и жареных птиц.

Мой сосед, отставной полковник, спросил меня:

– А вы почему же не кушаете?

– Спасибо, не хочется. Вообще, знаете, эта бурная светская жизнь утомляет...

– Да-а, – сказал полковник.

– И потом, мы, светские люди, прямо-таки окружены условностями. Того нельзя, этого нельзя. Вы знаете, до чего дошла светская изощренность?..

– До чего?

– Немногие это знают, но это верно: вы можете представить, что рыбу теперь едят только одной вилкой...

– Да это уже всем известно! – возразил полковник.

Я тонко улыбнулся.

– Не всем-с. Вот посмотрим-с, когда подадут рыбу.

– Да ее сегодня, вероятно, не будет, – возразил полковник. – Смотрите, уже подают пломбир.

Я побледнел.

– Как? Значит, рыбы не будет?

– Не знаю, – пожал плечами полковник. – Разве что вам ее подадут после пломбира.

Сердце мое упало.

«Господи, – подумал я, – стоит ли знать все тонкости и ухищрения светской жизни, если их нельзя применить. К чему моя воспитанность, мой лоск? Все пошло прахом!»

Расстроенный, я отказался от пломбира, извинился перед хозяевами («аристократ» и отчасти «меланхолик») и, не досидев до конца ужина, ушел.

* * *

Теперь шумиха светской жизни не привлекает меня.

Одураченный хиромант

– Тебе нужно непременно пойти к хироманту, – сказал мне дядя. – Он удивительно верно предсказывает настоящее, прошедшее и будущее... Мне, например, он предсказал, что я умру через 15 лет.

– Не могу сказать, чтобы это было «удивительно верно», – возразил я. – Подождем!

– Чего подождать?

– Да 15 лет. Если он окажется прав – так и быть, пойду к нему.

– А если он сам умрет до этого? – сказал дядя.

Я призадумался. Действительно, смерть этого удивительного человека поставила бы меня в безвыходное положение... Стоило ему только протянуть ноги, как я оказался бы совершенно слепым человеком, не могущим заглянуть в свое будущее и вспомнить далекое и близкое прошлое.

«Кроме того, – пришла мне в голову мысль, – мне есть полный расчет узнать время своей смерти. Вдруг да я умру недели через три? А у меня как раз в банке лежит тыщонка рублей, с помощью которой я мог бы должным образом скрасить свои последние предсмертные дни».

– Ладно, пойду, – согласился я.

Хиромант оказался чудесным человеком: без всякой гордости и заносчивости – как, в сущности, и подобает человеку, отмеченному Богом.

Он скромно поклонился и сказал:

– Хотя будущее и скрыто от пытливого взора людей, но есть на человеческом теле такой документ, по которому опытный, знающий глаз прочтет все, как по книге...

– Неужели?

– Такой документ – ладонь руки! Нет на земном шаре двух одинаковых ладоней у разных людей, и линии руки отражают все: характер, привычки, поступки и наклонности человека!

Сердце мое задрожало.

«Черт возьми! – подумал я. – А я только вчера потихоньку утащил у приятеля сигару, которую тот собирался закурить. Правда, этот поступок заключал в себе элементы чистой шутки, но если проклятая рука покажет самый факт, не осветив его с настоящей точки зрения, – в каком позорном положении окажусь я, похититель сигар... Сумею ли прямо посмотреть в глаза хироманту?»

Я визгливо засмеялся.

– Презабавную я вчера шутку выкинул... Мы чуть не померли со смеху! Вынул мой приятель сигару, полез за спичками, а я – фью! Взял да и утащил ее. Вы, надеюсь, не сомневаетесь, что это была шутка?

Хиромант с некоторым изумлением взглянул на меня и сказал:

– Итак, позвольте вашу руку.

– Вот вам моя рука, – взволнованно протянул я руку. – Говорите все как есть! Если мне угрожает что-нибудь ужасное – пожалуйста, не стесняйтесь! Я приготовился к самому худшему!

Он взял остро отточенный карандаш и стал водить им по целому хаосу линий и черточек на моей ладони.

– Не волнуйтесь! Я скажу все с самого начала. Скажу, например, сколько вам лет... Гм... Вам уже исполнилось двадцать четыре года!

– Совершенно верно! – подтвердил я.

Проницательность этого человека стояла вне сомнений: мне действительно исполнилось двадцать четыре года пять лет тому назад; он был бесспорно прав.

Я сгорал желанием слышать дальнейшее.

– Вы родились на севере, в богатой аристократической семье.

– Пожалуй, это и верно, – задумчиво сказал я. – Ежели Севастополь считать в отношении Центральной Африки севером, то оно так и выйдет. Что же касается отца, то вы, называя его аристократом, ни капельки не польстили покойнику: он щедро раздавал всем окружающим деньги, полученные от торговли в бакалейной лавке, презирал мелочность и был, по-моему, настоящим аристократом духа. Спасибо вам за добрую память!

– Теперь перейдем к характеру... Характер вы имеете угрюмый, мрачный, мизантропический и склонны видеть все в темном свете. Очень интересуетесь медицинскими науками.

Второе было изумительно верно: еще вчера расспрашивал я у знакомых – не знает ли кто средства от насморка, мучившего меня вторую неделю... Что же касается характера – я был немного огорчен... «Никто из читателей, – подумал я, – не мог получать определенного удовольствия от юмористических рассказов, написанных угрюмым, мрачным мизантропом». А я-то думал о себе как о беззаботном гуляке, юмористе и мастере на всякие штуки.

– Какая линия говорит о характере? – отрывисто спросил я.

– Вот эта.

– Жаль, что не эта, – вздохнул я. – Не та, которая левее. Эта как будто имеет более веселое, извилистое направление.

– Это линия жизни. Вы имеете две счастливые планеты...

– Две? Маловато. Прямо, знаете, не обойдешься с ними. А как насчет семейной жизни?

– У вас есть двое детей, которых вы очень любите, и жена, которая доставляет вам очень много хлопот и неприятностей.

Я был поражен до глубины души.

– Ну? Где та линия, которая говорит об этом?

Он указал.

Я промолчал, но мне сделалось крайне неловко за свою руку. Она в настоящем случае лгала бессовестно, определенно и бесспорно: ни детей, ни жены у меня не было! Линия ясно красовалась на моей ладони и как будто нагло лезла в глаза. Никогда я не видел более лукавого создания.

Я чувствовал себя обманщиком в отношении того честного человека, который в настоящий момент простодушно доверял моей фальшивой руке, и я сказал:

– Ничего... Пойдем дальше.

– Пойдем дальше, – согласился хиромант. – У вас в жизни было большое тяжелое горе, которое вы еле перенесли... Было оно, позвольте... на каком году? Да! На двенадцатом. Я ясно вижу, на двенадцатом.

Действительно, я после некоторого напряжения памяти вспомнил, что на двенадцатом году со мной кое-что случилось: однажды, валяясь в сене, я потерял прекрасный костяной перочинный ножик и тридцать копеек наличных денег, выпавших из кармана. Но плохо же знал мою натуру хиромант, если думал, что я еле-еле перенес это горе! Ого! Признаться, я перенес потерю, не моргнув глазом. И в тот же день утащил у старшего брата такой громадный ножик, что он совершенно утешил меня.

В этом месте моя ладонь бессовестно преувеличивала и раздула факт; и чем дальше, тем она больше кривлялась, выдумывала небылицы и возводила на меня разные поклепы.

Кто, например, просил ее утверждать, что я сидел два года в тюрьме? Когда это было?

И мне долго пришлось разглагольствовать перед доверчивым хиромантом об освободительном движении, о жертвах революции, чтобы хотя чем-нибудь скрасить свою неприглядную моральную физиономию.

А рука осмелела и разошлась вовсю.

– Вы жили три года в Америке и потеряли там все свое состояние!

«Да, – усмехнулся я про себя. – Ты бы еще что-нибудь выдумала, голубушка... Ты бы еще отметила на себе, что я покушался на самоубийство».

Рука явно издевалась надо мной.

– Двадцати одного года вы покушались на самоубийство, но неудачно.

«Я думаю, что неудачно, – подумал я, – иначе бы я не сидел здесь. Да и не покушался я вовсе. И в мыслях не было!»

– Какая это линия свидетельствует о самоубийстве? – угрюмо спросил я.

– Вот видите – эта. Отсюда – досюда.

Мне было смертельно стыдно за свою собственную руку. Если бы мне подвернулся тот самый ножик, который был мною в свое время утерян в сене и потерю которого моя ладонь раздула до размеров чего-то тяжелого, смертельно охлаждающего сердце, – я, не колеблясь, начертил бы этим ножиком на ладони новые линии, которые имели бы большую совесть и скромность и не подводили бы своего хозяина.

А рука в это время выдумывала все новое и новое, а хиромант добросовестно передавал все это мне, а я злился и нервничал...

Смотря с ненавистью на свою ладонь, я думал:

«Где я тонул? Когда я тонул? Зачем тебе нужно было сообщать об этом? Лжешь ты, что у меня жестокий, придирчивый характер!»

Потом рука ударилась в другую крайность: она стала бессовестно передо мной заискивать и грубо, примитивно льстить мне.

– Ум ваш склонен к великим изобретениям... Все окружающие любят вас и считают человеком с зачатками гения! На тридцатом году вы сотворите произведение искусства, которое прогремит! Женщины бегают за вами толпой!

«Нет, – горько усмехнулся я про себя. – Теперь уж, голубушка, не поправишь дела... Навыдумывала, наплела всяких гадостей, да и на попятный».

Гадко! Позорно! Стыдно!

У нее не было никакой логики. Одна линия указывала, что я человек слабый, склонный к заболеваниям и простудам. А рядом тянулась такая же другая линия, которая с пеной у рта опровергала первую и вопила, что никогда она не видела человека здоровее меня.

– Ты корыстолюбив, скуп и имеешь большие деньги, – сообщила ехидно ладонь и в подтверждение этого выпячивала отвратительную изогнутую черту.

– Нет, – говорила другая, прямая, как стрела, черта, сжалившись надо мной. – Он щедр, бросает деньги, не считая их, и умрет в крайней бедности.

Я сидел, не смея взглянуть на хироманта. Я был красен как рак.

«Что он обо мне подумает?»

Когда я уходил, хиромант взял плату, еще раз взглянул на мою руку и дружелюбно посоветовал, отметив карандашом какое-то место:

– Остерегайтесь в своей жизни огня, пожаров и лошадей.

Я их и так остерегался, но после этого предупреждения решил держать ухо востро и при первой же возможности удирать от огня во все лопатки. Лошади тоже не внушали мне доверия. Я решил в будущем, прибегая к услугам этих животных, помещаться так, чтобы между мной и лошадей всегда сидел извозчик. Пусть уж лучше лошадь его растерзает, чем меня.

Уходя, я чувствовал перед хиромантом такую неловкость за все выходки моей ладони, что, желая загладить все это, сказал:

– Со своей стороны советую и вам остерегаться некоторых вещей... Я хотя и не хиромант, но кое-что в этих делах маракую... Остерегайтесь взбесившихся слонов, кораблекрушений,

наводнений и брошенных в вас бомб. Тогда проживете настолько долго, насколько вас хватит! Прощайте.

Теперь я с совершенно новым чувством смотрю на свою ладонь. Я ее и ненавижу, и презираю, и... боюсь.

Я ведь бываю везде, посещаю все места, которые считаю необходимыми, и она будет тоже неотвязно таскаться за мной, шпионить, выслеживать, записывать на своей лживой поверхности все, что со мной случится, и при этом приврет, раздует, исказит так, что мне стыдно будет потом человеку в глаза глядеть... Ужасно неприятно!

Волчья шуба

Конспект:

Пианист Зоофилов взял на время у чиновника Трупакина волчью шубу... Пообещав вернуть шубу через неделю, Зоофилов не только не вернул ее, но вместо этого продал ее татарину, а деньги с друзьями пропил в трактире. Трупакин был чрезвычайно огорчен поступком Зоофилова.

I

В жестокий декабрьский мороз пианист Зоофилов сидел в комнате своего знакомого чиновника Трупакина и говорил ему так:

– Не можете ли вы, миленький, одолжить мне на неделю вашу волчью шубу... Мне нужно ехать на концерт в Чебурахинск, а пальтишко мое жидкое. До Чебурахинска на лошадях еще верст тридцать. Сделайте доброе дело – одолжите шубу на недельку.

– А вдруг она пропадет? Вдруг вы ее потеряете?

– Ну что вы... Как можно!

– А вдруг мне самому понадобится?

– Да ведь у вас другая есть, новая.

Чиновник Трупакин прикусил сухими губами сизый ус, посмотрел в окно и сказал:

– Так-то оно так. Это верно. Добрые знакомые всегда должны помогать друг другу. Слава богу – не звери же мы, в самом деле. Хорошо, Стефан Семеныч. Я вам дам шубу. Человек не собака, и замерзать ему невозможно...

Глаза пианиста заблестали радостью.

– Даете? Ну, вот – спасибо!

– Уж раз сказал, что дам – то дам. Отчего же... Ведь шубы от этого не убудет. Не правда ли?

– Конечно, конечно.

– Я и сам так думаю. Марья Семеновна!

Чиновник Трупакин обратился к вошедшей жене:

– Вот, Мари, пианист наш замерзнуть в своей турне боится. Дай ему шубу волчью.

– И прекрасно, – сказала жена. – Все равно так лежит.

– Я и сам так думаю. А то что ж человека морозить – звери мы, что ли?

– Я вам очень, очень благодарен, Исай Петрович!

– Ну, какие там благодарности... Все мы должны помогать друг другу! Не дикари ж, в самом деле, не звери. Хе-хе! Слава богу, крест на шее есть.

В кабинете зазвонил телефон.

– Алло! – сказал Трупакин, беря трубку. – Вы, Анна Спиридоновна? Как поживаете... Что? Спасибо. Что? Зоофилов у меня сейчас сидит... Да... Какой случай: морозы адские, а ему в концерт ехать нужно. Так уж он у меня волчью шубу берет. Да и пусть. Лучше уж пусть она живую душу греет, чем даром лежит. Не дикари, слава богу... Что? Прощайте.

Трупакин повесил трубку и доброжелательно взглянул на Зоофилова:

– Сегодня хотите забрать? Сейчас я вам это и устрою. Палашка! Послушай, Палашка, достань из сундука шубу и, завернув в простыню, отдай барину. Он, видишь ли ты, Палашка, попросил ее одолжить на время, потому что ехать барину нужно, а дедушка-мороз, хе-хе, кусается. Да почему, думаю себе, не дать? Сем-ка я выручу хорошего человечка.

Трупакин добродушно засмеялся, и морщинки веселой толпой сбежались около его глаз. Разогнав эту самовольную сходку, Трупакин покачал головой, вздохнул и промолвил:

– Ах, как было бы хорошо, если бы все люди помогали друг другу. Жилось бы слаще и теплее. Уходите? Ну, всех вам благ. Шубочку-то не забудьте захватить. Когда едете? После-завтра? Ну-ну...

Зоофилов еще раз поблагодарил Трупакина в самых теплых выражениях и, захватив волчью шубу, ушел.

А Трупакин решил съездить в клуб.

Оделся, вышел и сел на извозчика.

– Ну что, ездешь? – спросил извозчика, когда лошадь тронулась.

– Езжу.

– Это, брат, хорошо. Летом-то небось вашему брату легче...

– Да оно как будто посlobоднее.

– Зимой холодно ведь, чай?

– Да, холодно.

– То-то и оно. Бедному человеку, братец ты мой, зимой зарез.

– Верно. В самую точку будет сказать.

– Да-а, братяга. Тут ко мне вот один музыкант ходит. Такой, братец ты мой, что сплошная жалость возьмет на него глядеть. Морозы-то большие, а ему, слышь, ехать нужно музыкарить. Что ж ты думаешь – дал я ему шубу свою волчью. На, мил человек. Мне не жалко. Верно?

– Да-с.

– То-то и оно. Тут, брат, уж сквалыжничать нечего. Не людоеды, слава богу. В груди-то тоже сердце есть. Не правда ли?

– Верно. Бедному человеку зачем не спомочь.

– То-то и оно. Дал я ему волчью шубу. На, носи. Сам, брат, Христос заповедал помогать страждущим. Не так ли?

Извозчик в ответ на это помолчал и потом шмыгнул носом так сильно, что лошадь побежала вскачь.

II

Провожать Зоофилова на вокзал собрались несколько приятелей.

– А ловко ты устроился, – сказал одобрительно актер Карабахский, похлопывая Зоофилова по спине.

– С чем устроился?

– Да с шубой. Ведь ты ее у Трупакина взял. Добрый старичок и очень обязательный.

– А ты откуда знаешь о шубе?

– Он же вчера в клубе вскользь сказал. Душа-парень, видно. Истый христианин. «Надо, говорит, ближним помогать. Мы, говорит, слава богу, не тигры какие-нибудь». Добрейшей души старикан.

К беседовавшим друзьям подлетела, потирая руки, раскрасневшаяся от холода Манечка Белобородая.

– Едете? – сказала она, смотря на Зоофилова влюбленными глазами. И шепнула так, чтобы никто не слышал: – Не забудете? Не охладете?

– Манечка! Что ты...

– Положим, охладеть вам трудно. В крайнем случае трупакинская шуба вас согреет.

– Тру... пак...?

– Ну да. Я совершенно, совершенно случайно узнала, что вы были такой умница и выпросили у него шубу.

– Откуда же вы узнали? – угрюмо спросил Зоофилов. – От Трупакина?

– Да нет же! Это мне сказала сегодня подруга по курсу. Не знаю, кто ей это сообщил. Милый Трупакин! Если бы он был здесь, я бы его за это расцеловала!

Пришел проводить Зоофилова и Трупакин. Он был в отчаянии, что опоздал и успел только к третьему звонку.

Поезд тронулся. Стоя на площадке, Зоофилов посылал друзьям воздушные поцелуи и слышал, как Трупакин говорил окружающим:

– Как, думаю, молодого человека отпустить в подбитом ветром пальтишке?.. Хе-хе. Дал шубу. Волчью. Хорошая еще шубенка. Пусть, думаю, погрееется, бедовая голова. Слава богу, не леопарды какие-нибудь. Человек не собака, и замерзнуть ему неподходящее дело.

Через час Зоофилов стал устраиваться на ночлег. Сквозь закрытую дверь купе он услышал разговор кондукторов:

– Куда же его посадить, ежели все занято? На голову, что ли?!

– Куда, куда... Идиётская голова! Ну, посади его в то купе, в котором господин в трупакинской шубе едет. Невелика птица – подвинется.

III

Чебурахинск был городишко маленький, но собственную газету имел.

Устроитель концерта через пять минут после приезда Зоофилова доброжелательно подмигнул ему и, вынув из кармана «Чебурахинский голос», показал отчеркнутое место:

«Мы счастливы приветствовать известного пианиста Зоофилова, посетившего наш бого-спасаемый город с целью дать концерт на пианино. Публика, конечно, подарит своей благосклонностью виртуоза, который приехал, даже невзирая на суровую температуру. Кстати, несколько черточек из жизни концертанта: рассказывают, что беззаботный артист собрался ехать в турне налегке, не имея теплого платья, и в самый последний момент положение было спасено другом талантливого артиста, Трупакиным, одолжившим ему волчью шубу. Только таким образом талантливый артист мог, как говорили древние, перейти через Рубикон»...

После концерта Зоофилов ужинал со своим импресарио и с поклонниками.

Было много выпито... пили за всех: за Зоофилова, за искусство, за поклонников, за Бетховена...

– Спасибо за теплый прием, – сказал, утирая слезу, Зоофилов.

– Нет, – сказал подвыпивший импресарио... – Давайте выпьем лучше за то, что согрело Зоофилова лучше нашего приема: за знаменитую трупакинскую шубу!

Зоофилов вскочил с места так порывисто, что опрокинул стул.

– Стойте! – закричал он. – Не могу больше!! Дайте мне татарина! Ради бога! Где тут у вас татарин?!

IV

– Алло! – сказал Трупакин, беря телефонную трубку. – Кто у телефона? Анна Спиридоновна? Мое почтение! Что? Как? Да плохо. Никак я не могу, старый дурак, разочароваться в людях. А они и пользуются этим... Сижу я теперь и думаю: стоит ли делать людям добро. Что? А случилось то, что я по своей доброте одолжил на недельку этому несчастному Зоофилову хорошую волчью шубу, а он... что бы вы думали, что он сделал? Ни более ни менее, что продал ее татарину, а деньги пропил со своими распутными друзьями... Стоит ли после этого... Что? Прощайте.

Трупакин повесил трубку и, печально опустив голову, вышел в прихожую.

– Я ухожу, Палашка... Вот, брат Палашка, отплатили мне, старому дураку, за мое доверие. Волчья-то шуба – ау! Не-ет! Видно, добро-то нынче не в цене... Не люди пошли, а тигры пошли, господа!..

Выйдя на улицу и усевшись на извозчика, Трупакин втянул в себя воздух и сказал:

– А морозец-то здоровый!

– Да... Подковыривает.

– Бедному-то человеку, который без шубы, круто.

– Это уж и разговору нет.

– Да только, брат, нынче не человек пошел, а леопард. Ходил тут ко мне музыкант один – и дай да дай ему волчью шубу! Холодно, вишь, ему было... Ну-с, дал я ему шубу, и что ж бы ты, брат извозчик, думал... ..

Последний

I

Когда начинают восторгаться культурой, прогрессом и завоеванием техники, сердце мое сжимается от жалости к мирной несложной старине, ко всему поэтичному и уютному прошлому, которое безвозвратно кануло в вечность, и – главным образом – к тем большим, простодушным наивным детям, которые, под общим названием призраков, населяли старые заброшенные дома и замки, считали своим священным долгом пугать время от времени трусливых обитателей этих домов и делали это с такой примитивностью и скупостью приемов, которая в наши дни вызвала бы только легкое пожатие плеч.

И эта бесхитростная жизнь вполне удовлетворяла старых консервативных призраков, которые считали, что ими выкинуто очень удачное коленце, если они, спрятавшись за портьерой или каким-нибудь шкафом, неожиданно выскакивали перед оторопевшим человеком и, сделав несколько размашистых жестов, таяли в воздухе.

Об этих подвигах долго потом рассказывалось как об остроумной, из ряда вон выходящей по замысловатости шутке, и тихий хриплый хохот часто нарушал тишину дальней заколоченной комнаты, в которой старый призрачный чудак докладывал товарищам о своих выдумках, изрядно при этом привирая.

Я хочу рассказать печальную историю одного из этих обломков старины, пережившего самого себя.

Однажды в старый дом, стоявший несколько десятков лет заколоченным, приехало семейство наследников владельца заколоченного дома.

Старый призрак, обитатель этого дома, совершенно опустившийся за время своего безделья и занимавшийся последнее время ловлей пауков и подмигиваньем из окна пробегающим мимо дома трусливым мальчикам, теперь приободрился. Он обчистился от пыли и паутины, прорепетировал в старый осколок зеркала – может ли он еще сделать страшное лицо – и сказал сам себе:

– Надо не ударить лицом в грязь и придумать что-нибудь ужасное, от чего все бы содрогнулись... Явиться неожиданно, когда хозяин дома будет ложиться спать, – и взмахнуть руками... потом заскрипеть зубами, опрокинуть стул и убежать. Или нет... Лучше появляюсь неожиданно в гостиной, где они будут сидеть, засмеюсь, скажу: «А вы тут что делаете?» – и убегу!

И, строя эти планы, он, довольный, напевал себе под нос.

Бедный бесхитростный призрак не знал, что эти коленца уже сотни раз до него проделывались другими призраками, не отличаясь одно от другого никакой новизной и оригинальностью.

II

Утром, когда новоприбывшие члены семьи еще спали, старый призрак решил побродить по комнатам, предполагая осмотреться и изучить обстановку его будущих вечерних подвигов.

Стараясь не задеть дряхлыми ногами за мебель, старик прокрался в гостиную, остановился у незапертой двери и с любопытством огляделся. При жизни своей он никогда не видел роялей, и теперь, заметив в углу большой блестящий лаком предмет, старик задумчиво положил палец в глазную впадину, помолчал и потом кивнул головой:

– Гм... Кровать! Странно же устраиваются нынешние люди. Изволь-ка спать на такой вещи! Нет-с, Павел видывал кровати поуютнее. Ха-ха!

Он робко подошел ближе, увидел клавиши и изумленно уставился на них. Дрожащая от ветхости рука протянулась к одной из белых пластинок, но предмет сейчас же сердито загудел, и старый Павел в ужасе отскочил в сторону. Потом замаскировал свой испуг наглым смехом, сделав вид, что не боится, и сказал, желая приободрить себя:

– Подумаешь... Дотронуться нельзя! Пружина какая-нибудь.

На высокой подставке в другом углу стоял граммофон.

Павел тихонько отошел от рояля, подкрался к граммофону и заглянул в трубу. Бедный малокультурный мозг отказывался объяснить себе значение этой машины, и старый Павел долго осматривал ящик, пластинки в конвертах и трубу, пока не решил, что перед ним замысловатая кухонная принадлежность.

Холодные неуютные сумерки рассвета таяли в углах комнаты.

Скоро должно было взойти солнце, и старый Павел, относившийся к свету с брезгливым отвращением, болезненно щурил слабые глаза на обстановку гостиной, поражавшую его своей оригинальностью.

В стене торчал какой-то винтик... Размышляя о граммофоне, старик рассеянно дотронулся до винтика и повернул его. Во всех углах вспыхнул сильный свет, десятки огней загорелись на люстре, на стенах и у рояля. С криком ужаса старый Павел закрыл руками голову, и, спотыкаясь о кресла, бросился вон из комнаты, вскарабкался кое-как по лестнице, которая вела на чердак, и, хрипло дыша, бросился на свою кровать из дюжины старинных книг, покрытых рваной портьерой.

Старое сердце бешено металось, ударяя о ребра, будто хотело выскочить из этой расшатанной непрочной клетки, а руки дрожали и впивались в изодранную портьеру, как в последнее прибежище, могущее хоть на минуту заслонить собой новое, чудодейственное, ужасное, чего никак не могла постичь скудная мысль старика.

Отдышавшись, он присел на связку книг и стал раздумывать.

Идея ночного появления перед жильцами дома потускнела в его мозгу, утратила так забавлявший его раньше характер экстравагантности, и он стал размышлять о ночном визите без всякого удовольствия, как о тяжелой, неприятной обязанности.

К вечеру старый Павел немного успокоился.

Часам к десяти разыскал в углу совиное крыло, служившее ему платяной щеткой, и принялся за приведение в порядок своего туалета.

– Так вот я и сделаю: засмеюсь, скрипну зубами и скажу им: «А вы что тут делаете?» Воображаю!..

И старый призрак залился беззвучным довольным смехом.

– А, вы здесь? – скажу я им. – Что вы такое тут подделываете?! Могу вообразить, что будет с ними! Только винтиков не надо трогать... Удивительные у них винтики.

Из гостиной слышалось пение какого-то романса.

Старик приостановился и притаил дыхание.

– Приют... Пойте, пойте, голубчики! – язвительно кивнул он головой. – Как-то вы сейчас запоете... хе-хе...

Подождав, когда певец взял самую высокую ноту, старик схватился за дверную ручку, распахнул обе половинки дверей и медленно, торжественно вошел в гостиную.

– Умру ли я, стрелой пронзенный... – заливался голос певца.

Сбитый с толку старик, опустив вздернутые торжественным и строгим жестом руки, осунулся и робко пошел на голос певца.

Перед ним стояла виденная им на рассвете труба, и из ее пасти тот же голос меланхолично мурлыкал: «иль мимо пролетит она...»

Дико и страшно вскрикнул старый призрак.

Опять схватился он руками за голову и бросился вон из комнаты, стараясь не слышать ужасного певца.

Но старик не имел мужества бежать опять на свой чердак... После всего виденного чердак казался ему ненадежным убежищем.

В передней он заметил дверь, ведущую в сад.

Дрожащей рукой приоткрыл ее оторопевший старик и тихо выскользнул на холодный воздух.

Луна с усилием выкарабкивалась из-за туч...

С тихим шуршанием падали беспомощные листья и устилали дорожки...

Старик съежился, кашлянул и, прижимая руки к бьющемуся сердцу, тихо побрел по песчаной дорожке.

Будущее рисовалось ему полным безотрадности и разных ужасов... Мир сделался загадочным, непонятным; на каждом шагу чудились неожиданности и страхи... Теплое насиженное гнездо потеряло свою безопасность, и он вовсе не мог поручиться, что когда-нибудь, во время его сна на портъере, странная машина не вскарабкается по лестнице на чердак и не заорет ему над ухом какую-нибудь страшную песню.

В мире старик был совершенно одинок.

Раньше в этом доме обитали и другие призраки, но все они, благодаря ворчливости и неуживчивому характеру старого Павла, давно разбрелись по свету – кто куда.

Из каждой голой ветки дерева, из каждого куста смотрело на никому не нужного призрака – полное одиночество.

Бесцельно бродя по дорожкам, старик вспомнил, что во дни своей молодости он жил домовым при конюшне. Местечко было не ахти какое почетное, но жилось тепло, спокойно и чувствовалось так уютно около больших, спокойных, добрых лошадей...

– В конюшню... на старости лет... – скорбно усмехнулся призрак и заковылял к большому зданию, прилегавшему к другой стороне дома.

III

На пороге конюшни старик остановился, пораженный, недоумевающий: ни одной лошади не стояло в стойлах, да и сами стойла куда-то исчезли.

Пробираясь вдоль стены, старик наткнулся на что-то и едва не упал... Перед ним стоял большой блестящий автомобиль, распространяя незнакомый запах бензина и резиновых шин.

– Повозка... – прошептал призрак. – Что это они тут такое напутали... Крючки какие-то, трубки. Оригиналы!

Стремясь отдохнуть от всех передрыг и прикорнуть поудобнее, старый Павел неуклюже влез на колесо и перешагнул на сиденье шофера. Одна нога запуталась в какой-то щели, старик потерял равновесие и испуганно схватился за сигнальную грушу.

Дикий рев раздался в сарае. Обезумев от страха, призрак бросил резиновую грушу, схватился за какой-то рычаг, и автомобиль, сердито запыхтев, двинулся по уклону вдоль стены.

Старик рванулся вбок, упал на деревянный пол и, растеряв несколько суставов пальцев на ноге, ринулся к выходу.

Он бежал по молчаливым дорожкам сада, и мысль будто оставила его старый мозг.

Бешеными скачками пожирал он пространство, несясь без цели, сам не зная куда – только бы быть подальше от этих труб, ревуших повозок, всего невероятного, что сводило с ума старого, отставшего от жизни беднягу.

Наконец, измученный, с сердцем, умирающим от усталости, он приостановился и задумался.

Старый Павел считал лучшим своим удовольствием напугать какого-нибудь человека, но теперь его потянуло к людям... Среди них он мог чувствовать себя не так одиноко, с людьми было бы не так страшно.

Робко повернул он к дому, вошел в дверь и остановился в нерешительности...

Из кабинета доносился детский смех, веселые крики и хлопанье в ладоши.

– Это, пожалуй, не труба... – колеблясь, сказал старик. – Зайти разве...

Он уже не думал о том, чтобы напугать кого-нибудь. В нем зрела и укреплялась другая мысль, которая только и могла родиться в старом глупом мозгу выбитого из колеи призрака.

– Войду к ним, стану на колени и заплачу. «Милостивые государи, – скажу я им, – извините меня, что я хотел вас напугать! Пожалейте меня, старого, которому негде головы преклонить. Приютите меня и не пугайте меня...»

Эта тирада казалась ему удивительно трогательной и убедительной. Он тихонько приоткрыл дверь и вошел в обширный кабинет.

Вся семья сидела к нему спиной, впери в взоры в противоположную стену.

На небольшом полотне незатейливого домашнего синемаатографа, демонстрируемого отцом семейства, ходили какие-то люди, размахивая руками и шевеля губами. Внезапно они исчезли и на полотне появилось худое неуклюжее привидение, нелепые прыжки которого вызвали взрыв веселого хохота...

Кто-то позади скрипнул зубами, хлопнул в ладоши и тоже захохотал.

Ветхая перегородка в мозгу призрака, отделявшая разум от безумия, не выдержала напряжения и лопнула.

Старый мозг окатило волной безумия, и сразу все страхи куда-то исчезли.

IV

Мурлыча под нос мотив из граммофона и пощелкивая сухими пальцами, старик взобрался на чердак, закутался в портъеру, сел в углу и принялся хохотать, раскачиваясь и поскрипывая остатками зубов.

Утром в том углу, где он сидел, осталась только скомканная портъера да одна торчащая из нее рука, которая время от времени сухо пощелкивала двумя желтыми пальцами.

А потом и она исчезла.

Разумная экономия

Сидя в углу общей залы маленького ресторана, я впервые обратил внимание на этих двух дам.

Обе они были средних лет, но еще довольно моложавы. В отношениях их друг к другу сквозила та специфическая женская дружба, которую ничто не может нарушить, за исключением новой выкройки на капот или красивого любовника.

Дамы мирно болтали, доедая какую-то зелень, потом потребовали кофе, а когда потребовали кофе – одна из них, брюнетка, сказала:

– Я бы выпила ликеру – маленькую-премаленькую рюмочку.

– Ах! И я бы. Человек! Дайте нам ликеру.

– Какого прикажете?

– Да все равно. Какого-нибудь!

Слуга побежал в буфет, принес бутылку бенедиктина, две рюмки, поставил...

– Да не этого! – поморщилась дама. – Это такая дрянь – сургучом пахнет.

– Какого прикажете?

– Он такой, красный...

– Абrikотин-с? Сейчас.

Когда появился абrikотин, блондинка спросила:

– Почем у вас рюмка этого?

– Сорок копеек.

– Боже! Вот дерут! А вся бутылочка сколько стоит?

– Три рубля.

– А сколько здесь рюмок, в ней?

– Рюмок пятнадцать.

– Но ведь это же, милый мой, бессмыслица! Пятнадцать рюмок, деленное на три рубля, – это пятачок рюмка?!

– Двадцать! – подсказал я со своего места.

Брюнетка обернулась ко мне, сердито сверкнула глазами и сказала слуге вполголоса:

– Почему этот молодой человек заговаривает с порядочными женщинами?

– Я не заговариваю, – возразил я. – Математика – точная наука, и есть такие высшие истины, которые можно защищать везде, даже в ресторане, даже с незнакомыми. Я утверждаю: три рубля, деленные на пятнадцать рюмок, дают стоимость рюмки в двадцать копеек. А не пятачок!

Брюнетка подумала немного, потом кивнула головой, сказала: «спасибо!» – и опять обернулась к слуге:

– Значит, за пятнадцать рюмок мы платим три рубля, а за две – восемь гривен?

– Так точно.

Дамы переглянулись, и в глазах их сверкнула одна и та же мысль:

– Если мы выпьем всю бутылочку – мы выгадаем на этом.

– Хорошо, – кивнули головой обе. – Оставьте нам бутылку.

Они прилежно принялись пить и, конечно, выпили только семь рюмок – брюнетка четыре, блондинка три.

– Ох! У меня уже голова закружилась... я не могу больше.

– Да и мне, я чувствую, довольно.

– Знаете что? Мне кажется, что было бы гораздо выгоднее брать рюмками: смотрите, осталась еще половина, а мы должны заплатить три рубля полностью.

– А знаете что? Давайте посчитаем по рюмкам, а остальное пусть он возьмет.

– Ах, и верно. Мы выпили семь рюмок... по сорок копеек... Боже! Выходит три рубля восемьдесят!!

Я нервно подсказал из своего угла:

– Два рубля восемьдесят!!

– Ах, опять он заговаривает! Мерси. Значит, два рубля восемьдесят. Что же мы выгадываем? Всего двугривенный?!

– Да... – сердито сказала блондинка. – Мы оставим им половину бутылки прекрасного ликера за двугривенный!

– Ах! – с сожалением прошептала брюнетка. – Если бы мы могли по рюмочке, по две выпить... Но я не в силах больше!..

– И я.

– Оставьте на текущий счет, – посоветовал я.

– Ах, опять он!.. Что это такое: текущий счет?

– Слуга может на ярлыке бутылки записать ваше имя и отдать остаток ликера в буфет. Там спрячут, а когда вы придете еще раз, можете бесплатно допить.

– Но мы больше не придем в этот скверный кабаk! Мы совершенно случайно...

– Таня! Вы как будто перед ним оправдываетесь, – пробормотала брюнетка. – Ведь он же нам незнаком!..

Я откинулся на спинку стула и стал равнодушно рассматривать потолок.

– А знаешь что? Давай эту половину дадим лакею вместо на чай!

– Гм... Тут на полтора рубля... Не много ли?

Порешив на этом, расплатились и ушли.

Вслед за ними вышел и я.

В передней мы снова встретились.

– Мои галоши! – сказала брюнетка, протягивая швейцару ногу. Потеряла равновесие, замахала руками и чуть не упала – я вовремя поддержал ее.

– Вы еще чего тут?! – сердито проворчала она. – Прямо-таки нельзя никуда показаться. Хватаются...

В углу стоял аппарат для взвешивания. Внизу маленькая площадка, сверху циферблат с цифрами и отверстие: «Прошу опустить пять копеек».

Аппарат приковал внимание блондинки.

– Ах, смотрите... Весы! Я хочу вешаться.

– И я. Что нужно сделать?

– Стать на площадку и опустить пятак, – сказал швейцар.

– Так просто? Танечка, давайте вместе свесимся. Это интересно.

– Почему же вместе? Можно отдельно, – нерешительно сказала блондинка.

– Ах, но вдвоем дешевле... То гривенник, а то пятак!

Подруги встали на площадку, дружески обнялись для большей устойчивости и опустили в отверстие пятак. Стрелка заколебалась и остановилась на:

– 9 пудов 20 фунтов.

– Ой! Смотри-ка... Наверное, оно испортилось.

– Весы правильны, – опять ввязался я. – Но они показали ваш общий вес.

Брюнетка призадумалась и спросила:

– А как же мы теперь разделимся?

– Да ничего, – успокоила ее блондинка (она была немного выше ростом и гораздо полнее брюнетки). – Будем знать, что в нас двух 9 пудов 20 фунтов. И больше ничего не надо.

– Да зачем нам это?

– Ну, разделим пополам. Сколько будет 9 пудов 20 фунтов на два? – обратилась она ко мне как к специалисту, уже зарекомендовавшему себя в математике.

– Нет, зачем же пополам?! – перебила брюнетка. – Ведь во мне меньший вес. Вы гораздо полнее и солиднее. Будем считать приблизительно так: во мне четыре пуда, а в вас остальное.

Блондинка погрузилась в расчеты.

– Сколько? – спросила она меня.

– Вам остается 5 пудов 20 фунтов.

– Вот новости!! С какой стати? Вы бы еще на меня все 9 пудов навалили.

Я сказал:

– Вам не нужно было экономить пятак... Вам нужно было взвешиваться отдельно.

– Ну, взвесимся отдельно.

– Вам двум теперь не нужно. Пусть взвесится одна. То, что получится, вычтем из общего веса – и остаток придется на долю другой.

– Опять он разговаривает!! Ну, хорошо...

Брюнетка со вздохом вынула еще пятак и встала на площадку.

– 4 пуда 15 фунтов! – воскликнул я, взглянув на циферблат.

– Ага! – сказала блондинка торжествующе. – Значит, у меня 4 пуда 5 фунтов.

– Не четыре-пять, а пять и пять, – поправил я.

– А-а-а? Вы с ума сошли. Никогда у меня такого веса не было!! Откуда вы его взяли?

– Очень просто. Обе вы весите 9 пудов 20. Ваша подруга 4—15. Значит, на вас приходится остаток 5 пудов 5 фунтов.

– Этого не может быть! Я сама свесюсь.

– Вот видите, – с упреком возразил я. – Раньше вы обе хотели обойтись одним пятачком, а теперь это будет стоить пятнадцать копеек.

– Все равно! Вот еще! С какой стати – пять пудов?

Она вынула пятак и робко вступила на площадку.

– Одной ногой нельзя, – предупредил я. – Нужно совсем стать.

– Отстаньте.

Пятак провалился, стрелка заколебалась и показала:

– 5 пудов и 5 фунтов.

Блондинка сердито соскочила с площадки и крикнула:

– На мне тяжелое платье!! И потом – после сытного обеда!!!

Она была такая жалкая, что я решил помочь ей.

– Давайте, сударыня, вычтем это лишнее. Ну, сколько весит платье, корсет, ботинки?

– Сколько?.. Фунтов... пятнадцать.

– Мало! Кладите двадцать. Обед – десять фунтов... Довольно? Ликер – ну, этого пустяки: три фунта. Выходит? Тридцать восемь фунтов. Вычтем. Получается всего нетто: три пуда сорок восемь фунтов!

– Ага! – торжествующе сказала блондинка. – Я говорила!!

Она подхватила под руку взволнованную, сбитую с толку брюнетку и поспешно вышла, бросив на меня ласковый, полный теплоты и симпатии взгляд...

Медицина

За утренним чаем Ната Корзухина посмотрела внимательно и беспокойно на мужа, провела рукой по его голове и спросила:

– Почему ты такой желтый?

Корзухин удивился.

– Желтый? Почему бы мне быть желтым?

– Я не знаю. Только очень желтый. Мне не нравится твой цвет.

– Хорошо, – пообещал Корзухин. – Постараюсь, чтобы этого больше не было!

Корзухин поднялся и ушел на службу.

Через два дня утром жена опять сказала с беспокойством:

– Знаешь – ты опять желтый... Даже какой-то синеватый. А виски коричневые.

Корзухин испугался:

– Что ты говоришь?! О, черт возьми... Вот история...

– Тебе, вероятно, нельзя пить. Обратись к доктору.

– Все доктора мошенники.

– Уж и все! Иногда попадают и не мошенники. Хочешь, я приглашу своего доктора, у которого я зимой лечилась? Очень хороший. Я напишу ему записку, и он сегодня после обеда заедет.

– Неужели я такой... желтый и синий?

– Ужас! Ужас! Прямо какой-то зеленый.

– Я смотрел нынче в зеркало. Как будто ничего.

– Так... – печально сказала жена. – Значит, жена врет, а зеркало не врет? Зеркало, значит, лучше? Почему же ты в таком случае не устроишься так, чтобы оно варило тебе по утрам кофе, заказывало обед, целовало тебя и ездило с тобой в театры...

– Зови доктора!!

После обеда приехал доктор.

– Здравствуйте, Наталья Павловна. Я получил вашу записку и сейчас осмотрю вашего мужа.

Осмотр продолжался недолго. Доктор выстукал Корзухина, осмотрел его язык и убежденно сказал:

– Вам нельзя пить! Это для вас смерть.

– Что вы говорите! – побледнел мнительный Корзухин. – Что же я тогда буду делать?

– Что вы обыкновенно пьете?

– Немного водки, шампанское, ликеры...

– Вот водки вам и нельзя. И шампанского вам нельзя и ликеров.

– Стоит ли жить после этого?

– Стоит. Нужно только заниматься больше духовными запросами.

– Займусь, – с искаженным страхом лицом пообещал Корзухин.

* * *

– Ты кашлял во сне. Знаешь ли ты это?

– Нет, я спал.

– Ты кашлял. Я тебя уверяю – ты кашлял, а не спал.

– Почему же я сам этого не заметил?

– Очень просто: потому что ты спал. Тебе, вероятно, вредно куренье... Я уже давно косо посматривала на твои ужасные сигары. Сегодня позовем моего доктора – пусть он осмотрит тебя.

– Странно... Вчера только в департаменте мне говорили: как вы поздоровели!

– Да? Так если тебе говорят в департаменте такие приятные вещи – ты взял бы и поселился там вместо того, чтобы приходить сюда. Конечно, человек ищет где глубже, а рыба... тоже ищет этого самого... как это говорится: как рыба об лед. Я бьюсь как рыба об лед, измучилась, беспокоюсь о тебе...

– Зови доктора. Зови доктора!

Приехал доктор и опять осмотрел Корзухина... Ната оказалась права. Доктор, даже не досмотрев голого Корзухина, всплеснул руками и сказал:

– Ой-ой! Вам нужно бросить курить... А то выйдет очень неприятная штука.

– Что же вы называете неприятной штукой?

Доктор поднял палец вверх.

– Туда пойдете.

– Вы, вероятно, хотите сказать, – со слабой надеждой в голосе прошептал Корзухин, – что куренье сигар распатает мой бюджет и мне придется перебраться этажом выше?

– Я говорю о смерти, – веско сказал доктор.

Корзухин сжал губы в мучительную гримасу, подошел к столу, схватил ящик с сигарами и решительно бросил его в огонь камина.

– Молодцом! – сказал доктор. – зуб нужно вырывать сразу.

– И зуб? – пролепетал Корзухин. – И зуб... нужно?

– Нет, зуб пока не нужно. Это я так.

* * *

Через неделю доктор опять был у Корзухиных.

– Наталья Павловна телефонировала мне, что вы ночью бредили...

– Ей-богу, не бредил. Чего мне бредить?

– А вот мы посмотрим. Разденьтесь... Те-те-те... Батенька! Да у вас скверная вещь: я бы за ваши нервы ни копейки не дал.

Корзухин и не думал вступать с доктором в какую-нибудь коммерческую сделку, но все же встревожился.

– Что же мне делать? Ради бога...

– Поздно ложитесь?

– Часа в три, в четыре. Бываю в клубе.

– Он, доктор, в карты играет, – пожаловалась Ната.

– Что вы говорите?! Это самоубийство! Вы хотите сохранить остатки вашего здоровья?

– Хочу!

– Клуб к черту. Карты к дьяволу. Сон – в двенадцать часов ночи. Перед сном обтиранье холодной водой.

– Хорошо... – скорбно сказал Корзухин. – Оботрись.

* * *

... Доктор долго мял, тискал и выстукивал Корзухина.

Он бил Корзухина кулаком по спине и спрашивал:

– Больно?

– Конечно, больно.

– А тут?

– Ой!

– Нервы, нервы и нервы. Нужно их успокоить. Вы музыку любите?

– Не выше оперетки.

– Нет, это не подходит. Вам нужно ходить на что-нибудь серьезное, действительно художественное. Гм... Вот что! На днях начинается серия вагнеровских опер. Достаньте абонемент.

– Как кстати! – воскликнула, всплеснув руками, Ната. – Мои знакомые как раз хотят уступить кому-нибудь абонемент. И мы вдвоем будем ходить... Вагнер – такая прелесть!

– Осмотрите меня внимательно, – заискивающе попросил Корзухин. – Может быть, найдете что-нибудь полегче, чем можно было бы заменить Вагнера. Обыкновенную оперу, что ли... Или цирк...

Доктор ударил Корзухина кулаком под ложечку и спросил:

– Больно?

– Еще как!

– Ну вот видите – лучше Вагнера не придумаешь... Чудак человек... Говорит – цирк. Это все равно что больному ревматизмом давать пилюли от кашля. Медицина, батенька, такая вещь, что... гм... гм!

Доктор сделался домашним врачом Корзухина.

Однажды он осмотрел его, ощупал и сказал со вздохом:

– На этот раз – дело серьезное.

– Говорите – не мучайте меня – что такое? – скривился Корзухин.

– Мотор!

– Неужели есть такая болезнь? Вероятно, психомотор?

– Нет, просто мотор. Вам нельзя пользоваться извозчиком – никаких сотрясений! Слышите? Грудобрюшная преграда не в порядке. Нужен мотор!

– Послушайте! – сказал Корзухин. – Вы доктор? Так. Вы осматриваете пациента?.. Так, прекрасно. Он, предположим, болен. Хорошо. Вы садитесь и пишете ему рецепт. Существует правило, по которому с рецептом ходят в аптеку. Но я никогда не слышал, чтобы с рецептом бежали в автомобильный гараж!!

– Вы забываете о физическом методе лечения, – сухо сказал доктор.

– Это что за музыка?

– Механотерапия.

– Странно... – обиженно улыбнулся Корзухин. – У меня, может быть, и всей-то грудобрюшной преграды на дешевенький велосипед наберется, а вы – целый автомобиль прописываете.

Доктор нахмурился.

– Я не гомеопат. Не нравится – можете обратиться к гомеопату. Он вам может даже швейную машину прописать. Пожалуйста!

И ушел, гулко хлопнув дверью в передней.

– Можно подержанный, – робко сказала жена.

* * *

Это было однажды осенью...

Корзухин лег после обеда спать, но ему не спалось: грезилась разные болезни, эпидемии и несчастья. Он встал, оделся и печальный, расстроенный побрел к жене.

В дверях ее комнаты, перед портьерой, приостановился, услышав голоса. Прищурился... Потом опустился на стул у окна и стал слушать. Разговаривали двое:

– Вы должны, доктор, это сделать!

- Ни за что! Вы сами не знаете, что просите... Нужно же знать меру.
- Я и знаю меру. Но мне необходимо иметь зеленую гостиную! Слышите? Вы должны это устроить. Наша старая красная опротивела мне до тошноты.
- Вы говорите вздор. Как я это сделаю?!
- Ваше дело. На то вы доктор.
- Это скорей дело обойщика.
- Придумайте что-нибудь! Скажите, что красный цвет ему вреден, а что зеленый там что-нибудь такое... увеличивает кровообращение, что ли. Или расширяет сосуды.
- Вздор! Зачем ему расширение сосудов?
- Скажите просто, что ему вредна красная гостиная.
- Да он ведь там никогда и не бывает.
- А вы найдите такую болезнь, чтобы ему нужно было сидеть в гостиной, намекайте на кубический объем воздуха, а потом скажите, что такой красный цвет в гостиной ему вреден.
- Наталья Павловна... Это черт знает что!.. Он уже на автомобиле чуть не поймал меня... Если он догадается – подумайте, что будет... Я понимаю, мои первые опыты – они хоть что-нибудь имели под собою... Хоть какую-нибудь почву... Конечно, куренье вредно, напитки вредны, картежная игра вредна... Но Вагнер – это безобразие, автомобиль – это наглость. У вас нет ни такта, ни логики.
- Ну хорошо. Устройте мне последнее – зеленую гостиную, – и ладно. Больше ни о чем не попрошу.
- Даете слово?
- Да-ю! Честное слово!!
- Ну, в последний раз. Господи благослови.
- Доктор и Ната отправились в спальню на поиски Корзухина, но Корзухина там не нашли. Отыскали его в красной гостиной. Он сидел на красном диване, тянул из горлышка бутылки коньяк и курил чудовищную сигару.
- А, доктор! – сказал он, подмигнув. – Здравствуйте! Не находите ли вы, что красный цвет гостиной мебели дурно влияет на меня? Кубический объем, как говорится, не тот. Хе-хе... Продается хороший автомобиль, дети мои! Срочно нужны деньги за выездом в клуб, и если я, черт побери, не заложу сегодня хорошего банчишки – потащите меня опять на Вагнера. Ха-ха! Дорогой врач! Ломаются нынче все преграды, в том числе и ваша грудобрюшная, если вы не покинете немедленно одр тяжело больного Корзухина. Неужели мы никогда с вами, доктор, не увидимся? Ну, что ж делать... Я с этим совершенно примирился. Пошел вон!

Мотыльки на свечке

Опыт руководства для начинающих миллионеров

...Когда разговор перешел на театральные дела, Новакович, который всюду и везде хотел быть первым, хотел быть самым неожиданным, самым ошеломляющим, – этот Новакович заявил:

– Что там ваши театральные дела!.. Что там ваши крахи!.. Вот я был свидетелем одного театрального дела и одного театрального краха... Дело продолжалось всего месяц и стоило три миллиона рублей!!! Вы все знаете, что я не люблю лгать, не люблю преувеличивать...

– Я не знаю... – заявил какой-то добросовестный слушатель.

– Пора бы знать, – сухо осадил его Новакович. – Знание облагораживает, а незнание приближает к животному...

– Где это было? – спросил другой слушатель.

– Это? Это было в городе Тиктакполе – если хотите, можете найти его на карте. Он там, наверное, есть.

– Ну не тяните, рассказывайте.

– То-то вот... «Рассказывайте!»! Вам бы только все рассказывать да рассказывать.

Очень развязный человек был Новакович.

Рассказ Новаковича об актрисе Зеленой

В уже известном вам городе Тиктакполе была молодая барышня по имени Зеленая.

Ничем она особенным не отличалась, и Тиктакполь не обращал на нее никакого внимания.

Однажды она получила из Сан-Франциско телеграмму: «Ваш родственник скончался, оставил вам по завещанию свыше трех миллионов рублей».

С этого началось.

Когда я ее впервые поздравил с богатством и спросил, что же она теперь будет делать, эта Зеленая мне ответила:

– Буду актрисой!

– Как актрисой? Почему актрисой? Откуда актрисой?!

– Так. Хочу быть актрисой. Всю жизнь мечтала об этом.

– Почему же вы раньше этого не сделали? Ведь для актерства деньги не нужны.

– Вы думаете? Я пробовала несколько раз поступить на сцену, но меня не брали.

– Почему?

– Интриги.

– Какие интриги? С чьей стороны? Ведь вас же еще никто не знал, чтобы интриговать против вас!! Кто интриговал?!

– Не знаю кто, но интриговали. Иначе почему бы меня не приняли на сцену? Не правда ли?

У нее было такое простодушное выражение лица, что я ничего не возразил. Промолчал...

– Слушайте, – сказала она мне. – Вы – один из самых порядочных и опытных людей...

Устройте мне театр. Денег, сколько понадобится, я дам.

Я никогда ни в чем не могу отказать женщине. Такова моя жизнь.

– Хорошо, – согласился я.

– Театр мы построим новый, потому что существующие меня не удовлетворяют. Для моего таланта нужна оправа.

По-моему, для ее таланта нужна была единственная оправа – вымазать ее дегтем, обвалять в перьях и выгнать из города.

У нас в России не все свободы отняты у народа. Осталась еще одна свобода – произношения.

Поэтому Зеленая, не отвечая ни перед Богом, ни перед людьми, свободно произносила:

– Корокора.

– Какая корокора? – спрашивали мы у нее.

– Корокора. Которые звонят на корокорне.

Человеку, который, пронюхав о ее богатстве, хотел предложить ей руку и сердце, она ответила:

– Я не могу вас порюбить.

– И не надо, – обрадовался он. – За что меня рубить? Со мной ласково нужно...

– Не то. Я хочу быть актрисой!

Так как в последней фразе не было ни одного «л», жених сразу понял ее и отплыл в другую гавань.

Когда мы выстроили театр, я пригласил режиссера и стал набирать труппу.

Режиссер сказал, что он хочет получить такое жалованье:

– 4000 в месяц.

– Опомнитесь! – завопил я. – Почему?

– За позор, милый. Ведь я эту Зеленую знаю – она несколько раз приходила к нам в театр.

Если уж мне теперь позориться, так знать за что!..

То же самое заявили и первые персонажи.

– Ну что ж, – говорили они, – по семи тысяч в месяц дадите – пойдем. Годик помучаемся, пострадаем, зато потом вздохнем свободно: уедем отсюда, купим на эти проклятые деньги где-нибудь в глуши домик и будем себе доживать век под чужой фамилией. Чтобы не так стыдно было...

А простак десять тысяч взял.

– Не забывайте, – говорит, – что я с самим Росси играл, с Поссартом! Каково мне теперь?!

Дали.

За пьесой обратились к известному, модному автору, произведения которого вызывали всеобщий заслуженный восторг.

– Не дам, – сказал он, узнав, в чем дело.

– Мы хорошо заплатим... Десять тысяч за право постановки...

– Не могу... мое имя, мое авторское самолюбие...

– Пятнадцать тысяч!!

– Право, не могу, мое имя, мое авторское самолю...

– Двадцать!!

– Но мое имя, мое само...

– Сорок тысяч!..

– Но... само...

– Пятьдесят!..

– Само... собой разумеется, что я пьесу дам. Я уверен, что оригинальная трактовка госпожой Зеленой моей пьесы придаст ей своеобразный колорит.

– Верно, – сказал я. – Колорит. Придаст. Зеленый колорит. Получайте чек.

Знаменитый художник-декоратор принял меня на площадке лестницы.

– А меня дома нет, – с сожалением сообщил он.

– Десять тысяч, – сказал я.

– Десять? Зайдите в переднюю.

– Собственно даже не десять, а двадцать, – поправился я.

– Что ж мы тут стоим... Пожалуйста в гостиную. Вы, кажется, сказали – тридцать тысяч? Простите, но я лишен возможности.

– Я сказал – сорок тысяч!

– Тогда я не лишен возможности. Пойдемте в мою святая святых – в мастерскую. Посмотрите кое-что новенькое...

Задолго до спектакля во всех тиктакпольских газетах были заняты первые страницы объявлениями о нашем театре. На первый спектакль билеты были проданы все, на второй спектакль двадцать два билета, а на третий – один.

Спектакль состоялся.

Только теперь я понял, как умно поступила Зеленая, выстроив новый театр. Потому что в старом театре стены и потолок не выдержали бы той бури, того свирепого урагана негодования, свиста и рева разъяренной публики.

Три дня после премьеры газеты трепали нас, как компания медалянских щенков треплет дохлую крысу...

На второй день было 22 человека, на третий – один.

Отчасти это было хорошо, потому что и шуму было меньше.

А на третий день единственный зритель, который сидел во втором ряду, вышел среди действия в проход между стульями, стал на колени и заплакал:

– Позвольте мне уйти домой, – сказал он, простирая к капельдинерам руки. – Ей-богу, я приду завтра, досмотрю.

Его отпустили на честное слово. Очевидно, это был отъявленный негодяй, потому что слова своего он не сдержал.

Спектакль приостановили.

Зеленая пригласила меня в свою блистающую роскошью убожную и, сверкая глазами, спросила:

– Ну, что? Теперь вы убедились?

– Что такое?

– Интриги.

– Гм!.. Да.

– Во-первых, интриги, а во-вторых, вы не умеете привлечь публику. Реклама плохая.

– Реклама хорошая, – угрюмо возразил я.

– Реклама плохая. Почему же тогда публика не ходит? Почему? Если бы была реклама хорошая, публика бы ходила... Послушайте! Ведь я же денег не жалею. Делайте что хотите, но чтобы публика была...

– Слушаю-с.

На другой день я сдал во все тиктакпольские газеты объявление:

«Ищут приличных молодых людей и дам для вечерних занятий. Работа требует известного напряжения, терпения, но условия оплаты блестящие. За время от 8 часов вечера до 12 часов ночи каждое поступившее к нам на службу лицо получит пять рублей».

На другой день сбор был почти полный.

Но публика была неопытная. По своей добросовестности все хлопали без разбора и в смешных местах пьесы утирали глаза платками.

Я пригласил тогда режиссера для всей этой неорганизованной банды и нанял студию для обучения «зрительскому» искусству.

Некоторые сделали блестящие успехи и выдвинулись на первые места. Им жалованья прибавили.

Но костюмерная часть страдала – пришлось устроить мастерскую дамского и мужского платья. Теперь театр выглядел нарядно, красиво, всегда был переполнен и жизнь наша потекла спокойно и приятно, если не считать двух больших забастовок зрителей с предъявлением ими

требований: вежливого обращения со стороны капельдинеров, отмены биноклей и перемены пьесы на другую, новую. Тяжелые условия труда были до известной степени смягчены, и зрители успокоились.

Но однажды Зеленая пригласила меня к себе в уборную и спросила с неудовольствием:

– Кажется, и сборы теперь хорошие, и успех налицо, почему же газеты о нас молчат?

– Я не знаю почему, – осторожно заметил я.

– Вы не знаете?! Да! Недаром говорят, что театральный и газетный мир – это зловонное гнездо интриг. Послушайте, Новакович... Нам нужна газета!

– Но...

– Нам нужна газета и, кроме того, еще журнал. Будем выпускать в красках, помещать все постановки, костюмы. Ступайте, устраивайте.

Пошел я. Устроил.

Первые номера, когда «вышли в свет», то тут же и легли камнем, как полусырой блин в желудке катарального.

Зеленая позвала меня в свою роскошную уборную и спросила:

– Что же это я нигде и ни у кого не вижу нашей газеты? Почему ее не читают? Ведь ко мне в театральном отделе отнеслись очень мило. Единственная добросовестная газета, и она никому не известна.

– Слушаю-с, – сказал я и, поцеловав у нее ручку, ушел.

Но когда я пришел домой и высчитал, что организация газетных читателей будет стоить около двухсот тысяч рублей (наши зрители категорически отказались взять на себя еще одну тяжелую работу), тогда я понял, что кампания проиграна... На текущем счету у нас оставалось около 50 тысяч рублей, а зрителям за последние полмесяца еще не было заплачено. Да давилыщики, обязанность которых была устраивать давку около кассы, только вчера потребовали улучшения своего положения, устройства эмеритурной кассы и пенсионного фонда.

А сзади стояла еще целая голодная, жаждущая армия: гастролеры-истерички для истеричных мест в пьесе, встречальщики у актерского подъезда, «рикши», выпрягавшие лошадей и доставлявшие Зеленую домой после спектакля...

Я пришел к Зеленой, сложил на груди руки и сказал:

– Кончено.

– Что?!

– Денег больше нет.

Через минуту я уже бежал по городу, изрыгая проклятия и хватая сам себя за голову.....

– Почему? – спросил Новаковича один из слушателей.

– Почему? – прищурился он. – Потому что она мне ответила:

– Пусть нет денег, но зато есть успех! Мои полные сборы меня поддержат!!

– Бедная Зеленая! – вздохнул кто-то.

– Да, – подтвердил другой задумчиво. – Бедная... А ведь была богатая...

Дьявольские козни

I

Саксаулова удивило: с молодым человеком Чипулиным он был очень мало знаком, и тем не менее Чипулин, встретив мужа и жену Саксауловых на вокзале, закричал от радости, завертелся и, поцеловав дважды ручку госпожи Саксауловой, признался, что никогда ему не выпадала на долю более приятная встреча.

– Здравствуйте, здравствуйте, – сказал Саксаулов.

– Вот-то смешно! Приехал на вокзал и вдруг встречаю – кого же? Вас. Прямо кому-нибудь расскажи – не поверит... Извольте куда-нибудь ехать?

– Да, я еду... а она провожает.

– Едете, вероятно, для приятного удовольствия?

– Какое! Тетка сильно заболела... в Рязани. Так вот, надо проведать.

Чипулин побледнел и хватился рукой за сердце.

– Что вы го-во-ри-те! Заболела?! Да чем же, господи! Вот-то несчастье!

– Да она старуха. Чего ж ей и не поболеть?..

– Ах, уж эти болезни... Ну, ничего. Мужайтесь! Может быть, все обойдется.

Тем не менее сам Чипулин долго не мог успокоиться. Он качал головой, соболезнующе почмокивал губами и весь вид его являл собою тревогу и скорбь о рязанской тетке Саксаулова.

– Вы взяли билет? Позвольте, я возьму. Чего вам самим-то хлопотать.

– Да билет есть. Пойдем на перрон. Семь минут до отхода.

Хорошенькая, черноглазая Саксаулова, опустив голову, в задумчивости пошла за мужем. Чипулин, идя рядом с ней, спросил:

– Вот-то, я думаю, вам тоже тяжело расставаться с Петром Сергеичем... Такая, право, неприятность.

– Ну он ведь через два-три дня вернется.

– Оно-то, конечно, три дня, а все-таки признайтесь: ведь даже на три дня тяжело расставаться, а? Да, тяжело... Я понимаю вас. Ей-богу. Но как смешно: приехал и вдруг встречаю вас. Вы разрешите мне потом проводить вас домой?

– Нет, помилуйте. Зачем же вас затруднять. Я сама...

– О, что вы! Теперь время вечернее... Я никогда не допущу! Не правда ли, Петр Сергеич?

– Отчего же... Я вам буду очень благодарен, если вы ее довезете.

– Милый! Но мне прямо-таки неудобно пользоваться временем мосье Чипулина...

Чипулин страдальчески прижал руки к груди и простонал:

– О, ради бога! Ну, ради бога, не думайте обо мне. Это – обязанность каждого порядочного знакомого проводить домой знакомую.

Прозвонил второй звонок.

Саксаулов поцеловал жену, пожал руку Чипулину, но Чипулин обнял его и поцеловал.

– От всего сердца, – торжественно сказал он, – от всего сердца желаю, чтобы ваша добрая тетушка очутилась в приличном здоровье и благополучии. Ура!

– Спасибо, спасибо! Прощайте.

Чипулин побежал за тронувшимся поездом. Он махал платком, советовал не открывать окон в вагоне, настаивал на благополучном возвращении, а когда поезд удрал от него – вернулся к Саксауловой.

Лицо его носило признаки тихой меланхолической грусти, которая, как заходящее солнце на верхушках деревьев, гаснет не сразу, а постепенно, передвигаясь от горькой складки у рта к затуманенным глазам, и умирает наконец на поморщенном челе.

– Как всегда ужасно расставанье и как радостна встреча. Не правда ли? Мой совет таков: думайте о том, что три дня не вечность, – и вам будет легче.

– Да, да, – сказала, кивая головой, Саксаулова. – Ну, прощайте.

– Ни-ни! Ни-ни-ни! Я должен проводить вас.

– Да зачем же? Я возьму извозчика и поеду одна.

– Ольга Захаровна! Но ведь нам по дороге... И подумайте, что скажут, когда узнают, что я, как какая-нибудь свинья, бросил даму на вокзале, а сам удрал. Ведь это простой долг вежливости. Я знаю, вы из деликатности отказываетесь.

– Вовсе нет! Я поеду одна. Мне еще нужно дать телеграмму.

– О боже! Да ведь здесь же есть телеграф! Пойдемте! Я провожу вас. Вы напишете телеграмму, а я подам ее. Честное слово, я не буду в нее заглядывать.

Сжав губы, Саксаулова последовала за Чипулиным, подошла к конторке и, потоптавшись немного, написала:

«Москва. Пречистенка. Гарданову для Лидочки. Ну, как поживаешь? У нас все время дожди. Оля».

Чипулин взял телеграмму и понес ее на отлете, подчеркивая этим, что он не позволит себе даже случайно заглянуть в нее.

– Сдал! Теперь вы баиньки? Я доведу вас до самого дома.

Саксаулова посмотрела на него с невыразимым страданием и мукой.

– Чипулин! Я должна одна поехать домой.

– Ольга Захаровна! К чему эти деликатности? Ради бога, не стесняйтесь.

Саксаулова беспомощно посмотрела на потолок, постучала концом зонтика об пол и вдруг сказала:

– Знайте же, надоедливый человек, что меня здесь ожидает Волк-Демьянский и мы поедем не домой, а в ресторан. Довольно с вас?

– Иван Эрастыч? – обрадовался Чипулин. – О боже ж мой! Да чего вы раньше не сказали? Я вам сейчас найду его. Где он?

– Он ожидает около багажного отделения.

– Вот-то смешно! Да почему же он не провожал вместе с нами уважаемого Петра Сергеича?

– Потому что было неудобно.

– О боже! Иван Эрастыч такой прекрасный человек.

– Еще бы, – злобно сказала Саксаулова. – Он мой любовник, знаете ли вы это, – и муж кое-что подозревает. Вот почему Эраст не провожал его! Понимаете вы, москит вы надоедливый?!

– Вот что-о, – протянул Чипулин, и лицо его озарилось предоброй лукавой улыбкой. – Вот это здорово!

– Только если вы скажете хоть одно слово мужу или кому-нибудь – Эраст выстрелит в вас.

– Я?! Скажу?! Лучше же мне сейчас откусить свой язык. Нет-с! Чипулины не говорят. Не беспокойтесь! Я все это вам устрою.

– Что все? – обеспокоилась Саксаулова.

– Все, все.

Кое-что Чипулин действительно устроил: он побежал в багажное отделение, отыскал там изумленного его появлением Эраста, привел его к Саксауловой, а потом проводил их до извозчика, усадил и, придерживаясь за крыло экипажа, сказал, элегически любуясь на небо:

– Не правда ли, как хорошо любить? Приятнейшее занятие в сердечном смысле. А? Мужайтесь!

– Пошел! – закричал Эраст извозчику.

Извозчик дернул, и умиленный Чипулин чуть не упал, так как крыло экипажа выскользнуло из-под его руки.

Забыв согнать с лица испуганное выражение, долго следил за экипажем Чипулин, и уста его шептали: «О ты, могущественнейшее чувство!»

Потом спохватился Чипулин и, поспешно заменив испуганное выражение лица другим, задумчивым, пошел домой.

II

На другое утро Саксаулова получила городскую телеграмму:
«Будьте покойны. Все устрою. Телеграфируйте мне час и день приезда мужа. Феодосий Чипулин».

На это Саксаулова ответила:

«Что там такое вы устраиваете? Ничего не надо. Молчите и больше ничего».

Вечером пришла вторая телеграмма от Чипулина:

«Нужно устранить подозрения. Надеюсь успеть к приезду. Мужайтесь!»

Саксаулова написала телеграмму:

«Вы просто дурак».

Но телеграф отказался передать эту телеграмму, на том-де основании, что ругательные слова запрещено передавать по телеграфу.

На третий день явился Саксаулов.

Жена приехала встречать его за пять минут до прихода поезда, а запыхавшийся Чипулин показался тогда, когда поезд уже подошел.

Поздоровавшись с Саксауловым, Чипулин зашел за его спину и сделал ряд знаков, которые должны были вполне успокоить Саксаулову, что все, дескать, обстоит как следует.

– Ну, что у вас тут новенького? – спросил Саксаулов.

– Ради бога! – вскричал, прижимая руки к сердцу Чипулин. – Прежде всего – как тетушка?

– Здорова. Спасибо. Выздоровела.

– О боже! Воображаю, в каком вы восторге!

Саксаулов посмотрел внимательно на Чипулина и пожал плечами.

– Что ты подельвала без меня? – спросил он жену.

Чипулин сделал озабоченное лицо, полез в жилетный карман и вынул оттуда какие-то билеты.

– Вот-с. Это мы с Ольгой Захаровной были в театре. Видите? Даже контрольные купоны оторваны. Пресмешная пьеса. Хи-хи-хи. Это мы были позавчера. А в день вашего отъезда я, значит, отвез Ольгу Захаровну домой и, посидев немного, уехал, так как у нее заболела голова и она легла спать.

– Ну, едем домой, – нетерпеливо сказала Саксаулова. – Прощайте, Чипулин.

Муж стал расплачиваться с носильщиком, а Чипулин наклонился к Саксауловой и таинственно подмигнул.

– И дома у вас все устроено. Дворнику дал десять, двум горничным и швейцару по пяти. Все дали слово молчать.

– Что б вы пропали! – сказала Саксаулова.

– Что? – переспросил вернувшийся муж.

– Я говорю – куда ты запропал? Поедем. У меня голова болит.

– Да? И вчера болела?

– Да, да! – сказал Чипулин. – Вчера Ольга Захаровна совсем из дому не выходила. Была больна... Как же-с. Вот докторское свидетельство.

Действительно, он порылся в боковом кармане и вынул какое-то свидетельство.

Саксаулов широко открыл глаза.

– Да к чему же свидетельство? Ничего не понимаю.

– Больна Ольга Захаровна – очень просто. Значит, никуда и не выходила, сидела дома. Вот и свидетельство – видите ее имя и число месяца. Я вам сейчас позову извозчика. Кстати, знаете, удивительно пресмешная вещь... Вы знаете Эраста Волк-Демьянского?

– Я думаю, – сказал муж, усмехнувшись углом рта.

– Так такое совпадение, можете представить: захожу вчера к нему – три дня как болен.

Лежит – жар у него, из дому не выходит. Такая странность.

Саксаулов опустил голову. Потом спросил:

– Может, вы и на его болезнь имеете докторское свидетельство? Ха-ха-ха!

Смех его был странный.

– Умоляю тебя, едем! – вскричала Саксаулова. – Мне очень нехорошо!!

– Верю, – покачал головой Саксаулов. – Тебе очень нехорошо... Прощайте, Чипулин.

– До свиданья. Но не смешно ли: три дня лежит Волк-Демьянский в жару, в бреду и все время твердит имя какой-то Альфонсины.

Чипулин уперся руками в бока и раскатился самодовольным смехом ловкого хитреца.

По влечению сердца (Образцы иностранной литературы)

І. Французский рассказ

Войдя в вагон, Поль Дюпон увидел прехорошенькую блондинку, сидевшую в одиночестве у окна и смотревшую на него странным взглядом.

– Ого! – подумал Дюпон, а вслух спросил: – Вам из окна не дует?

– Окно ведь закрыто! – засмеялась блондинка и лукаво взглянула на него.

– Разрешите закурить?

– Пожалуйста. Я люблю сигарный дым.

– Увы! К сожалению, я не курю, – вздохнул Поль. – Разрешите узнать, как ваше имя?

– Луиза.

– Луиза?! Ты должна быть моей! С первой встречи, когда я тебя увидел...

– Ах, плутишка! – сказала Луиза, открывая свои объятия.

Оправляя прическу, Луиза спросила любовника:

– Ты куда?

– В Авиньон.

– И я тоже.

Поезд подходил к вокзалу.

Из вагонов хлынула публика, и они расстались.

Поль взял извозчика и поехал в замок своего друга д'Арбиньяка.

Д'Арбиньяк очень ему обрадовался.

– Сейчас познакомлю тебя с женой. Луиза!

Поль Дюпон вздрогнул.

– Ка-ак! Это вы?!

– Вы... знакомы?!

Молодая женщина улыбнулась и, глядя на мужа ясным взглядом, сказала:

– Да! Мы ехали в одном и том же вагоне и премило убили время... Надеюсь, что и тут вам будет так же хорошо...

– Браво! – вскричал виконт д'Арбиньяк.

II. Английский рассказ

Томми О'Пеммикан добывал себе скромные средства к жизни тем, что по вечерам показывал в уайт-чапельском кабачке Сиднея Гроша свое поразительное искусство: он всовывал голову в мышеловку, в которой сидела громадная голодная крыса, и после недолгой борьбы ловил ее на свои крепкие, белые зубы... Несмотря на то что животное яростно защищалось, через минуту слышался треск, писк – и крыса, перегрызенная пополам, безжизненно падала на покрытый кровью пол гигантской мышеловки.

Мисс Сьюки Джибсон упростила своего отца однажды сделать честь Сиднею Грошу и навестить этого старого мошенника в его берлоге.

Отец сначала ужаснулся («Ты, девушка из общества, – в этом вертепе?»), но потом согласился, и таким образом однажды в туманный лондонский вечер среди пропитанных джином и пороком джентльменов – обычных посетителей дяди Сиднея – очутилась молодая, изящная девушка с пожилым господином.

Представление началось. Томми вышел, пряча свои жилистые кулаки в карманы и равнодушно поглядывая на метавшегося по клетке обреченного врага.

Все придвинулись ближе... И вдруг раздался звонкий девичий голос:

– Держу пари на тысячу долларов, что этому джентльмену не удастся ее раскусить!

– Годдэм! – крикнул хрипло подвыпивший американский капитан с китобоя «Гай Стокс». – Принимаю! Для Томми это все равно что раскусить орешек. Ставлю свою тысячу!

– Томми, не выдай! – заревела толпа.

Томми О'Пеммикан, не обращая внимания на рев, смотрел на красивую девушку во все глаза. Потом вздохнул, всунул голову в клетку и... крыса бешено впиалась ему в щеку.

– Что же ты? – взревели поклонники. – Что с ним? Это первый раз. Болен ты, Томми, что ли?

– Годдэм! – вскричал хриплый китобой. – Он ее не раскусил, но я его раскусил! Он в стачке с девушкой!

Загремели выстрелы... Томми прыгнул как тигр и, отбросив ударом кулака китобоя, ринулся к выходу!.....

Когда Джибсоны выбрались из адской свалки и побежали по туманной улице, Сьюки наткнулась на что-то и вскрикнула:

– Это он! Это мистер Пеммикан... Он ранен! Нужно взять его к нам домой.

– Удобно ли, – нахмурился отец, – постороннего человека.

– All right! – вскричала Сьюки решительно. – Постороннего неудобно, но будущего моего мужа – против никто ничего не скажет!.....

III. Немецкий рассказ

– Лотта! – вскричал Генрих, хватая свою женушку за руку. – Это что такое? Что ты от меня спрятала?

Лотта закрыла лицо руками и прошептала:

– О, не спрашивай меня, не спрашивай.

– Покажи! Это, вероятно, записка! У тебя есть любовник?!

Лотта молча заплакала:

– Бог тебя простит!

– Покажи!!

– Нет! – сказала Лотта, смело смотря ему в глаза. – Ни за что!

– В таком случае – вон из моего дома!

– Я уйду, – прошептала Лотта, глядя на него глазами, полными слез, – но позволь мне вернуться 28 июля.

– Вздор! К чему эти комедии. Вон!.

Был день 28 июля.

У Генриха собрались гости и родственники, так как был день его рождения, – одной только Лотты, любимой Лотты, не было.

Где она бродила, изгнанная мужем?

– С днем рождения тебя! – вскричал отец, поднимая бокал.

Вдруг дверь распахнулась и вошла исхудавшая Лотта... С гордо поднятой головой она подошла к столу, в котором месяц тому назад спрятала что-то тайком от мужа.

Она открыла ящик стола, сунула туда руку и... вынула пару теплых туфель, вышитых гарусом.

– Вот, Генрих, почему я не могла показать... это сюрприз.

– Прости меня, Лотта, – вскричал Генрих, обливаясь слезами. – Я не имел права тебя подозревать...

Лотта вся вспыхнула и бросилась мужу в объятия.

– Вот видите, – сказал отец, – как вы были легкомысленны. Пословица говорит, что нужно сначала хорошенько расспросить, что за вещь заключалась в столе, и если эта вещь была невинного характера, то не нужно обращаться так сурово со своей маленькой женкой. Теперь вы достаточно наказаны, и в будущий раз это не повторится!

IV. Австралийский рассказ

На краю золотоносной ямы сидели двое: беглый каторжник Джим Троттер и негр Бирбом – неразлучные приятели.

– Проклятая страна! – проворчал Джим, отбрасывая в сторону кусок попавшегося под руку золота. – Ни одной женщины... А мне бы так хотелось жениться.

– Ты любил когда-нибудь? – спросил черный Бирбом, лениво пожевывая кусок каменного дерева.

– Давно. Это была индианка, которую я однажды застал в обществе долговязого Нея Мастерса. Это меня так смутило, что я тут же убил их обоих, украл лошадь и бежал.

Он посмотрел вдаль и вдруг, вскочив, крикнул:

– О, что это? Боже мой! Ведь это женщина! Ну, конечно... Старина Бирбом! Беги к ней со всех ног, чтобы она не ушла. Скажи, что я люблю ее, ну и прочее... и предлагаю сделаться моей женой. Если обломаешь дело, подарю тебе мои щегольские красные штаны!

Прыткий Бирбом не заставил себя ждать. Он понесся во всю прыть, а Джим собрал около себя кучу самородков, вытер грязной рукой с лица пот и вытащил из волос запутавшуюся ветку – все это для того, чтобы ослепить невесту своим видом и богатством...

Бирбом вернулся, еле дыша, с глубоким разочарованием в лице.

– Что она сказала?

– Она сказала, что я не получу твоих красных штанов. Тем более что это была не она, а он.

– Кто он?

– Старый мул диггера Паулинса, отбившийся от прииска. А ты, слепая курица, принял его за женщину!

И мечты бедного Джима о семейной жизни в один миг оказались разбитыми.

Он разбросал рукой опостылевшие самородки, упал на раскаленную землю и завыл.

А австралийское солнце – злой, желтый, пылающий таз – заливало равнодушные камни и пыльные листья молочаев своим мутным, как потухающие уголья, светом...

Конец графа Звенигородцева (Рассказ из жизни большого света)

Граф Звенигородцев проснулся в своем роскошном особняке, отделанном инкрустацией, и сладко потянулся. Позвонил...

– Вот что... – сказал он вошедшему камердинеру. – Приготовь мне самое дорогое шелковое белье и платье от английского портного... Я через час поеду в баню. Никогда не был в бане – посмотрю, что это такое.

Прислуга в доме графа была вышколена удивительно: камердинер действительно пошел и сделал все так, как приказал граф.

Через час граф Звенигородцев вышел из своего роскошного особняка и, вскочив в дорожной, отделанный инкрустацией автомобиль, крикнул шоферу:

– В самые лучшие бани! В дворянские!!

Облака пара застилали глаза... Мелькали голые тела, слышался плеск горячей воды, гоготанье... Брезгливо поглядывая на эту неприглядную картину, граф лежал на скамье и морщился, когда высокий долговязый парень слишком сильно тер ему шею.

Этот долговязый парень давно уже не нравился графу своей непринужденностью и фамильярным обращением. Он хватал графа за руки, за ноги, мылил ему голову и часто выкрикивал какое-то непонятное слово «эхма!».

– Боже ты мой! – думал граф. – Где этот человек получил воспитание?.. Прямо-таки ужасно.

Мытье подходило уже к концу. Граф предполагал сейчас же встать и, даже не поклонившись долговязому человеку, уйти, чтобы этим подчеркнуть в деликатной форме свое неудовольствие.

Уже граф, поддерживаемый парнем, поднялся со скамьи... Уже он, окаченный горячей водой, взмахнул руками и отряхнул миллион светлых брызг... Уже... Как вдруг произошло что-то до того тяжелое, до того кошмарное – чего не могло бы предположить самое разнузданное воображение: парень неожиданно изловчился и, хлопнув графа по белой изящной спине, с хладнокровием истого бретера сказал:

– Будьте здоровы!

Граф вздрогнул, как благородный конь, которому вонзили в бока шпоры, повернул свое искорверканное гневом лицо и грозно вскричал:

– Эт... то что такое?!

– Будьте здоровы, говорю, ваше сиятельство! – повторил негодяй, делая иронический поклон.

– А-а, негодный... Зная, кто я такой, ты позволяешь себе то, что смывается только кровью?!! Я не убиваю тебя, как собаку, только потому...

И сделав над собой страшное усилие, граф отчеканил более спокойным голосом:

– Милостивый государь! Завтра мои свидетели будут у вас. Ваше имя?

– Алеша, ваше сиятельство. Так пусть меня и спросят, если помыться али что. В это время я всегда тут. На чаек бы с вас.

Эта убийственная ирония, это последнее оскорбление уже не произвело на графа никакого впечатления... Он молча повернулся и вышел в предбанник. Вызов был сделан, и все неприличие и бестактность противника не могли задеть теперь графа.

Сжав губы и нахмурившись, граф быстро оделся, вышел, вскочил в свой элегантный автомобиль и помчался к своему другу барону Сержу фон Шмиту.

Барон фон Шмит тоже жил в богатом особняке, отделанном мореным дубом и бронзой.

– Серж, – с наружным спокойствием сказал граф, хотя подергиванье губ выдавало его внутреннее волнение.

– Серж! Я сегодня был оскорблен самым тяжелым образом и вызвал оскорбителя на дуэль. Ты будешь моим секундантом?

– Буду.

Граф рассказал все происшедшее барону, который молча выслушал его и потом спросил:

– Слушай... А вдруг он не дворянин?

Граф похолодел.

– Неужели... Ты думаешь...

– Весьма возможно... Тогда ясно – тебе с ним драться нельзя.

– Боже! Но что же мне делать?!

– Видишь ли... если он не дворянин – тебе нужно было сейчас же после нанесения оскорбления выхватить шпагу и убить подлого хама на месте, как бешеную собаку...

– Что ты такое говоришь: выхватить шпагу! Откуда же ее выхватить, если я был совершенно голый? Да если бы я был одет – не могу же я носить шпагу при сюртуке от лучшего английского портного?

– Тебе нужно было задушить его голыми руками, как собаку.

– О господи! – застонал граф, хватаясь за голову холеными руками. – Но, может быть, он – дворянин? Ведь бани-то дворянские?

– Будем надеяться, мой бедный друг, – качая головой, прошептал барон.

На другой день барон поехал по данному графом адресу, нашел оскорбителя и, сухо поздоровавшись, имел с ним долгий горячий разговор.

Когда он возвращался в свой особняк к ожидавшему его графу, лицо его было сурово, губы сжаты, а брови нахмурены.

Он легко взбежал по лестнице, остановился на секунду у дверей своего роскошного кабинета мореного дуба, пригладил волосы и с холодным лицом вошел...

– Ну, что?! – бросился к нему граф, протягивая трепещущие руки.

Барон отстранил его руки, свои засунул в карманы и медленно отчеканил:

– Вы получили оскорбление действием от наглого мещанина и не сделали того, что должен был сделать человек вашего происхождения: не убили его, как собаку.

– Он мещанин?! – болезненно вскричал граф, закрывая лицо руками.

– Да-с! Мещанин... И трус, вдобавок. По крайней мере, он сейчас же испугался, струсил и стал просить извинения. Говорил, что у них такой обычай – хлопнуть по спине на прощанье... Вы не убили его, как собаку, на вашей спине еще горит оскорбительный удар... Граф! Прошу оставить мой дом... Не считайте больше меня своим другом. Я не могу протянуть руки опозоренному человеку.

Граф застонал, схватился изящными руками за голову и, не оправдываясь, выбежал из кабинета...

Он долго бродил по городу, потрясенный, уничтоженный, с искаженным горем и страданием лицом. Запекшиеся губы шептали:

– За что? За что на меня это обрушилось?

Потом его потянуло к людям.

Он кликнул извозчика и велел ехать в роскошный особняк княгини Р.

...Лакей, одетый в дорогую ливрею, расшитую золотом и инкрустацией, преградил ему путь.

– Не принимают!

Граф удивился.

– Как не принимают? Сегодня же приемный день?

– Да-с, – нагло сказал сытый лакей, перебирая инкрустации на своей ливрее. – Приемный день, но вас не приказано принимать.

Граф застонал.

– Вот что, голубчик. На тебе сто рублей – только скажи мне правду: барон фон Шмит был сейчас у вас?

– И сейчас сидят, – осклабился лакей. – Эх, ваше сиятельство... Нешто можно так? Нужно было убить его, как собаку!.. А еще дворяне...

– И этот знает, – болезненно улыбнулся граф, вскочил на извозчика и, взглянув на свои золотые часы с инкрустацией, крикнул извозчику:

– К невесте!

Невеста графа, княжна Нелли Глинская, жила с родителями в изящном особняке и очень любила графа.

– Нелли, – шептал граф, подгоняя извозчика. – Милая Нелли... Только ты меня поймешь, не осудишь...

Он подъехал к воротам изящного особняка князей Глинских и радостно вскрикнул: из ворот как раз выходила Нелли.

– Нелли! Нелли! – крикнул граф гармоничным голосом. – Нелли!..

Невеста радостно вскрикнула, но сейчас же отступила и, подняв руки на уровень лица, пролепетала:

– Нет, нет... не подходите ко мне... я не могу быть вашей...

– Нелли?! Почему?!!

Она сказала дрожащими губами:

– Я могла принадлежать чистому, незапятнанному человеку, но вам... на теле которого горит несмываемое оскорбление... Не оправдывайтесь! Барон мне все рассказал...

– Нелли! Нелли!! Пойми меня... Что же я мог сделать?!

– Что? Вы должны были выхватить шпагу и заколоть оскорбителя, как бешеную собаку!!

– Нелли!! Какую шпагу? Я ведь был совсем... без всего...

С криком ужаса и возмущения закрыла ручками плававшее лицо Нелли и – скрылась в воротах.

– Один... – с горькой улыбкой прошептал граф. – Всеми брошенный, оставленный, презираемый... Кровно оскорбленный...

На лице его засияла решимость.

Пробила полночь... Роскошный особняк графа Звенигородцева был погружен в сон, кроме самого графа.

Он сидел за старинным письменным столом, украшенным инкрустацией, и что-то писал... На губах его блуждала усталая улыбка...

– Нелли, – шептал он. – Нелли... Может быть, сейчас ты поймешь меня и... простишь!

Он заклеил письмо, запечатал его изящной золотой печатью и поднес руку с револьвером к виску... Грянул выстрел... Граф, как сноп, рухнул на ковер, сжимая в руках дорогой револьвер с инкрустацией...

Опора порядка

I

Вольнонаемный шпик Терентий Макаронов с раннего утра начал готовиться к выходу из дому. Он напялил на голову рыжий, плохо, по-домашнему сработанный парик, нарумянил щеки и потом долго возился с наклеиванием окладистой бороды.

– Вот, – сказал он, тонко улыбнувшись сам себе в кривое зеркало. – Так будет восхитительно. Родная мать не узнает. Любопытная штука – наша работа... Приходится тратить столько хитрости, сообразительности и увертливости, что на десять Холмсов хватит. Теперь будем рассуждать так: я иду к адвокату Манькину, которого уже достаточно изучил и выследил. Иду предложить себя на место его письмоводителя. (Ему такой, я слышал, нужен. А если я вотрюсь к нему – остальное сделано.) Итак, письмоводитель. Спрашивается: как одеваются письмоводители? Мы, конечно, не Шерлоки Холмсы, а кое-что соображаем: мягкая цветная сорочка, потертый пиджак и брюки, хотя и крепкие, но с бахромой. Вот так! Теперь всякий за версту скажет: письмоводитель!

Макаронов натянул пальто с барашковым воротником и, выйдя из дому, крадучись зашагал по направлению к квартире адвоката Манькина.

– Так-то, – бормотал он сам себе под нос. – Без индейской хитрости с этими людьми ничего не сделаешь. Умные, шельмы... Да Терентий Макаронов поумнее вас будет. Хе-хе!

У подъезда Манькина он смело нажал кнопку звонка; горничная впустила его в переднюю и спросила:

– Как о вас сказать?

– Скажите: Петр Сидоров. Ищет места письмоводителя.

– Подождите тут, в передней.

Горничная ушла, и через несколько секунд из кабинета донесся ее голос:

– Там к вам шпик пришел, что под воротами допреж все торчал. «Я, – говорит, – Петр Сидоров и хочу наниматься в письмоводители». Бородищу наклеил, подмазался – прямо умора.

– Сейчас я к нему выйду, – сказал Манькин. – Ты его где оставила, в передней?

– В передней.

– После посмотришь под диваном или за вешалкой – не сунул ли чего? Если найдешь, выброси.

– Как давеча?

– Ну да! Учить тебя, что ли? Как обыкновенно.

Адвокат вышел из кабинета и, осмотрев понурившегося Макаронова, спросил:

– Ко мне?

– Так точно.

– А знаешь, братец, тебе борода не идет. Такое чучело получилось...

– Да разве вы меня знаете? – с наружным удивлением воскликнул Макаронов.

– Тебя-то? Да мои дети по тебе, брат, в гимназию ходят. Как утро, они глядят в окно: «Вон, говорят, папин шпик пришел... Девять часов, значит. Пора в гимназию собираться».

– Что вы, господин, – всплеснул руками Макаронов. – Какой же я шпик?! Это даже очень обидно. Я вовсе письмоводитель – Петр Сидоров.

– Лизавета! – крикнул адвокат. – Дай мне пальто. Ну, что у вас в охранке... Все по-старому?

– Мне бы местечко письмоводителя... – сказал Макаронов, хитрыми глазами поглядывая на адвоката. – По письменной части.

Адвокат засмеялся:

– А простой вы, хороший народ, в сущности. Славные детишки. Ты что же сейчас: за мной, конечно?

– Местечка бы, – упрямо сказал Макаронов.

– Лизавета! Выпусти нас.

Вышли вместе.

– Ну, я в эту сторону, – сказал адвокат. – А ты куда?

– Мне сюда. В обратную сторону.

Макаронов подождал немного и потом, опустив голову, опечаленный, поплелся за Манькиным. Он потихоньку, как тень, крался за адвокатом, и единственное, что тешило его, – это что адвокат его не замечает.

Адвокат приостановился и спросил, обернувшись вполоборота к Макаронову:

– Как ты думаешь, этим переулком пройти на Московскую ближе?

– Ах, как это странно, что мы встретились, – с искусно разыгранным удивлением вскричал Макаронов. – Я было решил идти в ту сторону, а потом вспомнил, что мне сюда нужно. К тетке зайти.

«Ловко это я про тетку ввернул», – подумал, усмехаясь внутренне, Макаронов.

– Ладно уж. Пойдем рядом. А то, смотри, еще потеряешь меня...

– Нет ли у вас места письмоводителя? – спросил Макаронов.

– Ну и надоел же ты мне, ваше благородие, – нервно вскричал адвокат. – Впрочем, знаешь что? Я как будто устал. Поеду-ка я на извозчике.

– Поезжайте, – пожал плечами Макаронов. («Ага! Следы хочет замести... Понимаем-с».) – А я тут к одному приятелю заверну.

Манькин нанял извозчика, сел в пролетку и, оглянувшись, увидел, что Макаронов нанимает другого извозчика.

– Эй, – закричал он, высовываясь. – Как вас... письмоводитель! Пойди-ка сюда. Хочешь, братец, мы экономию сделаем?

– Я вас не понимаю, – солидно возразил Макаронов.

– Чем нам на двух извозчиках трепаться – поедем на одном. Все равно ты ведь от меня не отвяжешься. А расходы пополам. Идет?

Макаронов некоторое время колебался, потом пожал плечами и уселся рядом, решив про себя: «Так даже, пожалуй, лучше. Можно что-нибудь от него выведать».

– Ужасно тяжело, знаете, быть без места, – сказал он с напускным равнодушием. – Чуть не голодал я, вдруг – вижу ваше объявление в газетах насчет письмоводителя. Дай, думаю, найду.

Адвокат вынул папиросу.

– Есть спичка?

– Пожалуйста. Вы что же, адвокатурой только занимаетесь или еще чем?

– Бомбы делаю еще, – подмигнул ему адвокат.

Сердце Макаронова радостно забилося.

– Для чего? – спросил он, притворно зевая.

– Мало ли. Знакомым раздаю. Послушайте... У вас борода слева отклеилась. Поправьте. Да не так!.. Ну вот, еще хуже сделали. Давайте я вам ее поправлю. Ну, теперь хорошо. Давно в охранном служите?

– Не понимаю, о чем вы говорите, – обиженно сказал Макаронов. – Жил я все время у дяди – дядя у меня мельник, а теперь места приехал искать... Может, дадите бумаги какие-нибудь переписывать или еще что?

– Отвяжись, братец. Надоел!

Макаронов помолчал.

– А из чего бомбы делаете?

– Из манной крупы.

«Хитрит, – подумал Макаронов. – Скрывает. Проговорился, а теперь сам и жалеет».

– Нет, серьезно, из чего?

– Заходи – рецептик дам.

II

Подъехали к большому дому.

– Мне сюда. Зайдешь со мной?

Понурившись, мрачно зашагал за адвокатом Макаронов.

Зашли к портному.

Манькин стал примерять новый жакет, а Макаронов сел около брошенного на прилавок адвокатом старого пиджака и сделал незаметную попытку вынуть из адвоката кармана лежавшие там письма и бумаги.

– Брось, – сказал ему адвокат, глядя в зеркало. – Ничего интересного. Как находишь – хорошо сидит жакет?

– Ничего, – сказал шпик, пряча руки в карманы брюк. – Тут только как будто морщит.

– Да, в самом деле морщит. А жилет как?

– В груди широковат, – внимательно оглядывая адвоката, сказал шпик.

– Спасибо, братец. Ну, значит, вы тут кое-что переделаете, а мы поедем.

После портного адвокат и Макаронов поехали на Михайловскую улицу.

– Налево, к подъезду, – крикнул адвокат. – Ну, милый мой, сюда тебе за мной не совсем удобно идти. Семейный дом. Ты уж подожди на извозчике.

– А вы скоро?

– Да тебе-то что? Ведь ты все равно около меня до вечера.

Адвокат скрылся в подъезде. Через пять минут в окне третьего этажа открылась форточка и показалась адвоката голова.

– Эй, ты... письмоводитель, как тебя? Поднимись сюда, в номер десятый на минутку.

«Клюет», – подумал радостно Макаронов и, соскочив с извозчика, вбежал наверх.

В переднюю высыпала встречать его целая компания: двое мужчин, три дамы и гимназист.

Адвокат тоже вышел и сказал:

– Ты, братец, извини, что я тебя побеспокоил. Дамы, видишь ли, никогда не встречали живых шпииков. Просили показать. Вот он, mesdames. Хорош?

– А борода у него, что это... Привязная?

– Да, наклеенная. И парик тоже. Поправь, братец, парик. Он на тебя широковат.

– Что, страшно быть шпииком? – спросила одна дама участливо.

– Нет ли места какого? – спросил, делая простодушное лицо, Макаронов. – Который месяц я без места.

– Насмотрелись, господа? – спросил адвокат. – Ну, можешь идти, братец. Спасибо. Подожди меня на извозчике. Постой, постой... Ты тут какие-то бумажки обронил. Забери их, забери... А теперь иди.

Когда адвокат вышел на улицу, Макаронова не было.

– А где этот фрукт, что со мной ездил? – спросил он извозчика.

– Да тут за каким-то бородастым побёг.

– Этого еще недоставало! Не ждать же мне его тут на морозе.

Из-за угла показалась растрепанная фигура Макаронова.

– Ты где же это шатаешься, братец? – строго прикрикнул Манькин. – Раз тебе поручили за мной следить – ты не должен за другими бегать. Жди тебя тут! Поправь бороду. Другая сторона отклеилась. Эх ты... На что ты годишься, если даже бороды наклеить не умеешь. Отдери ее лучше да спрячь, чтоб не потерялась. Вот так... Пригодится. Засунь ее дальше – из кармана торчит. Черт знает что! Извозчик! В ресторан «Слон».

Подъехали к ресторану.

– Ну ты, сокровище, – спросил адвокат. – Ты, вероятно, тоже проголодался? Пойдем, что ли.

– У меня денег маловато, – робко сказал сконфуженный шпик.

– Ничего, пустое. Я угощу. После сочтемся. Ведь не последний же день вместе. А?

«Пойду-ка я с ним, – подумал Макаронов. – Подпою его, да и выведаю, что мне нужно. Пьяный всегда проболтается».

* * *

Было девять часов вечера. К дому, в котором помещалось охранное отделение, подъехали на извозчике двое: один мирно спал, свесив набок голову, другой заботливо поддерживал его за талию.

Тот, который поддерживал дремавшего, соскочил с пролетки и, позвонив у дверей, вызвал служителя.

– Вот, – сказал он ворчливо. – Привез вам сокровище. Получайте... Ваш?

– Будто наш.

– Ну, то-то. Тащите его, мне нужно дальше ехать... И как это он успел так быстро и основательно нарезать... Пойдите, осторожнее, осторожнее! Вы ему так голову расквасите. Берите под мышки! Пойдите... У него из кармана что-то выпало. Записки какие-то литографированные... Гм!.. Возьмите... Ах, чуть не забыл... У меня его борода в кармане. Забирайте и бороду. Ну, прощайте. Когда проспится, скажите, что я завтра пораньше из дому выйду, – чтоб не опоздал. Извозчик, трогай!

Купальщик

- Эй... как вас... Мм... молодой чч... век! Нет ли тут поблизости морей каких-нибудь?
- Каких морей?
- Ну, там... Черного какого-нибудь... Средиземного. А то так Мраморного, что ли.
- Нет, тут поблизости не будет. Переплюниха река есть, так и то верст за пятнадцать...
- М... молодой чч... век! Море бы мне. А?
- Говорят вам – нет. Да вам зачем?
- Купаться ж надо ж...
- Да если нет, так как же?
- Человек, желавший выкупаться, покачнулся, схватил сам себя за грудь, удержал от падения и прохрипел страдальчески:
- Надо ж купаться же ж! Освежаться надо же ж!
- Да-с. Нет морей.
- А... Каспийское море... Далеко?
- Каспийское? Далеко.
- Вы думаете – я пьян?
- Почему же-с?
- Да, пил. Надо же ж пить же ж!! Напиваться необходимо же ж!!
- Извините... Я домой.
- Домой? Лошадь! Кто ж нынче домой ходит? Впрочем – прав! Надо ходить же ж домой же ж!! Посл... лушай! А дома морей никаких нет? Хоть бы Красное... Аральское... А? Ушел? Ну и черт с тобой. Ты же лошадь же ж! Я тут сейчас и искупаюсь! Вот еще! Куда бы мне пиджак повесить? Вот гвоздик! Надо ж пиджаки вешать же ж!
- Эй, господин! Разве тут можно раздеваться?
- Можно. Здравсс... прохожий... Не знаете – тут глубоко?
- Где-е? Это ведь улица! Тут и воды нет.
- Толкуй! Подержи жилетку.
- Отстаньте!
- О господи ж! Надо ж жилетки держать же ж! Купаться надо же ж!!
- Это... что еще?! Вы чего тут?! Как так – на улице раздеваться? Пшел!
- Мама-аша! Сколько лет!..
- От-то ж дурень! Какая я мамаша? Я городской.
- Вот ччерт!.. А я смотрю – обращение самое... материнское. Городской! Где моя мама?
- Стыдно, господин. Тут и купальни нет, а вы раздеваетесь!
- Нет купальни... А ты построй! Я тут сяду – пока брюки подожду снимать, а ты надо мной и воз... веди п... строчку! О господи! Строиться надо же ж!!
- Да зачем купальню, когда воды нет? Хи-хи.
- Милл... лай. Мне ж много не надо же ж! Построй купаленку, плесни ведрце – мне и ладно. Надо ж купаться же ж!!
- Же ж, же ж! Вот тебе покажут в участке «же ж»! Одягайся!
- Позвольте, городской! Они выпимши и не в себе, а вы сейчас – в участок. Знаем мы ваши участки. Позвольте, я сам его урезоню.
- Здравствуйте, господин!
- А-а... Мамаша! Глубочайшее...
- Купаться хотите?
- Купаться же ж надо ж! Работать надо ж!
- Дело хорошее. Водички вам немного потребуется.

- Пустяки же ж! Как пожива... аете?
- Слава богу, хорошо. Вам ведь купаться не обязательно? Только освежиться?
- Освежиться ж надо же ж!
- Ну вот. У меня в пузырьке вода и есть. Ведь вам не обязательно обливаться? Ежели ее немного – можно и понюхать. А?
- Господи! Надо нюхать же ж!
- Ну вот и хорошо. Умница. Нюхайте.
- Фф... ррр... пффф... Од... днако!
- Это вы что ему за водичку дали?
- Ничего-с. Нашатырный спирт.
- Здорово! Слеза-то как бьет. Хи-хи!
- Еще, может, нырнете, а? Вот бутылочка. Держи ему голову.
- Фф... рр... пфф... Однако!..
- Ну как?
- Где мой... пиджак? Дом купца Отмахалова направо?
- Направо.
- Городовой! Дай мой пиджак. Ффу!